

ТАЛГАТ ГАЛИУЛЛИН

✦ ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Талгат Галиуллин

**Избранные произведения.
Том 2. Повести, рассказы**

«Татарское книжное издательство»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Тат)-44

Галиуллин Т. Н.

Избранные произведения. Том 2. Повести, рассказы /
Т. Н. Галиуллин — «Татарское книжное издательство», 2016

ISBN 978-5-298-02967-4

В основе этой книги различные ступени жизни одной личности – самого автора – ныне известного татарского писателя, учёного-литературоведа, профессора, члена-корреспондента АН РТ, лауреата международной премии им. Кул Гали, литературных премий им. Г. Исхаки, Дж. Валиди, премии АН РТ им. Г. Ибрагимова Талгата Галиуллина. В повести «Гроздь жизни» описывается его счастливое детство, юность, протекающие на лоне прекрасной природы, в объятиях родителей, односельчан. В документальной повести «Дети своего времени» предстают картины нашей вчерашней и сегодняшней жизни, тонкие психологические наблюдения, узнаваемые ситуации, знакомые герои, недавние хозяева жизни, партийные боссы с их барскими замашками, персонажи из вузовской среды, гримасы перестройки, события, связанные с открытием факультета татарской филологии и истории, раздумья автора о судьбе татарской нации и т. д. В предлагаемой читателю книге Т. Галиуллин выступает и как мастер сентиментально-романтического повествования (повесть «Прости, любовь»), и как автор остроумных юмористических рассказов.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Тат)-44

ISBN 978-5-298-02967-4

© Галиуллин Т. Н., 2016

© Татарское книжное
издательство, 2016

Содержание

Повести	7
Гроздь жизни	8
Деревня – вечная молодость моя...	8
«Писарь» Галиулла	18
Отец и его окружение	21
Мама и её окружение	34
Тётушки-гувернантки	40
Бараксин	47
Кузнец-терминатор	53
Артель Агляма	59
Нуретдинов-джизни[3]	62
Бизнес по-татарски	66
Гаяз Ибрайкин	74
Дети своего времени	76
От судьбы не уйдёшь...	76
В Елабужской стороне	78
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Талгат Галиуллин

Избранные произведения. Том 2

© Татарское книжное издательство, 2016

© Галиуллин Т. Н., 2016

Повести

Гроздь жизни (Автобиографическая повесть)

Деревня – вечная молодость моя...

*Это ты, шайтан малай,
Мальчишество моё?
Пристально глядит в глаза,
Помнит – узнаёт.*

М. Аглям

Будет справедливо признать, что деревня Кичкальня (Кычытканлы¹), где раздался мой первый крик на земле, ничем не отличается от сотен и тысяч других татарских деревень. Здесь, как и в других селениях, испокон веку пахут землю, сеют хлеб, косят траву, собирают картофель и, как тукаевский Былтыр, не разгибая спины, рубят лес. Благодатные урожайные годы сменяются жестокими засухами, в назначенный час кто-то рождается, кто-то уходит в вечный мир, один безмятежно купается в семейном счастье, другого, глубоко несчастного, бросает жена... Горячие ветры трагических событий, происходящих в мире, доходят и до Кичкальни: где-то совсем далеко другие народы ведут войны, а мужчин на эти боины берут из татарских деревень, и частенько назад не возвращают; то и дело навязывают то коллективное хозяйство, то теперь вот его уничтожают, разрушают под видом перестройки.

История знает множество именитых деревень. Тукай увековечил селения, где родился и вырос сам, откуда родом его мать. Деревни Юкса, Сосновый Починок, Училе, Кырлай так и остались бы обычными местами обитания. Поэт же прославил их на весь мир, воспев в стихах волшебную красоту, богатые леса, незабываемые запахи трав родных деревень. Впоследствии к ним добавились сочные краски селений Яуширма, Сыркыды, Пешля, Мустафа. Эти звёзды зажглись благодаря родившимся там Г. Исхаки, Х. Такташу, Ш. Камалу, М. Джалилю. Вряд ли мы узнали бы, что есть Тарханы, если бы там не родился М. Лермонтов. Кто бы считал Ясную Поляну одним из святых мест земли, если бы не Лев Толстой?

Божественную силу тамбовских лесов, их таинственный шум, зловещую тишину, необыкновенную красоту Х. Такташ увековечил в своих стихах. Эти леса, может, уже вырублены, а в литературе они всегда будут жить и звать людей в мир красоты, которая – вечна.

Вот, например, деревня Кулле-Кими, что в Атнинском районе, по числу жителей намного меньше моей родной Кичкальни, а сколькими поэтами она одарила татарскую литературу только в наше время. Одного Сибгата Хакима с неё вполне было бы достаточно, но нет, деревня не скупится на таланты, продолжает растить и одаривать крыльями Пегаса своих питомцев.

Как бы мы узнали об образе жизни татар в таких деревнях, как Каргалы, Давлекеево, расположенных довольно далеко от Татарстана, если бы Амирхан Еники в «Последней книге» не описал родословную своей семьи. Познакомив нас с членами этого рода, со знаменитыми выходцами из этой местности, он расширил и углубил наши нравственные и общественно-философские взгляды на мир и жизнь.

Но, оказалось, мир не ограничивается нашей деревней, знакомыми просеками и развилками. Мир велик, светел и прекрасен!

¹ Кычытканлы – (тат.) букв. крапивник.

Хасан Туфан воспел в своих стихах необычайную красоту цветов, растущих на лугах мишарской деревни Старые Киремети Аксубаевского района, возвысив их до уровня одушевлённых существ.

Сибгат Хаким обратил внимание на то, что, как правило, татарские поэты происходят из самых обычных, ничем не примечательных деревень и даже из сёл со странными названиями.

Откуда татарские поэты?
Хвалю их и приветствую.
Они талантливы, а сами
Из деревень Дошатаго, Четырѣхбанного.

Хорошо это или плохо, оценивать не нам. Он просто приметил и сказал. И всё.

С этой точки зрения моя родная деревня, расположенная в райском уголке и имеющая весьма причудливое название, просто обязана была выдать нескольких поэтов или хотя бы артистов, особенно танцоров (на крапиве долго не простоишь, поневоле запляшешь). Вон какие знаменитые люди, мастера сцены, писатели, общественные деятели вышли из соседних деревень: Габдулла Кариев, Салих Баттал, Наби Даули, Шамиль Маннапов, Мударрис Валиев...

А мои односельчане, видно, слишком реалистичны, слишком преданы земле, лесу, чересчур заняты борьбой за выживание. Видно, у них не оставалось времени предаваться чувствам и грустить, глядя на луну и слушая пение птиц. Они не стали ломать голову, придумывая замысловатое название своей деревне: какая трава росла на месте их первого привала, по ней и назвали: Кычытканлы. Не потрудились даже записать по-русски его дословный перевод – Крапивник, а просто, как произнесли по-русски слово «кычытканлы», так и записали «Кичкальня». (Однако не следует забывать, что крапива жѣтсѣ и этим заставляет себя уважать, к тому же в ней сосредоточено множество «живых» витаминов, благодаря чему она в военные и послевоенные годы многих спасла от голодной смерти, что также делает её достойной уважения).

В большинстве случаев люди, освоившие новые места, кажется, мучились, не находя названий для своих деревень: Новое Альметьево, Новая Амзя, Новые Карамалы, Новые Каргали, Новое Тигенели, Среднее Тигенели, Малое Тигенели, Старое Альметьево, Бугульминский Альмет...

У Кичкальни есть ещё своя «национальная» особенность – она расположена невероятно далеко от больших дорог, прямо-таки «у чѣрта на куличках». Кто задумает быстренько туда съездить, уподобится наивной девушке, которая, переспав с парнем, надеется тут же за него выскочить замуж. Правда, как «все дороги ведут в Рим», так и в Кичкальню можно добраться разными путями и способами. Но удобный и лёгкий среди них мне неизвестен. Если надумаешь воспользоваться железнодорожным путѣм, имеющим репутацию самого надёжного, то, сутки протрясаясь в чѣрном вагоне, прибудешь в райцентр Нурлат, а оттуда до Кичкальни уже рукой подать – всего шестьдесят километров. Но если не успеешь на рейсовый автобус, который бывает лишь два раза в неделю, и начнёшь ловить попутку, то здесь удача полностью зависит от созвездия, под которым тебе довелось родиться.

Если захочешь насладиться водным путѣм, то из Казани или из Челнов попадѣшь в Чистополь, а оттуда опять же на попутке по пыльным ухабам придѣтся одолеть сто двадцать километровых столбов.

В пятницу вечером, после рабочего дня можно выехать из Казани на своей машине. Тогда надо будет переночевать в Сорочьих Горах в ожидании парома (правда, сейчас через Каму возвели мост), а утром выйти на большак, ведущий в Древние Булгары, и по ней, минуя деревни

Базарные Матаки, Алпар, Кульбай-Мараса, Чурабатыр, Амзя, Новое Альметьево, прибудешь наконец-то в Кичкальню.

В порядочный среде не принято обижать или критиковать родные места. Каждый уголок земли имеет свои прелести и что-то неповторимое, что греет душу. Ни родителей, ни нацию, ни место рождения мы не выбираем. Всё это даётся нам свыше, по воле Аллаха.

Правда, в бравые студенческие годы, когда запросто хватаешь звёзды с неба и фамильярно подмигиваешь лунной девушке Зухре, приходилось доставлять себе удовольствие, ругая своих предков на чём свет стоит за то, что вздумали поселиться в каком-то крапивнике, посреди дремучего леса. Это случалось в каникулы, когда в пронзительные холода, снежные бураны или в летний зной, добираясь до дома, приходилось часами сидеть на обочине дороги в ожидании попутной машины, трактора или хотя бы повозки. «Неужели не нашлось нескольких тысяч гектаров плодородной земли на берегу речки с богатыми рыбными запасами, например, возле Чулмана-Нократа, в окрестностях Чистополя или вблизи Нурлата рядом с железной дорогой?» – думал я тогда. Когда же ожидание «средств передвижения» становилось нестерпимо долгим, а холод пронизывал всё тело, молодая память с присущей ей категоричностью начинала углубляться в историю: «И надо же было нашим предкам покинуть тёплые края, где они вдоволь могли насладиться выращенными в своих садах виноградом, арбузами, дынями, хурмой и другими вкусными плодами, и переселиться в менее удобные для жизни северные районы с коротким, как шальная юность, летом, с долгой, как одинокая старость, зимой. Неужели нельзя было найти общий язык с воинственными хазарами, у которых, кстати, и язык близкий, тюркский, принять их условия (ведь повинную голову и меч не сечёт) и остаться на побережье Каспия, в Приазовье, на Таманском полуострове? Так нет же, за своей тяжёлой судьбой аж до Средней Волги добрались! Остаься они в тёплых краях, президенты всего мира сейчас сами бы к нам приезжали погреться, позагорать под южным солнцем».

Хоть я и ворчал так на своих предков тихонечко, про себя, за то, что тёплые края они поменяли на климат с холодной зимой, но это настроение было лишь временным. Никогда, даже в мыслях, по большому счёту я не отрекался от родных мест. Когда позже мне доводилось бывать в разных странах, на разных широтах, я всегда начинал тосковать по скромной, подобно не приукрашенной косметикой девушке, природе Татарстана, по её глубокоководным рекам, по бескрайним просторам лугов. Топча выжженную шестидесятиградусным зноем землю Саудовской Аравии, состоящую из красной глины, которая у нас годится только для изготовления красного кирпича, её каменистые, без единой травинки дороги, совершенно голые горы, начинаешь особенно ценить нашу разнообразную, богатую сочными красками природу. В мае она напоминает только начинающую формироваться школьницу-старшеклассницу, в июне – это стеснительная молодка, в июле-августе – это зрелая женщина, пышно расцветшая, не вмещающаяся в одежды, октябрь, январь... – каждый период имеет свои краски и прекрасен по-своему. Мы ещё до конца не осознаём, обладателями какого богатства являемся.

Сколько целебных источников таит в себе наша земля! А мы своих глав администраций и других ответственных руководителей почти что насильно отправляем на воды куда-нибудь в Чехию. Да если бы эти доходы оставить у себя, сколько новых отличных мест отдыха можно было бы соорудить. В Ульяновской области есть санаторий «Ундор» (от татарского «ындыр» – гумно). Говорят, вода там очень полезная. Реклама этой воды, видимо, поставлена на высоком современном уровне. В этом санатории отдыхают многие татарстанцы, особенно добытчики чёрного золота – «карамаевцы», но ирония состоит в том, что вода-то эта вытекает из наших недр, из Тетюшино. Значит, мы воду выпускаем, а кто-то на ней деньги делает.

Ах, извините, извините... кажется, я отвлёкся. Я ведь лишь хотел рассказать о мытарствах на пути в Кичкальню.

Итак, любое дело имеет свои плюсы, свои минусы, как барская любовь. Когда, благополучно пережив дорожные перепетии, наконец-то попадаешь в Кичкальню, то оттуда не скоро

захочется в обратный путь... Во-первых, усталый, утомлённый, измученный после столь изнурительного пути, ты ещё долго будешь отходить... Во-вторых, гостеприимные сельчане ни за что не выпустят тебя, пока не угостят в каждом доме. А если начнёшь сетовать, что-де слишком далеко расположена ваша деревня, прямо-таки на краю земли, ни уехать, ни приехать, местные философы с вами никак не согласятся. «Ничего подобного, – скажут они, – мы не совсем на отшибе, например, с самого высокого дерева на холме можно увидеть, с одной стороны, чувашскую деревню Юхмачи, Базарные Матаки, Ульяновский Мелекесс, с другой стороны видны границы Самары. Когда существовал Билярский район, мы были почти в центре. Во всяком случае, налоговые инспектора и сейчас не считают путь к нам слишком дальним, прибывают точно в срок, день в день». Слава Аллаху, в деревне ещё есть старики-аксакалы, любящие неспеша, степенно излагать свои мысли, подставив свои шершавые лица ласковому ветерку, дующему со стороны Мулла-горы. В разговоре они не преминут добавить, что если в мире существуют всего две красивые деревни, то одна из них, «знамо дело», их Кичкальня.

Деревенские патриоты не любят трезвонить о том, что их некогда богатые леса вырубаются, гниют, в общем, находятся на грани уничтожения. Хвастаться тут нечем. Поляна душицы, долгое время угощавшая жителей деревни ароматным чаем, была распахана только ради выполнения плана посевных работ. Сейчас на ней ничего не растёт.

Нет уже и огромного старого дуба у подножия горы, где пробивается родник, – место объяснения влюблённых.

В своё время богатые леса, окружавшие деревню, были предметом зависти соседей. Таинственный, нагоняющий страх дремучий лес кормил, поил, одевал и согревал людей в военные голодные годы, спасая от смерти. Не счастье было в этих лесах различных ягод, грибов, орехов. Лес определял образ жизни людей, воспитывал их вкусы и взгляды на жизнь, сохраняя нравственные устои. Может быть, именно поэтому Кичкальня прославилась на всю округу не только своими пятистенными домами из ровных, как бусинки, плотно подогнанных жёлтых брёвен, с окнами на солнце, но и своими мастерами по плотницкому делу. Даже лапти, сплетённые нашими дедами, представляли собой произведение искусства из-за того, что у них всегда было в избытке исходного материала – липового лыка. Из той же липовой мочалки вили верёвки, арканы, ткали холсты, рогожу. Различные лукошки, приспособления для возделывания земли – грабли, вилы, сани, телеги – всё «приходило» из леса.

Конечно, могут быть деревни и без леса, но нет татарской деревни без воды, хотя бы небольшого ручейка, бьющего из глубины земли живительного ключа или родничка. Повезло Кичкальне и с этой точки зрения. Её омывают сразу две речки. Одна – та, что впадает в Малый Черемшан, которой суждено было вопросом «Откуда берёт начало река Мораса?» даже войти в школьные учебники. У кичкальнинских учеников ответ давно готов: «Из нашего леса, откуда же ещё. Сколько раз мы бывали возле его истока».

Хотя эти речки не в состоянии соперничать с большими реками, их вполне хватало, чтобы крутить мельницу, поить скотину, разводить рыбу, растить утят, гусят, и дать возможность поплескаться ребятишкам. Подпитывались речки многочисленными родничками, с пеной и брызгами до небес пробивающимися из земли у подножия лесной горки. На дне ложбинки, где собирается родниковая вода, нежась в солнечных лучах, переливаясь то изумрудным, то золотистым, то жемчужно-серебристым цветом, лежат разноцветные камешки.

Обо всём этом любили рассказывать деревенские аксакалы приезжему гостю. И добавляли, что ещё не так давно, всего лишь в 50-е годы, обычными вилами вытаскивали из речки сорожку, щуку, краснопёрку. Речная рыба спасала сельчан от голодной смерти в годы войны. Вкус этих деликатесных рыб до сих пор сохраняется в памяти. Как говорит Марсель Галиев, «вкусовая память» не стирается. Но потерь, к сожалению, много: лес вырублен, речки обмелели, ягодные поляны приказали долго жить... Грустно становится на душе от этих воспоминаний. По судьбе таких вот деревень, как Кичкальня, разместившихся в лесной глуши, можно

судить, куда идёт человечество. Типичная история таких деревень ещё не прослежена, не описана в нашей литературе, нет ни воспоминаний, ни письменных памятников, а ведь истинная история татарского народа – это история его деревень. В судьбе любого села, как в зеркале, отражается всё пережитое народом, духовное состояние нации.

Это и понятно: во все времена победители старались в первую очередь уничтожить большие города, как правило, являющиеся центрами культуры, передовой мысли и различных волнений. Народы, которые не попали под вражеские клинки, выжили, сохранили свою землю, другие подверглись жёстким гонениям, выселялись со своих обжитых мест. Библиотеки, письменные памятники, печатные издания уничтожались. Их удобные для существования места заселялись захватчиками. Наши города: Булгар, Биляр, Казань, появившиеся позднее Бугульма, Чистополь, Елабуга – горькие плоды такой политики, свидетели нашего печального опыта. В первых двух городах, давших название двум самостоятельным государствам, не осталось ни одного человека татаро-булгарской национальности. Да и в окрестности Казани только в последние века стали поселяться наиболее предприимчивые представители татарской нации. Но и тогда злопамятные коммунисты всячески препятствовали хотя бы численному превосходству татар в республике, названной «татарской», соорудили военные заводы, открыли военные училища, в многоэтажных домах продавали квартиры приезжим с Камчатки, с Сахалина...

Нация, не имеющая больших городов, не может быть признана в мире, не может выступать в парламентах. Уничтожение густонаселённых военно-культурных центров – самый надёжный способ для вымывания памяти народа, для искажения его истории.

Возможно, на границе XVI–XVII веков деревня с чудным именем Кичкальня и не появилась бы на свете, если бы в 1552 году не пало Казанское ханство, по всей земле не началось бы повальное насильственное крещение. Кто же по своей воле, покинув обжитые места, переселится в лесную чащобу, совсем не пригодную для земледелия, и согласится, хотя бы на первых порах, как барсук, жить в землянке. Да, судьба играет человеком.

Если вникнуть в содержание передаваемых из уст в уста преданий, повнимательнее приглядеться к надписям на бережно сохраняемых сельчанами могильных плитах, к генеалогическому дереву некоторых именитых семей, становится понятным, что на место сегодняшней Кичкальни прибыли деловые, работающие семьи из Булгар, и особенно из деревни Узи, входящей в нынешний Алькеевский район.

Районная газета «Дуслык», издающаяся в Нурлате, так писала о прошлом Кичкальни: «Это место представляло собой единственную поляну в непроходимом густом лесу, буйно поросшую крапивой и лопухами. Первые поселенцы выкопали на склоне холма землянки, выкорчевали деревья, подготовив таким образом себе место для земледелия, скотоводства и пчеловодства. В основном здесь разводили коз и баранов» (1980. – 18 июня). На лесных тропинках встречались и сходились люди из разных местностей, говорящие на разных диалектах. Смешивалась кровь, богател язык. Хотя диалект моей родной деревни и содержит характерные для мишар «специфические» слова, но он мягче по произношению и ближе к литературному, чем, допустим, язык чистопольских татар. О том, что деревня имеет давнюю историю, свидетельствует тот факт, что возле неё археологи откопали в 60-х годах кольчуги и боевые топоры. Поскольку почва в здешних местах не очень годится для выращивания такого прихотливого зерна, как пшеница, то выращивали в основном рожь, лён, ячмень, подсолнух, занимались пчеловодством, рыболовством, охотой. В лесу полным-полно было волков и медведей. А уж такую мелочь, как заяц, лиса и белка, за живность-то не считали. Из поколения в поколение передавалась и дошла до наших дней красивая легенда.

Июль. Жаркий полдень. Солнце, как огромный раскалённый шар, висит прямо над головами жниц, сосредоточенно убирающих хлеб. Мужчин среди них нет, они все на гумне, молотят рожь. Вдруг из-за стога ржи появляется огромный бурый медведь, приближается к женщи-

нам и останавливается на некотором расстоянии от них, не спеша напасть на кого-либо. Так и стоит, как обученный танцам, задрав вверх передние лапы. Хотя в его позе не ощущалось злого умысла, не похоже было, чтобы он собирался умыкнуть кого-то из красоток, среди женщин поднимается визг, крик, переполох, все бросаются врассыпную. Но, видимо, и медведи в кичкальнинских окрестностях были той же хитрой, мишарской породы. Ещё двое мохнатых заранее заблокировали женщинам все пути к отступлению. А тот первый хнычет, стонет, сердится, будто хочет что-то сказать, но объяснить не может. Наконец одна из женщин, то ли самая бойкая, то ли самая любопытная, любившая стрелять глазками по сторонам (это уж так и останется вековой тайной), бросает взгляд на ревушего медведя и видит, что в его лапу вонзилась острая дубовая заноза. Она поняла, что великан молит о помощи. Женщина, собрав всё своё мужество, подошла к медведю, погладила его по голове, вытащила занозу и перевязала рану своим головным платком (естественно, как любой крещёный татарин считает себя правнуком Бориса Годунова – царя, так каждый житель Кичкальни приводит неоспоримые доказательства своего родства с этой женщиной). На другой день этот медведь принёс своей спасительнице кадушку дикого мёда, выразив таким образом свою благодарность, уважение и восхищение.

Люди старались оставить о себе память в названиях знаменательных мест. Нетрудно понять, что за такими названиями, как Хабетдинова тропа, дорога Башира, канава Хаматши, Халилова межа, пасека Зили, Валиевы ульи, Мулла-гора, Родник муллы, стоят сильные личности. Выходцы из именитых семей понимают, что попасть в народный язык и сохраниться в нём нелегко. Говорят, что на возвышенной части деревни, именуемой Чебил, когда-то жили чуваша. Теперь от них осталось лишь это название. Сами они растворились в другой национальной среде, или переселились.

В XVIII веке кичкальнинцы были втянуты в лашманство (на заготовку корабельного леса). Толстенные дубы, стянутые по двадцать – тридцать брёвен, отправлялись в Чистополь, оттуда по Каме на сваи для фундамента новой столицы – Санкт-Петербурга. Говорят, если душа не лежит, то кровь тянет. Дубы из кичкальнинских лесов, лежавшие сваями на основании города, постоянно «звали» своих земляков. Жители нашей деревни, не желая создавать конкуренцию мишарам из Сергача в Москве, выбрали для поселения духовную столицу России. Сейчас в Питере проживает довольно много потомков-выходцев из Кичкальни. Среди них и мои тётушки Фатыма и Раиса с девичьей фамилией Галиуллины, со своими детьми и внуками. Некоторые кичкальнинцы переселились в Среднюю Азию и служат там во благо узбекской, киргизской, таджикской нациям, другие приумножили население Урала.

В начале XX века зажиточные жители деревни, уже почуявшие вкус денег от торговли, осознали, что деревянными домами в историю не войдёшь, наладили изготовление красного кирпича из местной глины. В результате прямо в центре Кичкальни появились две краснокаменные палаты. Одну построил Шакир-бай, другую, соперничая с ним, возвёл Шагит-бай.

Долгие годы в этих домах, у которых один хозяин был расстрелян, другой сослан, размещались правление колхоза, сельсовет, торговые организации. Новые каменные дома появились только в последние лет десять – пятнадцать. Дерево сейчас используют только для строительства бань, заборов или для растопки печи. Так что кичкальнинский народ тоже «перешагнул» в «каменный век».

Какие только районы не украшала собой трудолюбивая Кичкальня. В 1930 году она была включена во вновь созданный Билярский район, в 1935 году вошла в Тельманский, во времена хрущёвского волонтаризма, в 1958 году вновь переходит в Билярский, а с 1962 года становится южной границей Нурлатского района. В общем, кидали Кичкальню, кто куда хотел, будто щепку в потоке бурлящих политических событий.

Трагические ветры XX века докатываются и до Кичкальни. Самые brave парни деревни участвуют в Первой мировой войне, воюют против белочехов, против войск батьки Махно, привлекают их к грязному делу по подавлению национального движения так называемых «бас-

мачей». Поскольку каждая деревня должна иметь своего героя, так и Кичкальня выдвинула из своей среды красного комиссара Зигангира Разяпова, всей душой верившего в идеалы Октября и отдавшего все силы ради его победы. Естественно, судьба его трагична: в результате предательства зажиточных односельчан он попал в руки белочехов и был ими расстрелян.

Во Второй мировой войне 115 мужчин из Кичкальни так и остались лежать в чужих землях. Почти в каждом доме одна потеря, в некоторых – две, три... Ради чего, ради какой счастливой жизни погибли эти люди, никто не знает, никто не может объяснить. Ещё одна особенность Кичкальни – её стремление к знаниям, к просвещению. Уже во второй половине XIX века аксакалы деревни съездили в Чистополь и привезли оттуда просвещённого муллу по фамилии Бикчурин. Этот духовный сан пустил в Кичкальне глубокие корни. Его потомки и в соседних деревнях вносят значительный вклад в обучение и просвещение населения. Валиага Бикчурин первым заложил фундамент светской школы в Кичкальне. В истории сохранилось имя болгарского хана Бикчуры, воевавшего против монголов. В наших краях и сейчас это имя встречается довольно часто. Например, журналиста Исхака Бикчуру учёные упоминают так же часто, как писатели имя Тукая. Известный татарский писатель М. Магдиев довольно подробно пишет об этой личности в своём научном исследовании о литературе начала XX века. Довольно много места отведено этому человеку и в повести Р. Батуллы «Тоньше волоса, острее ножа». Он изображён писателем развязным, бесцеремонным молодым человеком, частенько входящим в комнату Тукая подвыпившим. Короче, перед нами человек, растерявшийся, не сумевший определить свою жизненную стезю. Но как бы то ни было, это интеллигент, один из близких друзей Тукая. Непонимание реальной действительности, противоречивое восприятие мира приводят его к самоубийству.

Нариман Бикчурин, современный потомок этого рода, долгое время успешно справлялся с обязанностями директора школы, а затем – заведующего отделом образования Нурлатского района. Это был истинный интеллигент, всей душой преданный своему делу. Он запомнился нам, его ученикам, своей развитой русской речью, прекрасным знанием мировой истории и истории татарского народа. В то время я ещё не знал об Исхаке Бикчуре, поэтому не догадался, не успел расспросить о нём у Наримана Валиевича.

Как и все сёла, имеющие школы или медресе, являющиеся с давних пор центрами просвещения и лучами света для всех окрестных жителей, Кичкальня тянется к знаниям. Особенно сильна тяга к получению высшего образования. Здесь живут люди, устремлённые в будущее. Результат этого налицо: деревня одарила республику двумя докторами наук (филологических и медицинских), журналистами, членами правительства, руководителями высокого ранга, разными специалистами. Одних только председателей колхозов и совхозов вышло из Кичкальни около 25 человек. Галиуллин Асхат и Ахметвалиев Марат были руководителями сельского хозяйства Нижнекамского и Верхнеуслонского районов. Они и сейчас на ответственных должностях. Наверное, нет человека, который бы не слышал о знаменитом специалисте по сельскому хозяйству Фалисе Валиеве, который, окончив отделение татарского языка и литературы Казанского госуниверситета, долгие годы работал директором школы, руководителем колхоза, председателем совета Заинского района, много лет был депутатом Госсовета РТ. Этот кипучей энергии, подвижный, как ртуть, быстрый, как шаровая молния, человек оказал большую помощь своим землякам в решении многих проблем. Есть надежда, что ещё один выходец из Кичкальни, Рашит Вагапов, «новый бай», работавший когда-то на заводе «Оргсинтез» начальником производственного цеха, одним из первых понявший дух и выгоды перестройки, имеет теперь собственное дело, думается, также не оставит земляков без своей опеки. Не зря он носит имя и фамилию знаменитого татарского певца Рашита Вагапова: он тоже очень любит петь.

Даже в годы массового переселения из сёл в города в Кичкальне не убавилось ни число жителей, ни число домов. Рождаются и подрастают дети в достаточном количестве, чтобы содержать среднюю школу. Правда, в последние годы возникла одна неожиданная проблема:

число холостых мужчин становится всё больше и больше. Девушки, окончив среднюю школу, уезжают в города, поступают в высшие учебные заведения, техникумы, в крайнем случае устраиваются на работу, но в село не возвращаются.

У парней же после школы – армия. После армии солдат, повесив через плечо свои армейские кирзухи, возвращается в родную деревню, к родителям. Это его семья, он как мужчина ответственен за них. Для женщин понятие домашнего очага имеет совсем иной смысл. Как бы она ни любила и ни почитала своих родителей, как бы безгранична ни была её благодарность им, в глубине сознания домашний очаг для неё – это её муж и собственные дети. Интересный получается оборот: в стране по-прежнему число женщин намного превышает число мужчин (женщины живут лет на восемь-десять дольше, чем мужчины), а Кичкальня переполнена холостяками, не знающими, куда себя деть, как убить время и, спасаясь от одиночества, кучкующимися у магазина. Это тоже своеобразная трагедия. Думаю, что республиканские социологи должны исследовать, оценить это явление, дать молодым квалифицированные советы и обязательно подсказать пути исправления этого недопустимого противоестественного положения.

Обычно воспоминания об ушедшем детстве, ранней юности начинаются именно с тоски по месту, где ты родился. Как и все мои сверстники, я вырос в полнейшем убеждении, что вся красота мира сосредоточена в нашем селе, самые яркие, самые сочные краски впитались в наши речки, в цветы на наших лугах.

По утрам, нестерпимо беря душу, заливаются птицы, особенно соловьи. Хвалённый античный хор не идёт ни в какое сравнение с этой необыкновенной гармонией звуков. Чистое сердце, ещё не разбитое любовными или иными страстями, бьётся так, что готово выпрыгнуть из груди, и стук его сливается с голосами природы. Вечером небо Кичкальни расцветается алмазно-жемчужными кораллами. Дремучий лес бросает на деревню зловещую тень, и от смутного понимания невозможности познать весь этот окружающий мир глубокая печаль охватывает душу. Величие природы убеждает: жизнь – вечна. Даже когда небо заволакивают огромные, как перина, облака, можно найти свою звезду...

На улицах, дворах, возле домов, около надворных построек будто расстелен шикарный иранский ковёр, – всё покрыто густой, ярко-зелёной с различными оттенками травой. Не тяготит даже осенне-весенняя слякоть, трава «слизывает» с ног всю грязь. На прекрасной душистой траве, как дети, резвятся домашние животные, мешается под ногами чёрный, как арабчонк, щенок Тузик, хозяин двора – петух с пёстрым, как платья чувашских женщин, оперением, важно расхаживая по двору, кличет своих курочек.

Такой была деревня моего детства. Теперь её уж нет. Я не грущу по приземистым избушкам с соломенными крышами. То, что выросло не знающее меня, новое поколение, то, что школа в деревне большая, кирпичная, двухэтажная, много и других домов из кирпича, – это естественно. Жизнь меняется к лучшему. Вон мой младший брат, агроном Ахат, сетовал-сетовал, что-де все сбежали в город, бросив его здесь, как самого младшего, родителей опекать, да отгрохал себе из белого и красного кирпича прекрасный коттедж. Барская каменная палата по сравнению с его домом выглядит как жалкая хибарка. Город Ахата не прельщает, на аркане не затянешь. Живёт в своё удовольствие, моется и парится в собственной жарко натопленной бане берёзовым веником, ест свой экологически чистый хлеб, куриные окорочка своего производства, растит троих детей. Единственное, что его сейчас волнует, то, что дети, скорее всего, уедут в Казань учиться. Хоть бы младшего здесь оставить.

Младший сын Ахата, Самат, – «особый» ребёнок. Он родился 3 мая, как раз в день похорон его деда, нашего отца. До обеда отца похоронили. После обеда из Нурлатской больницы пришла весть: «Саня родила мальчика». Мы решили, что святая душа нашего отца переселилась в его внука. У вечности много тайн, ещё не доступных обычному человеческому сознанию. Случайно ли то, что в день, когда глава рода покинул этот мир, на свет явился его продолжа-

тель. Может, в этом совпадении какой-то более глубокий смысл? Судьба? Рок? Фатальность? Не есть ли это знак, намёк на то, что татарский народ был и будет всегда?

Многие преимущества детства мы начинаем постигать и ценить гораздо позже, когда жизнь сталкивает нас лоб в лоб с проблемами бытия взрослой жизни. В детстве, например, живёшь себе, не подозревая, что являешься частью поруганного, оттеснённого на задворки истории народа. Получая среднее образование в татарской школе, изучая все предметы на родном языке, не замечаешь, что твой лексикон ограничен, он растворяется в другом языке, ты чувствуешь себя равным среди других народов, известных тебе из уроков истории и географии, так же, как равны между собой деревья в лесу или скот в стаде. После седьмого класса весь огромный мир сосредоточен для тебя между Мулла-горой и двумя речками. Вечерами мальчишки с нижних улиц выясняют отношения с чебиловскими пацанами, представителями верхних улиц, с помощью своих ещё не окрепших кулачков.

Я уже говорил, что в Кичкальне сейчас имеется школа – десятилетка. Моему поколению не посчастливилось учиться в такой школе. В восьмой класс мы ходили в соседнюю деревню – Новое Альметьево. Кто хотел, конечно. Никого не обязывали. Первые два года обучение было даже платным. Пять-шесть километров до Нового Альметьева приходилось преодолевать дважды в день: туда и обратно. А весной и осенью, когда природа напоминала человеку, кто в этом мире хозяин, выплёскивая из берегов воду, приходилось добираться в школу обходным путём через Старое Альметьево. В этой деревне были несколько иные обычаи, и люди говорили на другом, чужом для нас языке. Были в нашей школе так называемые русские классы, где обучение велось на языке, как потом выяснилось, старшего брата. Учились в нём тоже дети татар, родители которых были важными персонами. Только потом, когда возникает необходимость определить своё будущее, получить специальность, понимаешь, почему эти родители учили своих чад, «белую кость», на русском языке. Это, оказывается, делалось специально, чтобы впоследствии у них не было проблем при поступлении в вузы. Таким образом, в твою ещё неопытную душу, в твоё трепещущее, как птичка, маленькое сердце вонзается первая ядовитая стрела: оказывается, своими знаниями на родном языке похвалиться ты можешь только в пределах своей деревни.

Может быть, кто-то обидится, оскорбится, но, как говорится, «Платон мне друг, но истина дороже» и поэтому не могу не поделиться одним своим неприятным для моей нации наблюдением. Дальновидность ли это, инстинкт ли самосохранения, приспособленчество или предательство, унаследованное ещё от Золотой Орды (поскольку всё плохое приписывается именно этому периоду), не берусь окончательно судить об этом. Но просвещённые и авторитетные люди Чистопольского и Нурлатского районов никогда не обучали своих детей в татарских классах. Даже те, кто учительствовал в чисто татарских деревнях – Кичкальне, Новом Альметьево, Шарбане, не было случая, чтобы хотя бы один попробовал учить своих детей в национальной школе. Если в деревне, где они жили, не было в школе русского класса, то детей заставляли топтать ножками пять-десять километров ради усвоения престижного языка. Думаю, что сельские педагоги внесли довольно заметный «вклад» в формирование отрицательного отношения к татарскому языку и к учёбе на этом языке. Вместо того, чтобы бороться за сохранность лексики, словарного запаса родного языка, благодаря которому они добывали свой хлеб насущный, сельские педагоги своим личным примером рубили его на корню. Народ не мог простить этим людям их лицемерия и двуличности.

Только такая сельская интеллигенция, как выпивоха председатель колхоза, рядовой служащий сельсовета, работник сельмага или колхозный счетовод, смогли махнуть рукой, мол, «Бог не выдаст, свинья не съест», и отдавали своих детей в татарские классы. И они не прогадали. Из их среды вышло немало достойных людей, во всяком случае не меньше, чем из среды окончивших русские школы. Учительский клан на такие «уступки» не шёл. Определяющей

особенностью татарской интеллигенции советского периода (и не только её, конечно) было: говорить одно – делать другое.

В то же время было бы несправедливо слишком строго судить умных родителей, умеющих держать нос по ветру и предвидеть тенденции в развитии общества. Не секрет, что даже очень талантливый молодой человек, имеющий хороший аттестат зрелости об окончании средней школы на татарском языке, после поступления в вуз два-три года вынужден был тратить силы на усвоение русского языка. В частности, например, на общественную работу, на должности комсомольских вожаков идёт жёсткий отбор уже с младших курсов, из числа наиболее активных. Естественно, нерусскоязычный студент попасть в это число не имел никаких шансов. Возможно, и поэтому среди секретарей областных комсомольских организаций никогда не было выпускников татарских школ. Чтобы выбиться на руководящие посты, прежде всего необходимо было в совершенстве владеть русской речью, уметь говорить без запинок и без акцента. Те же условия и для работы в партаппарате.

Да и сегодня мало что изменилось. Для работы, например, в комитете по делам молодёжи, в министерствах культуры и образования знание татарского языка не является ни необходимым, ни приоритетным. Это означает, что мы ещё очень далеки от реализации татарского языка как государственного. Положение может измениться только в случае, если обучение в вузах будет вестись на татарском языке.

Сам я не испытывал больших трудностей при освоении русского языка. Любое незнакомое слово я мог спросить или у своего деда Галиуллы-бабай или у своего отца. Но, конечно, больше всего мне помог в этом наш кичкальнинский учитель русского языка Фуат Шагиев, огромное ему спасибо. Не только его совершенная методика, но и его требовательный строгий нрав, а также его манера вести урок только на этом «иностранном» для нас языке, помогли нам проникнуть в тонкости русской речи. Днём в школе мы его побаивались. А вечером это был самый большой авторитет, наш кумир. Вечером в клубе для сельчан он синхронно переводил на татарский язык почти все кинофильмы. Даже если в первом ряду были места, мы всё равно садились поближе к Фуату-абый, становясь на колени или даже распластавшись прямо на полу, как рыбы. Чтобы всё расслышать и лучше понять смысл происходящего на экране.

Уже тогда хорошо усвоивший рыночные отношения, деревенский киномеханик никогда не брал у Фуата-абый плату за вход (а учителю стыдно перед другими и поэтому у входа частенько возникали шумные споры), если учителя нет на сеансе, ползала пустует. Фильм есть, а толмача нет. Как у Райкина: «кирпич бар, раствор юк».

Вот этот человек, теперь уже старец, добропорядочный прихожанин мечети, заложил во мне крепкий фундамент общения на русском языке. Повезло мне с учителем русского языка и в старших классах. В деревне Новое Альметьево, где я заканчивал школу, уроки русского языка и литературы вёл довольно взрослый человек в зелёном френче. (Кажется, его фамилия была Васильев.) В ту пору был популярен американский трофейный сериал «Тарзан». Мы, мальчишки, уподоблялись абсолютно всем героям этого фильма: кричали по-тарзаньи, ревели, как львы, прыгали, как тигры, воображая себя жителями непроходимых дебрей американских лесов. За сильно выдвинутый вперёд, почти всегда небритый подбородок с толстыми губами, глубокие морщины на лице мы прозвали учителя русского языка «Чита», по имени любимой обезьянки, помощницы Тарзана. За глаза о нём говорили только по прозвищу: «Чита не появлялся? Диктант по Чите будет? По Чите домашнее задание сделал?...» Только повзрослев, мы поняли, что зря насмехались над ним. Оказалось, что он наделил нас довольно глубокими знаниями по русскому языку и сумел привить любовь к русской литературе. Именно его закваска помогла мне впоследствии адаптироваться в русскоязычной среде на одном из уральских заводов, где довелось мне работать сразу после окончания десятого класса. А после окончания татарского отделения филфака КГУ я был направлен в Елабужский пединститут, где по воле случая оказался вынужденным преподавать не татарскую литературу, а русскую, причём слож-

нейший период: конец XIX – начало XX века, состоящий почти сплошь из поэзии. И тут, благодаря моим школьным учителям, я не испытывал больших трудностей с языком.

Новоальметьевская средняя школа в то время, когда я в ней учился, была на подъёме. В республике, наверно, нет никого, кто бы не знал или хотя бы не слышал о роде Беляевых. Самый старший из них, самый добрый и самый образованный – Гайнан Киямович – в то время был директором школы. Он сумел оставить о себе драгоценный памятный подарок – двухэтажное кирпичное здание школы и ещё кое-какие строения.

Статный, широколобый, с рыжеватыми волосами Гайнан-ага даже среди своих родных выделялся особой заботливостью и обострённым чувством справедливости. Свой предмет, историю, он преподавал с большим увлечением, совершенно искренне пытаясь вооружить нас знаниями. Про меня он говорил, что буду историком. Я стал критиком.

Его жена, Альфия-апа, вела у нас математику. Это была очень симпатичная, белолицая, зеленоглазая женщина, знавшая себе цену и державшаяся с большим достоинством. Я неплохо учился по её предмету, но Альфия-апа никогда не пророчила мне математическое будущее.

Впоследствии, когда Раис Беляев, младший брат Гайнана Киямовича, стал партийным боссом огромной стройки – КамАЗа, одним из выдающихся личностей Татарстана, Гайнан-ага переехал из деревни Новое Альметьево в город Альметьевск, где вначале исполнял обязанности заместителя председателя райисполкома, потом взял на себя руководство данным учреждением. С этой должности он и ушёл, как говорится, на заслуженный отдых. Самые тёплые и благодарные воспоминания хранятся в моей памяти и о других моих школьных учителях.

Несколько раз побывал в нашей деревне известный мастер слова, народный писатель Татарстана Мухаммат Магдеев. Он написал очень содержательный очерк о моём отце Набиулле Галиуллине, пережившем Ленинградскую блокаду, под названием «Не старей, ветеран». С ним прошли встречи в школе и в детском саду. Кажется, только вчера он радовался, глядя по головкам детсадовских ребятишек: «Нет, нация не вымрет, двадцать один ребёнок, будущее нации». Вообще-то для деревни из более двухсот домов это не так уж много. Кто-то заметил, что раньше столько детей было не в детском саду, а всего в двух семьях: у Набиуллы-абый и его сестры Зайнап-апа.

– Да уж, зря провели электричество в татарские деревни, – пошутил писатель, и все с удовольствием посмеялись.

Наша Кичкальня дала ещё много значительных личностей, каждый из которых достоин отдельного художественного повествования. Она не собирается исчезнуть, умереть или переместиться в какое-нибудь другое место. Именно в таких деревнях сохраняются национальные традиции, мотивы, мелодии, народные обычаи и нравственные каноны. Конечно, по известности Кичкальня пока уступает Парижу или Риму, но её будущее вполне перспективно. Окна повернуты к солнцу, и скрытая страсть, «пассионарность», по определению Гумилёва, не останется нераскрытой.

«Писарь» Галиулла

Мой дед Галиулла-бабай, давший своё имя в качестве фамилии огромному роду Галиуллиных, не был ни сказочным богатырём, ни великим учёным, ни национальным героем. Он даже не дослужился до полковника. Правда, в романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго» упоминается поручик с таким именем. У моего братишки Афгата, умеющего убедить любого в правдивости самых невероятных вещей, в которые он не верит даже сам, нет ни малейшего сомнения в том, что это именно наш дед.

– События происходят во время Первой мировой войны, – вещает он. – Дед воевал под Петроградом. Там же был ранен. Может быть, он, конечно, не был в чине поручика. Вы же, писатели, любите всё преувеличивать, приукрасить. Иначе кто же вас читать-то будет! Почему

наши тётки обосновались именно там, в Питере? Да потому что на Питерскую землю пролилась кровь их отца. Она и тянет.

На самом же деле мой дед Галиулла-бабай – обычный деревенский мужик, родившийся и выросший, впрочем, в довольно образованной для своего времени семье. В местном медресе он получил образование, время подошло – и он женился на девушке из соседней деревни Карамал. Ушёл на Первую мировую войну, оставив дома жену и двоих сыновей. Видимо, он имел способности к языкам. На фронте выучился по-русски читать, писать и разговаривать. Попав в германский плен, тоже не растерялся, прислуживая в богатом доме, усвоил и их «вражеский» язык. Правда, уровень его знаний по немецкому языку теперь уже оценить невозможно. Во всяком случае, в ту пору в Кичкальне не нашлось человека, который бы усомнился в его знаниях, и прозвище «Писарь Галиулла» быстро прилипло к нему, а затем и всему роду.

В газете «Дуслык», издающейся в Нурлате, журналист Р. Нуретдинова в номере от 8 июня 1980 года писала следующее: «До революции в Кичкальне всего несколько человек более или менее знали буквы, и всего один человек умел читать и писать по-русски, это Галиулла Хафизуллин. Сейчас в когда-то тёмной неграмотной деревне довольно много кандидатов наук. У сотен кичкальнинцев на груди значок выпускника высшего учебного заведения».

Дед, конечно же, в плен попал не по своей воле. До самой смерти кровоточила рана на его ноге. Видимо, из-за неё он и оказался в немецком плену.

Из плена его освободил Брестский мир. Легко, с мыслью «Чему быть, того не миновать», он принял революцию и приступил к выполнению обязанностей секретаря сельского совета. Видимо, радость освобождения была через край: у моих деда и бабушки после этого родились подряд шестеро дочерей – мои будущие «гувернантки». Хитрый дед к тому времени уже смекнул, что сыновья – это пушечное мясо для будущих войн. И действительно, его сыновья Набиулла и Хабибулла, родившиеся до войны, были призваны на вторую мировую бойню. Старший из них, Набиулла, вернулся с войны инвалидом, младший, Хабибулла, окончивший юридический техникум, пропал без вести. Его поиски никаких результатов не дали.

Признаюсь, в школьные и даже в студенческие годы в мою голову так и лезли всякие дурные мысли: «А вдруг Хабибулла-абзый остался жив, преуспел в должности адвоката или государственного деятеля в Турции или в какой-нибудь арабской стране. На склоне лет, не зная, кому оставить своё богатство, начал разыскивать наследников. Вот тогда бы мы написали ему письмо: «Милости просим к нам, абзый. Нас тут много. Распредели всё по-своему. Нет, лучше ты вызови нас к себе. А то у нас не дадут насладиться твоим богатством в полной мере».

К сожалению, наш Хабибулла-абзый так и не нашёлся, никакого богатства из-за рубежа мы не дождались.

Полон дом женщин. Мой отец Набиулла, ещё в сороковом году, оставив свою молодую жену Исламию на попечении матери и сестёр, покинул деревню. Сначала он попадает в Елабугу и становится учащимся школы сержантов, расположенной в краснокирпичном, как шкура быка, здании бывшего епархиального училища. (Не судьба ли?! Впоследствии и меня жизнь забросила именно туда.) Затем его отправили на финскую войну. Не успел «победитель» передохнуть от одних боевых испытаний, как тут же угодил в другое, самое ужасное – Ленинградскую блокаду.

Я же в течение ряда лет, до самого 1943 года, когда отец с незаживающей раной в ноге (впоследствии ногу пришлось ампутировать) наконец вернулся домой, был для моих шестерых тёток игрушкой, живой куклой.

Всем им вменялось в обязанность одно и то же: успеть перехватить из моих рук бумагу до того, как я затолкаю её в рот. Видимо, интерес к бумаге пробудился во мне с самого раннего возраста. Удобно устроившись под столом, я поспешно набивал рот куском газеты или тетрадным листком. Если тётки зазеваются, мог и проглотить. Видимо, я находил в бумаге что-то такое, что было совершенно необходимо моему детскому организму. Может, витамин какой,

или нагрузка для зубов, а может, интуиция, то есть уже тогда я чувствовал, что с бумагой будет связано моё предназначение в жизни.

Война достигла самой опасной судьбоносной стадии, когда я начал осознавать себя человеком, во всяком случае, стал отличать себя от домашних животных. В это время Галиулла-бабай, справедливый глава нашей большой семьи, несмотря на свою инвалидность, не выпустивший хозяйственные вожжи из рук, был единственным нашим кормильцем. Так как государственный паёк на столько ртов невозможно было растянуть даже на полдня, наш дед-писарь вынужден был освоить рыбацкое ремесло.

Каждый день утром и вечером, подчинив ущербную ногу воле своего сознания, дед выходил за огороды к довольно быстрой, лишь по весне бушующей речке, в самое узкое место забрасывал вручную сплетённую им сеть. Всякая мелочь его не интересовала, она просачивалась сквозь ветки, не задерживаясь в сети. Дед признавал только двух-трёхкилограммовую рыбу. До сих пор стоят перед глазами жирные щуки, прыгающие и сердито бьющие по полу хвостами. Эти картины жизни теперь далеки, где-то за туманами и всплывают в памяти, как из сказочного мира.

В те годы речка с её рыбой спасла от голодной смерти не только нашу семью, но и всю нашу родню, всех соседей и множество таких семей, как наша. Вечная ей благодарность. Днём рыбачим мы, мальчишки, но как бы мы ни старались, крупная щука в наши самодельные сети не попадалась. Нашего улова хватало только кошке, но мы были счастливы и этим.

Работа в сельском совете, требующая много времени и внимания, становилась всё более трудной для деда. Хотя он и любил подшучивать, приговаривая, что ангелы и шайтаны не стареют, но всё же в каждой работе есть свой предел. Старик Галиулла просит перевести его из сельского совета в почтальоны. Однако не оставить же такой важный пост, как сельский совет, на первого попавшего. Тут в голову приходит удачная мысль: его дочь Фатыма, стройная, с лёгкой походкой, образованная, со сносным знанием русского языка, уже выросла для того, чтобы начать трудовой путь. Вплоть до замужества и переезда в Ленинград все деловые бумаги сельсовета, свидетельства о рождениях и смертях проходили через руки Фатымы-апа.

Дед же, повесив через плечо свою огромную чёрную сумку из грубой кожи, каждый божий день выходил на дорогу, ведущую в Старое Альметьево, где размещался центральный почтамт. Даже мы, мальчишки, попозже бегавшие по этой дороге в школу пять километров туда и обратно, вечно ныли и хныкали. Каков же был, наверно, этот путь для перевалившего за шестьдесят хромого деда! Но что же делать, надо тянуть семью, своя же...

И стар и млад, в основном женщины, ждут писем с фронта. И радостные, и самые горькие вести приносит им почтальон Галиулла. Добрый и совестливый старик, желающий всем счастья и благополучия, чувствовал себя виноватым перед теми, кому вынужден был сообщить о постигшем их горе. Будто от него что-то зависело. А впрочем, и зависело: если бы в 1914–1916 годах он победил немца, разбив его в собственном логове, враг бы не решился вновь вторгнуться в пределы его родины, и революционного взрыва бы не было, и оба его сына были бы при нём. А то ведь, бедняги, не успели даже насладиться любовью с молодыми жёнами. Возможно, среди получивших горькую весть были и такие, которые предпочли бы не узнавать о «героической гибели» своего дорогого человека. «Лучше бы этот хромой старик выкинул похоронку, лучше бы я всю жизнь ждала, надеялась», – обижались они в глубине души. Да ему и самому хотелось бы, как джалилевский письмоносец Тимербулат, приносить людям только радостные вести, но проклятый фашист никого не щадил.

Большинство писем «писарь» Галиулла сам читает фронтовичкам, разделяя таким образом их радости и горести, сам же и ответ составляет от имени жён, родных и близких.

Бесчисленное множество конвертов периода финской кампании, лихолетья 1941–1945 годов прошло через его руки. Сельчане хотя и умеют писать по-татарски арабским или латинским шрифтом, но русскую графику, тем более русский язык, никто не знает. Но дед не жалу-

ется. Превозмогая боль в раненой ноге, при свете керосиновой лампы, а то и просто лучины, пишет и пишет во имя нашей победы. В деревне не было секретов, в которые не был бы посвящён наш дед.

Как в поговорке «Восемь девок, один я», у нас тоже на восьмерых женщин только двое мужчин: Галиулла-бабай и я. Он – глава, а я не отстающий от него ни на шаг маленький пёсик, махмай.

Я хорошо помню его последние дни в этом брэнном мире. И сейчас стораю от стыда при воспоминании об одном эпизоде.

Дед уже тяжело болен. Пища у него не проходит через гортань. Бабушка специально для него готовит невероятно вкусные, тоненькие, малюсенькие, с птичий язычок, блинчики. Слегка подгоревшие достаются мне. Стоит бабушке выйти из комнаты, как у меня с языка слетает вопрос:

– Бабай, ты, наверно, не любишь блинчики? Что-то медленно ешь.

Закутанный в лоскутное одеяло дед, из-за своей белоснежной бороды и белой рубахи напоминающий святого Ильаса, бросает взгляд в сторону ушедшей бабушки и продвигает ко мне тарелку с блинчиками. Бабушка, тем временем подоспевшая с новой порцией горячих блинчиков, радуется: её старик начал есть, бог даст, поправится ещё. Я вхожу во вкус, повторяю игру несколько раз: бабушка выходит на кухню за новыми блинчиками, а я опять раскрываю свой ненасытный рот:

– Бабай, блинчики невкусные, что ли?

И опять мне перепадает несколько штук. Наконец бабушка ловит меня на месте преступления, шлёпает кухонным полотенцем по попке:

– Малайка, дай деду хоть поесть спокойно!

Бабушка у нас – хозяйка в доме. Она из образованной, интеллигентной семьи. Из всех сил она пытается продлить жизнь своего суженого, своего единственного. А письмоносец – мой адвокат.

– Не трогай его. Пусть сидит рядом. Может, почтальоном станет. Мою чёрную почтовую сумку не выкидывайте. Давай, сынок, вместе разделаемся с этими блинчиками.

Бабушка, бессильно махнув на нас кухонным полотенцем, даёт нам старт к нападению на блинчики, и мы вмиг разделяемся с ними. Правда, получается, что «мы» – это я и моё пустое брюхо, потому что у деда рак, и он не может проглотить ни крошки.

И всё же они счастливы: на земле после них остаётся большое потомство. Оптимистическое в ту пору, несмотря ни на что, настроение бабушки и деда я понял только тогда, когда у самого появился внук Аскар, когда он подрос и начал путаться под ногами. Таким образом, пришло другое время, другое племя. Время невероятно вкусных блинчиков, которыми невозможно насытиться, ушло безвозвратно.

С годами стираются из памяти черты лица, фигура, отдельные приметы характера деда, но более отчётливым становится его общий облик самоотверженного, отзывчивого человека с передовыми взглядами.

Нам же, внукам, досталось его прозвище. Красота, деловитость, способности могут со временем затеряться, не перейти из поколения в поколение. А прозвище прилипает крепко, и как драгоценный дар переходит от отца к сыну, к внукам. Так что все мы – дети «писаря» Галиуллы, в каждом из нас продолжают жить сила и дух этого человека.

Отец и его окружение

*Мне жизнь хотелось оседлать,
Она меня оседлала.
Хотел в угол её загнать,*

*Она меня прижала.
Не сдался я, и восьмерых
Детей на свете оставляю,
Я им, их детям доверяю.
Но вот совет:
Тягаться с жизнью – не хватит века,
Ах, краток он у человека!*

Из отцовского дневника

В жизни раз бывает семьдесят лет, решили мы, и договорились широко, с помпой отметить юбилей отца в его родной деревне. Мы, договорившиеся стороны, – это его многочисленная родня: дети, сёстры, невестки, зятья, внуки, не считая ещё одного сына с семьёй, который живёт с отцом.

Январь 1982 года выдался богатым на бураны и обильные снегопады. Все дороги занесло огромными сугробами. Вот и сегодня, медленно кружась и порхая в воздухе, как белые бабочки, ложатся на землю пушистые снежинки, будто благодать спускается с неба, поздравляя и приветствуя нашего отца.

Итак, сказано – сделано. На нескольких машинах, кто из Казани, кто из Елабуги, кто из Челнов, кто из Мамадыша, ровно в назначенное время мы собрались у высоких деревянных ворот отчего дома.

Не успели мы выйти из машин, как на пороге, шлёпая огромными калошами, появилась мама. Ростом всего лишь со своего внука – третьеклассника, она, кажется, не в силах вместить в себя переполняющую её радость, её серо-голубые глаза так и сияют от счастья. У татар не принято чмокаться, троекратно целоваться при встрече, но от этого близость между детьми и родителями не становится меньше. Напротив, кровные узы, родственные нити приобретают большую духовность, становясь почти божественными. Мама нас всех обнимает, гладит по спине. Прикосновение её маленьких ручек поднимает настроение, придавая каждому из нас ощущение надёжной защищённости, как в детстве.

Обычно, когда из машин начинают выгружать гостинцы, из калитки вырисовывается отец. Своё опоздание (из-за необходимости возиться с деревянным протезом, прилаживая его вместо ампутированной ноги) он объясняет шутливо:

– Смотри-ка ты, оказывается, гости пожаловали, а я численник читал и не заметил. Там написано: «Если сыновья Набиуллы-эзи² придут точно в условленное время, то на улице выпадет красный снег».

Поздоровавшись со всеми за руку, стараясь сохранять равнодушие к щедрым городским подаркам, он, как обычно, начинает открывать большие ворота, чтобы машины могли заехать во двор.

Но сегодня раз и навсегда заведённый порядок что-то не соблюдается. Вот уже начали носить из машин в дом различные мешки, сетки, баулы, пакеты, то есть угощения, привезённые специально для юбилейного застолья, – отца не видно, не слышен и голос его, немного хриплый, но всегда бодрый, поэтому мир вокруг кажется немного несовершенным, чего-то в нём не достаёт.

Мама, то и дело поправляя спадающий на глаза наспех повязанный пуховый платок, крутится среди нас.

Поскольку в «десанте» я по возрасту самый старший, то именно мне и положено задать интересующий всех вопрос:

– Мама, что-то отца не видно, уж не приболел ли он?

² Эзи – (диал.) употребляется при обращении к старшему по возрасту мужчине.

Мама с видом провинившейся пастушки, не сумевшей уберечь гусёнка от ястреба, но в то же время со смешинкой в голосе, объясняет ситуацию:

– Сказал, пойду прогуляюсь, а то, когда ждёшь, время долго тянется. Он ещё днём ушёл, и вот всё нет. Знаете ведь отца, чисто Чаланка, уйдёт, так уж не найдёшь, пока сам не вернётся.

Сравнение с Чаланкой пришлось по душе всей компании и вызвало взрыв смеха.

Речь идёт о краснокожей, гладкой, как дождевой червь, весьма своенравной корове по имени Чаланка. Ни разу в жизни (а жизнь её, по коровьим меркам, была довольно долгой), хотя бы из интереса, хотя бы для разнообразия, она не вернулась домой вместе со всем стадом. Эта краснокожая корова до сих пор сидит у меня в печёнках, вызывая в памяти чувства досады и злости.

Ранним утром, где-то часа в три или четыре, время, когда детский сон самый сладкий, когда волшебные сны проникают в твоё сознание, мамин голос, доносящийся из реальной, мирской жизни, нарушает все твои иллюзии. Присев возле постели на корточки, она сначала гладит меня по спине, потом начинает теревить нетерпеливо, приговаривая:

– Сыночек, корова опять не вернулась, походи поищи её, а если волки съедят, что тогда делать будем. Завтра Афгата отправлю.

Я всё хорошо слышу, понимаю, но веки поднять нет сил, будто на них гири по меньшей мере по пуду каждый. Мама начинает давить на психику:

– Вставай, соня, ты же не лентяй, не лежебока.

Наконец, полусонный, я встаю (одеваться не надо, всё на мне), запинаясь и спотыкаясь, выхожу на улицу.

Занятый мыслями о корове, не замечаю ни красоты раннего утра, ни яркости цветов, раскрывающихся навстречу солнцу, не радуют даже ласкающие солнечные лучи. Я кажусь себе трепещущей холодной капелькой росы. Кругом заливаются соловьи, будто уговаривая меня не тратить время и силы на поиски этой неблагодарной твари. «Лучше сядь на пенёк, – говорят они, – послушай наше пение, отдохни, потом иди домой, твоя скотина, наверно, уже дома». Нет, нет, я не должен их слушать, не должен поддаваться искушению. Кулачками протираю сонные глаза и снова начинаю пристально всматриваться в окружающий мир, в кустарники, в орешники, в чащу деревьев. Позже я понял, что это моё детское упрямство было врождённым чувством ответственности. Дома ждут молока, оно необходимо моим младшим братьям-сёстрам, в том числе грудному младенцу, родителям – все хотят пить чай с молоком, а эта несознательная скотина, «молочная фабрика», где-то скрывается от всех. Позже среди стихов Дэрденда я наткнулся на не совсем понятные мне строки: «Молоко останется, Родина уйдёт». А тогда для нас молоко было синонимом родины, а не только условием сытости.

Однако сколько ни обшаривай луга, поля и рощи, Чаланку найти не удаётся. Выбившись из сил, вернёшься домой, а корова уже полчаса как дома, смотрит своими огромными честнейшими и грустными глазами. В то же время в этом взгляде чувствуется насмешка: «Неужели даже в малинике меня не заметил, хотя все ноги себе там поцарапал». Злость вскипает во мне, как масло на раскалённой сковородке, так и хочется стукнуть эту скотину между глаз, но рука не поднимается. Причин для этого много. Во-первых, у неё есть мощный защитник в лице мамы, во-вторых, молоко у Чаланки густое, как сметана, а уж о вкусе и говорить не приходится. Это святое существо, спасшее нашу большую семью от голодной смерти. В общем, недостаёт ей только более покладистого нрава.

Мамино сравнение отца с Чаланкой сразу поставило всё на свои места, дальнейших объяснений не требовалось.

Зная о привычке отца прогуливаться до Старого Альметьева, мы сели в машину и поехали в том направлении. Уже начинает темнеть, и мы спешим.

Выехав на окраину, возле кладбища, где покоятся наши бабушки и дедушки, мы увидели одинокую высокую фигуру отца. Он шёл посередине дороги, погружая в снег деревянную ногу,

затем двумя руками вытаскивая её из сугроба и делая следующий шаг. Видимо, эта довольно трудоёмкая процедура изрядно его утомила, шапка-ушанка съехала набок, на высоком крутом лбу выступили капельки пота. Мы – Афгат, Асхат, Ахат и я понимающе переглянулись и заулыбались: есть такие малюсенькие, но весьма приятные, чисто мужские секретрики. Отец, увидев нас, обрадовался, но в то же время смутился, будто застигнутый врасплох. Его бесхитростные глаза светятся счастьем, то ли от удовольствия, полученного там, откуда он возвращается, то ли оттого, что видит перед собой всех своих сыновей вместе.

– К Бабкову ходил. Мы с ним каждый год в день моего рождения встречаемся. Тороплюсь вот, думаю, наверно, вы приехали уже.

Бабков – это не мифическое существо, а вполне реальная личность, единственный на всю округу ветеринарный врач, давний закадычный друг отца, наподобие Евстигнея, русского друга старика Альмандара из пьесы Туфана Миннуллина. Местное население доктора обожает, безгранично верит в его целительные способности, надеется, что он всегда спасёт, не позволит остаться хозяевам без их кормилицы – коровушки. Бабков, ни слова не знающий по-татарски, общается с татарками, чуть-чуть изъясняющимися по-русски, на каком-то особом наречии типа своеобразного эсперанто.

– Бапкоф, Бапкоф (никто никогда не называл его по имени и отчеству), – говорят они, – мой корова ни сена, ни солома ни ашайт, у него в роте чего-нибудь ниттыр бит?

Бабков уже привык к такого типа диалогам. Он над ними не смеётся, всё понимает. Запрокинув на затылок свой малахай из волчьего меха, который он не снимает даже в самые жаркие дни, внимательно осматривает «пациента», ставит диагноз, назначает лечение. Никто не разглагольствует о дружбе между народами, о патриотизме. Взаимопонимание, взаимопомощь, взаимовыручка – это и есть, наверно, дружба. Вот от этого самого Бабкова и возвращался наш отец.

– Ну к чему же такие мучения? Подождал бы немного, вместе на машине съездили бы, – журим мы его.

– Нет, вы бы только помешали, – решительно заявляет отец, – вы ещё молодые, цену дружбе не знаете. Мы с ним на финскую вместе уходили, на германскую тоже в один день ушли, только на разные фронты попали.

На минутку он с удовольствием предаётся воспоминаниям. Наконец с шумом-гамом, все вместе мы вваливаемся в дом, чувствуя себя причастными к отцовскому опозданию и боясь справедливого маминого гнева. Большинство женщин в подобной ситуации не упустили бы случая если не пошуметь, то хотя бы поворчать, что, мол, ужин давно готов, все хотят есть, а вот вынуждены ждать тебя. Мама нашла в себе силы сдерживать свои эмоции, никому не испортила настроение упрёками и обидами, не уронила авторитет мужа перед детьми. Она бросила на нас усталый взгляд и продолжила хлопоты вокруг праздничного стола.

– Давай, Набиулла, мой руки и зови гостей за стол, а то белешки уже остывают. Рюмки на столе.

То, что отец хорошенько отметил свой день рождения со своим закадычным другом Бабковым, весьма заметно. Он весел, всё время шутит, смеётся и сам руководит праздничным застольем.

Хотя он уже давно «завязал» с алкогольной продукцией, но не считал необходимым в праздники чувствовать себя чем-то обделённым. Даже позже, когда ему было под восемьдесят, он любил украдкой от супруги в горячий чай добавить пару ложечек деликатесного коньячка и пить его медленно, растягивая удовольствие.

В то время мы ещё не осознавали, что всё вокруг преходяще, всё только миг. Но вот отец умер, и его долгая жизнь уместилась, как заметил известный поэт, всего лишь в коротенькой черте между датой рождения и датой смерти. Оказывается, человек привыкает ко всему, даже к таким невосполнимым потерям.

Пройдя до конца все «мосты над адом», выпавшие на долю всех мужчин того времени, потеряв одну ногу, вырастить восьмерых детей и дожить до восьмидесяти одного года – это большое достижение и исключительное мужество.

Ни одно историческое событие того времени не обошло отца стороной. Прожив активную, бурную жизнь, он тихо скончался в собственной постели, в полном сознании, успев высказать свои последние пожелания и наставления родным и близким.

Впоследствии мама то и дело возвращалась к рассказу о последних минутах жизни отца.

– Отец ваш чувствовал, что конец его близок. Он говорил мне: «Знаешь, жёнушка, недолго мне осталось, моя смерть уже пришла за мной, похоронишь меня там-то, так-то. Детям всем передай моё благословение...» Так он говорил, говорил и вдруг затих. Думаю, наверно, губы пересохли, сил нет слово сказать. Я приподняла его голову и поднесла ко рту чашку со сладкой водой, но вода вытекла обратно... Он сделал последний вздох и затих. Светлую память о себе оставил ваш отец. Старайтесь быть похожими на него.

Родившись в начале 1912 года, отец испытал на себе все последствия трагических событий своей эпохи: отведал горькие плоды 1917 года, участвовал в двух войнах и, наконец, с незаживающей раной в ноге в 1943 году вернулся в родную деревню и рухнул в объятия своей жены Исламии.

Не имея никаких склонностей к плотницкой работе и не обладая особыми деловыми качествами, отец согласился на предложенную ему должность заведующего сельмагом. В те времена процесс купли-продажи выглядел совсем иначе, чем сейчас. В госторговле работать гораздо легче, что тебе выделяют сверху, то и продаёшь. Но и тогда, если сам не подсуетишься, на лад дело не пойдёт, будет «пробуксовывать». В процессе работы приходилось, наверно, пользоваться и «левыми» ходами-выходами. Большинство товаров отец доставал, договариваясь на взаимовыгодных условиях. В базарные дни, в праздники, сабантуи на лошади он выезжал с товаром в райцентры за двадцать – сорок километров – в Мамыково, Билярск, Базарные Матаки. В сухие летние дни обязанности кучера доверялись мне. Я гордо восседал, держа в руках вожжи, но через некоторое время, устав, ослабив вожжи, засыпал. Арба сворачивала на обочину и сваливалась в кювет. Мы с отцом, ползая по пыли, собирали бесчисленные спичечные коробки и пачки сигарет.

Отец – человек компанейский, общительный, душа любой компании. Остроумие и умение оценить обстановку всегда помогали ему, что называется, раскрутить компанию, создать хорошее настроение и вызвать желание петь и плясать. У него самого способности к пению были весьма скромные, однако и в его репертуаре было несколько любимых куплетов, которые он напевал про себя во время заготовки сена или дров.

Даже дожив до почтенного возраста и добившись высоких научных степеней, чувствуешь, какое это большое счастье – иметь отца. Человеку недостаточно одной только сытой жизни, ему хочется немного скрасить реальную действительность, попеть, рассказать анекдот. В самой обычной ситуации отец умел увидеть что-то интересное, смешное. Шутками и лёгкой иронией по отношению к себе и окружающим он скрашивал однообразную, серую послевоенную жизнь своих сельчан.

Однажды в сельмаг поступили дефицитные в то время ткани: шёлк, сатин, штапель. Женщины с вдохновением хватают всё подряд. Но Гайшабикья-апа узнала о поступлении товаров слишком поздно.

– Набиулла, все красивые расцветки, наверно, расхватили уже? Нет ли чего получше, посмотри-ка. Ну ладно, давай отрежь вот от этого метров пять.

– Ты себе, что ли? – осторожно интересуется отец.

– Ну конечно, кому же ещё?

– Просто, думаю, деньги, что ли, у вас лишние.

– Откуда? Вали всё, что зарабатывает, пропивает. А я вот заработала немного денег, в Альмете на базаре продала яйца, шерсть. А то все мои платья совсем обтрепались. В люди выйти не в чем, – откровенничает женщина.

– Два одинаковых платья, что ли, собираешься сшить, когда же ты их износишь?

– Так я же только пять метров беру, как из них два платья могут получиться? Я же не собираюсь в коротеньких платьях щеголять, чай не девочка.

– Так муж твой только что перед обедом взял этой же ткани пять метров.

От этой новости женщина так и обомлела, вся покрылась красновато-зелёными пятнами, от крайнего изумления у неё перехватило дыхание.

– Да... он мне ничего не сказал, заходил на обед домой, поел да ушёл. В руках ничего не было. Он в магазине, кроме водки и курева, сроду ничего не покупал.

– Ну не знаю тогда, – продавец старается быть как можно беспечнее.

Этот дешёвый трюк оказался достаточным для создания большой паники. Воображение женщины рисует различные ужасающие картины, в душе сгущаются чёрные тучи, сверкают молнии, гремит гром. На красавиц, в особенности вдов и старых дев, сыпятся страшные проклятья. Забыв о том, зачем она пришла в магазин, женщина в крайнем возбуждении выскакивает на улицу. Она, конечно, и сама понимала, что её Вали ни за что не потратит и копейки на всякое тряпье, ему даже на свои насущные потребности не хватает заработанных им денег, давно уже, кроме водки и курева, его ничего не интересует. И всё-таки, кто его знает, а вдруг Набиулла говорит правду. Известно ведь: седина в бороду – бес в ребро.

Через некоторое время Гайшабикя буквально за шкуру приволокла в магазин изрядно помятого, ничего не понимающего Вали, который, как оглушённая рыба, вынутая из мутной воды, сразу повалился грудью на деревянный прилавок. Гайшабикя, раздумываясь от гнева и от этого похорошевшая, с удовольствием продолжала кипеть от ярости:

– Набиулла, посмотри-ка на этого вруна, на этого идиота. Не признаётся, что купил ткань на платье. Наверно, успел уже отдать какой-нибудь своей потаскушке. Говорит, сегодня даже близко не подходил к магазину, лжец! Ещё хлебом клянётся, бесстыжий!

Вали, совершенно не соображающий, в чём дело, как бессловесный пёс, стоит понурив голову. Жена его вызвала с фермы, где он мирно трудился убирая навоз, сказав: «Пойдём, тебя зачем-то завмаг зовёт».

Вали, здоровенный мужик, которому легче рубить лес, одним махом топора расколоть пополам толстенный чурбан, взнуздать строптивного коня, чем заставить работать свою голову, чтобы отвести от себя обвинения жены, мучительно страдает оттого, что ничего не может взять в толк.

Завмаг, не ожидавший, что Гайшабикя примет всерьёз его шутку и уже немного струхнувший оттого, что дело приняло такой оборот, пошёл в отступную и попытался утихомирить спорщиков:

– Гайшабикя, успокойся, не горячись. Может, я спутал Вали с кем-то другим. Да, да, действительно, я вспомнил, это тот, как уж его, майор был. Точно, это майор купил пять метров ткани. Он так похож на Вали, прямо как его брат-близнец. Когда целый день стоишь за прилавком и разные люди мелькают перед глазами, то начинаешь их путать друг с другом.

Упомянутый «майор» – это Ильгиз Сагиров, тоже житель Кичкальни. В большинстве случаев прозвища имеют длинную историю, они передаются из поколения в поколение, а вот у «майора» прозвище свежайшее, ещё и краска не просохла, но и оно имеет свою историю.

Долгие годы Нурлатским районом, бывшим Октябрьским, руководил Гиматдинов Габбас Киямович. «Чёрный чемоданчик» района был в его руках без малого четверть века. Его рука в политике Нурлата ощущалась, даже когда он ушёл на пенсию, до самой его смерти.

Этот человек с острым взглядом, открытым лицом и крупной фигурой, весьма трепетно относился к собственной персоне, имел довольно крутой нрав и был скор на расправу. Никто

не имел права решать без него ни одну, даже самую пустяковую проблему, без его ведома ни один мешок зерна не мог уйти на сторону.

В период его правления район не вырывался вперёд, как скаковая лошадь, не был в передовиках (хотя объективные условия для этого были вполне благоприятные: трудолюбивые, работоспособные люди, благодатная почва), но и в отсталых не числился. Он прочно занимал золотую середину, чуть выше среднего уровня. И то правда, вырвешься вперёд, тогда нужно тратить силы на то, чтобы постоянно удерживаться в передовиках, а это уже требует напряжённых усилий, бдительности и зависимости от обстоятельств. Умный политик считал, что ничего не может быть лучше, чем спокойная, свободная, в то же время сытая и достойная жизнь.

...Итак, Габбас-ага, заставлявший плясать под свою дудочку весь район, на сей раз позволил в правление колхоза Кичкальни по прямому проводу, не прибегая к помощи связистов. Это – явление неординарное, оно могло произойти только в связи с необходимостью жёсткого контроля над председателем, скорее с целью снятия его с работы или, наоборот, повышения путём перевода на другую работу. Каковы намерения у начальства, простому смертному разгадать трудно.

В комнате правления колхоза пусто, хозяйничают только осенние сонные мухи. Старенький телефонный аппарат, отчаянно треща, так и пляшет на деревянном столе.

Случайно заглянувший в правление Ильгиз Сагиров в состоянии приличного подпития наконец-то взял трубку.

– Куда я попал? – послышалось в трубке.

– В военкомат.

– С кем я говорю? – добивается начальник.

– Майор Сагиров вас слушает. Доложите! – Первый человек района, не допускающий мысли, что есть кто-то, кто не узнаёт его по голосу, думает, его нарочно разыгрывают, смеются над ним или даже предпринимают против него какие-то злонамеренные действия. Он немедленно высылает в Кичкальню наряд милиции, милиционеры, ревностно исполняя свои обязанности, тут же «берут» новоиспечённого майора, ещё «тёпленького», неосмотрительно задремавшего в той же комнате правления, привозят его в райцентр и, как особо опасного преступника, запирают в отдельной камере. Однако узнав, что это просто пьяный пожарник, ищущий приключений на свою голову, Габбас-ага от души посмеялся и приказал обратно отвезти его в деревню на машине ГАИ. Вот и получается, чем же он не майор, да если бы он не был майором, разве его привезли бы в деревню на машине с красно-зелёно-жёлтыми мигалками? Так что сомнений нет, Ильгиз Сагиров – истинно майор! Только у его матери, русской женщины, говорящей на чистом татарском языке, и пять раз в день читающей намаз, новый статус сына не вызвал восхищения: «Майор-то майор, но пить так и не бросил», – грустно говорила она.

Если кто-то произносил слово «майор», то это сразу же вызывало улыбку окружающих, как бы призывая не усложнять и без того тяжёлую послевоенную жизнь. Вот и сейчас, когда завмаг сравнил мужа Гайшабики с майором, на губах у неё появилось какое-то подобие улыбки.

Продавец – сам фронтовик и хорошо понимает, что в тылу нельзя оставлять врага, особенно в лице женщины. Разъярённая корова страшнее бешеного коня. Враждебные отношения приводят к мести, а женская месть непредсказуема.

– Ладно, в жизни без ошибок не обойтись, вот и я ошибся, ты уж не обижайся, Гайшабика, не сердись, мы ведь родня. Давай-ка, вот я тебе самый красивый ситец отмерю, который как раз тебе к лицу, я для своей жены отложил было, да уж ладно.

Когда подошло время расплачиваться, Вали исчез, тихонечко выскользнул на улицу. Когда огонь разгорается, лучше на ветру не стоять.

Гайшабика сунула свёрток с тканью под мышку и, потянувшись к уху продавца, прошептала:

– Ты, Набиулла, ошибаешься, если думаешь, что я тебе поверила. Уж я-то своего шалопая знаю. Мужики врать не умеют. Я тебя сразу разгадала. Но спасибо тебе. Всё отлично получилось. А то мой пьянчужка всё время меня донимал, говоря, что я к нему равнодушна, даже не ревную, как другие жёны. А я всё пувыт не могла найти, чтобы показать свою ревность. Очень здорово всё получилось. Уж я ему покажу! Там, на ферме, я как попёрла на него, говорю, где ткань, которую ты сегодня купил. Как же, позволю я ему покупать подарки другим женщинам! Пусть сначала детей досыта хлебом накормит.

Теперь уже у шутника-продавца челюсть отвисла. Действительно, женщина – это бездонный колодец: на поверхности воды ты видишь лишь своё отражение, а всё остальное расходуется кругами.

Не успела Гайшабикя с победоносным видом удалиться из магазина, тут же возникло блёклое лицо Вали.

– Ты уж не обижайся, Набиулла, на мою жену. Она у меня ужас как ревнивая, а всё потому, что любит меня без памяти. Давай, налей-ка мне стаканчик в долг.

У продавца иного выхода нет.

– Давай-ка, я сам угощу тебя. Пусть платье твоей жены на ней самой изнашивается!

Таким образом, без вины виноватый муж ревнивой жены удалился из магазина вполне удовлетворённый. А отцу пришлось расплачиваться за свой юмор, он ведь знал, что Вали все свои долги так и унесёт с собой в лучший мир.

Одно время в магазине начали появляться остродефицитные товары: спички, чай, сахар, керосин. То и дело стала показываться селёдка и – самое главное – килька, особо популярная в народе из-за своей дешевизны и идеальной совместимости с основным продуктом питания татар – картошкой. Особый восторг вызывала килька у наших соседей – чувашей. Один чуваш из соседней деревни, купив в нашем сельмаге два килограмма кильки, оставил крылатую фразу: «Если пы я пыл Сталиным, я пы всегда ел только кильку». Эта фраза, ставшая знаменитой, ещё долго украшала шуточные разговоры сельчан. Тем временем отец привёз в бочонке средних размеров странноватый продукт. Оказалось, это – неведомая нам доселе чёрная икра. По внешнему виду одни нашли в ней сходство с гречневой крупой, другие – с той же килькой, точнее с выковыренными из кильки глазами. Попробовав, пришли к одному мнению – слишком солёная, невкусная, да ещё и дорогая. Таким образом, икра, не найдя своих почитателей и не оценённая по достоинству, так и усохла в бочонке, превратившись в одну жёсткую массу, потом её не то увезли куда-то, не то выкинули.

Рабочий день сельского завмага не ограничивается стоянием за прилавком от открытия до закрытия магазина. Частенько его дом заменяет ночной бар или городской ресторан. Покоя нет. Сон нарушен. Мне интересно слушать разговоры взрослых, у которых после пары выпитых рюмок всё, что на уме, то и на языке. Это для меня бесплатный театр, школа жизни. Частенько кичкальнинское начальство – председатель колхоза, председатель сельсовета, директор школы, парторг, завхоз, возвращаясь из райцентра после очередного заседания, собрания или совещания, проводившихся почти каждый день, или просто, когда в горле пересыхало, стучались в наши ворота. Отец-то свой человек, немного неудобно перед матерью, ей приносят свои извинения:

– Ты уж не сердись, Исламия-апа, замёрзли мы, посидим тихонечко, детей не разбудим.

Тем временем появляется отец, уже успевший натянуть на себя брюки. Хотя он хорошо понимает, что ночные гости явились не потому, что сильно соскучились по нему, но всё же решение проблемы затягивает, не спешит выставить на стол вождеденную бутылку.

– Набиулла-эзи, найди уж бутылочку, а?

– Нет, братцы, дома держать нельзя, только что председатель сельпо ругал меня на чём свет стоит.

– Да уж есть ведь, наверно, а то мы совсем закоченели.

– Исламия, может, у тебя где-нибудь припрятана бутылочка? Давай уж достанем, – хитрит отец с видом благовоспитанного котика.

Мама, стараясь сдержаться, не показывая своего недовольства, ставит на стол холодную картошку, масло, хлеб. Бутылку отдаёт отцу в руки.

Всё очень строго. Стакан один на всех. В другие позже нальют чай.

Огненный напиток в первую очередь положен владельцу всех материальных благ колхоза – председателю. Пока он пьёт, другие, изо всех сил сдерживая свои до предела натянутые нервы, стараются не смотреть в его сторону. Для мужчины нет, наверно, более тяжкого испытания и более долгого ожидания.

Председатель, осушив стакан до конца, не спешит выпустить его из рук, крепко сжимая его, тыльной стороной другой руки вытирает губы, раздувая ноздри, жадно вдыхает воздух и только потом тянется к хлебу. С удовольствием понюхав его, он отщипывает от него кусочек и кладёт его в рот и, будто убедившись, что горячительный напиток достиг нужной цели, левой рукой проводит по животу. Такие же сладостные мгновения испытывает и второй, и третий... Это само по себе особое зрелище, особый мир.

Когда алкоголь ударяет в головы, начинаются разговоры о делах села, района и вообще о жизни. Слово берёт старый коммунист, председатель сельсовета Исхак Галиуллин.

– Знаешь, Набиулла, ищут кандидатуру на место председателя сельпо, я предложил было тебя, но говорят, нельзя, ты не член партии.

Председатель колхоза – тамада.

– Так давай мы его быстренько примем в партию. Я бы и рекомендацию сам дал, да нельзя, мы родня, я женат на его сестре.

Отец не принимает всерьёз болтовню этих разгорячённых водкой мужчин, всё обращает в шутку.

– Нет, спасибо, там нужно большие взносы платить, а у меня детей много.

– При чём здесь дети? – вмешивается директор школы Замир Яруллин.

– Да я слышал, взносы начисляются с поголовья детей, – опасно шутит отец и спешит побыстрее исправить свою ошибку (ведь на дворе ещё только пятидесятые годы). – Спасибо за доверие, я подумаю. Может, ещё одну откроем?

Ну конечно же, открыли ещё одну и ещё одну.

Отцу вступить в партию, кажется, не давала ходу «кулацкая дочь» – мама. Однако наш отец, сын Галиуллы Набиуллы, всегда оставался верен Советам, Сталину, о них и о своей эпохе он никогда не говорил плохо сам и другим не позволял. Помню его споры на эту тему с писателем Мухамматом Магдиевым. Сталинский режим уничтожил отца Мухаммата, а сам он всю жизнь носил на себе клеймо сына «врага народа», поэтому ругал Сталина и его режим с яростью, зло, мстительно. Отец, покрепче подперев свою деревянную ногу, противопоставлял ему современную разнузданность, непорядочность, беспредел.

– Раньше хоть порядок был. Даже в городе не боялись выйти на улицу. Сталин сам никого не расстреливал. А многого из того, что творилось от его имени, он даже не знал.

– Ты хоть знаешь, за что ты воевал? – много раз спрашивал я его.

– За свободу, – отвечал он неизменно.

– Какая свобода? Уж сколько времени прошло с тех пор, как кончилась война, а мы по-прежнему нищие и от всех зависим.

Тогда, припёртый к стенке, он вынужден говорить правду:

– Нас не спрашивали, взяли да отравили. Я не политик, я – крестьянин.

Всё равно он так и ушёл из этой жизни с твёрдой верой в идеалы коммунизма. Как бы мы ни ругали сейчас коммунистов, Советы, но одного у них не отнимешь – умели они, одурманивая умы и души, заставить верить в свои идеалы, добиться хотя бы политического единодушия.

Всякое бывало в период работы отца заведующим сельмага. Я хорошо помню, как у нас гостили разные ревизоры, финансовые работники. Если хорошенько покопаться, то невозможно найти ни одного человека в деревне, который не приходился бы роднёй. Денег у людей нет, в колхозе все работают бесплатно, за палочки – трудодни. Отцу надо продать товар, а людям нужны хотя бы предметы первой необходимости – керосин, соль, спички, а мужчинам ещё и выпивка, сигареты. Эти так и вьются возле продавца, как лиса, увидевшая сыр, умоляя дать в долг. «Набиулла-эзи, сжался, умираю ведь, ну запиши в свой журнал хоть в двойном размере!» Но когда приходит день расплаты, естественно, никто ничего не помнит, дескать, в журнал продавец мог записать что угодно, своя рука – владыка.

А ревизорам всё равно, кто оплатит. Ырастрата, как говорят, она и в Африке ырастрата. Разия-апа, младшая сестра отца, очень решительная журналистка, живущая в райцентре, как-то зашла проведать отца и, узнав, что он сдаёт сельмаговские дела, спросила:

– Эзи, а кого взяли на твоё место?

– Корову взяли, – ответил отец, имея в виду, что пришлось продать корову, чтобы погасить растрату.

Только сейчас становится понятным, что заведующий сельмагом Набиулла был для своего времени весьма сведущ в бухгалтерских делах. На своих деревянных счётах он отщёлкивал довольно крупные суммы, да так, что ни один заезжий контролёр не мог подкопаться, хотя и чувствовал какую-то хитрость, но ничего обнаружить не мог. Головной мозг отца, видимо, был разделён ровно пополам (как чёрно-белая голова Хрущёва на скульптуре Эрнста Неизвестного): одна половина отвечала за всякие счётно-расчётные процессы, другая – за словесное искусство. Эта часть мозга и подвигла его к ведению дневника. Кстати сказать, восемь его детей по образу мышления тоже делятся ровно пополам: сыновья – все филологи, хотя по образованию филолог только я, другие: кто медик, кто агроном, кто зоотехник, но всё равно они склонны к работе с помощью языка, речи.

Дочери же в основном отдали предпочтение точным наукам. Если для медика Афгата произнести часовую речь не представляет никакой трудности, то для моих сестёр, Лилии и Сарии, закончивших физико-математический факультет, легче решить несколько математических головоломок, чем произнести хотя бы короткий тост. И живут они просто, без особых претензий, работают в средней школе, воспитывают своих и чужих детей, скромно служат своему народу.

Да, хромым Набиулла имел ещё одну маленькую слабость, которую нельзя оставить без внимания, – сколько я его помню, он вёл дневник. Небольшой философский отрывок из этого дневника я и привёл в начале этой главы. Из-за того, что нам пришлось пережить пожар, несколько раз переезжать с места на место, большинство рукописей не сохранилось. В своих записях-воспоминаниях, рассуждениях он предстаёт более глубоким и целеустремлённым, пытающимся осознать понятия космического масштаба. Видимо, таким образом излагая на бумаге свои взгляды на жизнь, он пытался понять самого себя. Он вёл эти записи не для того, чтобы оставить их в истории. Все эти записи, как и «шакирдовские тетради», сохранившие нам жемчужины устного народного творчества, велись только для себя.

До сих пор у меня перед глазами картина, повторяющаяся почти каждый вечер: положив на здоровое колено тетрадь, на обложке которой написано «Амбарная книга» (за столом места нет, детвора готовит уроки, шум-гам), отец записывает то ручкой, то карандашом свои впечатления от прошедшего дня, свои возникшие в этот момент мысли и раздумья о жизни. В эти минуты он замкнут, напоминает скрывающуюся в своём панцире черепаху, повторно пропуская через себя всё пережитое за день. Spина прямая, коротко стриженные белые волосы, напряжённо наморщенный лоб, большие серые глаза внимательно следят за остающимися на бумаге результатами его размышлений. Это удивительное состояние литераторы называли бы

творческим процессом, но отец об этом не думает, он просто ушёл в себя и наслаждается своим внутренним миром.

Эта особенность, то есть тяга к писательству, к книгам, характерная для татарских мужчин вообще, конечно, не является чертой только нашего отца. Многие грамотные мужчины Кичкальни с удовольствием отдавались этому увлечению.

Может быть, это одно из подтверждений того, что племена под названием «татары» с древних времён имели свою азбуку и были образованными людьми, может, это признак дервишской мечтательности (по мнению некоторых, это занятие – пустая трата времени) или, помня утверждение Михаила Булгакова (который, кстати, весьма гордился тюркским происхождением своей фамилии), что рукописи не горят, хотели донести свои мысли и вообще оставить какую-то информацию будущим поколениям. Вот и наш Тукай, говоря, что в мировой истории есть следы и нашего народа, имел в виду в том числе и такого рода письменные памятники. Смысл этой строки Тукая до сих пор является предметом споров и различных толкований. Глубокая мысль не бывает односложной. В отцовских дневниковых записях никаких особых откровений или поражающих воображение смелых мыслей вроде бы не содержится. Обычные повседневные бытовые наблюдения: какой была наступившая весна, когда приступили к посевной, когда зацвела рожь, когда начали собирать мяту и вязать веники, к кому ходили в гости. Самые подробные записи об осадках.

Первые дни весны – самое подходящее время для определения и обоснования того, каким выдастся год. Аксакалы села, кривые, косые, хромые, безрукие, безногие, искалеченные войной, всю зиму, собравшись возле пожарки, стучавшие в домино, теперь при возникших спорах отправлялись по домам за своими драгоценными записями, за своими неопровержимыми доводами.

Дневники, как священный талисман, хранились обычно на недоступном для детей месте, высоко на печи или в щели между балкой и потолком.

Отец, тыча пальцем в открытую страницу своей «Амбарной книги», сообщает свои доводы:

– В начале июня будут сильные дожди. Дней на десять наступит похолодание. Следующий сильный дождь будет только в конце июля. Успеем хорошенько заготовить сено.

Вид у отца весьма довольный. На его лице играют блики знаний. В эти мгновения он похож на ясновидящего, вступившего в контакт со звёздами, с космосом, или на только что вышедшего из грота Авиценну. Однако если вы думаете, что его мнение принимается собравшимися единогласно, то вы недооцениваете в кичкальнинских мужчинах несостоявшихся учёных, знатоков естественных, юридических и точных наук. Взять хотя бы небольшого роста Абельгаза-абзый, отца нескольких дочерей, сельского философа, страстного спорщика. Он ни за что своих позиций без боя не сдаст! Полистав свою тетрадь и остановившись на одном из пожелтевших листков, он, с выражением несогласия в своём ясном простодушном взгляде, начинает талдычить своё.

– Нет, Набиулла, по моим записям ты не прав, не сердись. Обещанные тобой дожди до Кичкальни дойдут не раньше середины июня, и не со стороны Альмета, а через лес.

Такая убийственная точность и категоричность бьёт наповал. Однако противная сторона всё же не спешит выбросить белый флаг. В спор вступает Исхак Галиуллин, инвалид, с одним лёгким, с тёмными пятнами на лице, бывший председатель сельсовета, долгие годы украшавший на собраниях президиум. Так что с ним справиться сложно.

– Вы оба ошибаетесь. Набиулла более близок к истине. Прогноз погоды повторяется через каждые двенадцать лет. По моему прогнозу, июнь будет дождливым и холодным.

Конечно, если бы Исхак-абзый продолжал занимать ответственный пост, то, помня, что всегда может понадобиться его помощь, какая-нибудь справка или печать, многие с ним согла-

сились бы. Но теперь трибуны нет, он такой же пенсионер, как все, только пенсия у него, может, побольше.

Вагиз Хузеев, подвергающий сомнению любые доводы, живущий как раз напротив пожарки, где кипят жаркие споры, хотя и не вёл дневник, но никогда не забывал, что он рождён под созвездием Млечного Пути.

– Твои прогнозы никогда не сбываются, Исхак-эзи, это тебе не печати ставить в сельсовете, тут надо головой работать, – безапелляционно заявляет он.

Однако «диктатор» Халиса не даёт развернуться своему коренастому, мускулистому, работающему мужу: ещё издали, спиной почуяв тяжёлую руку своей красотки, Вагиз, подобрав большие калоши, спешит в сторону своего дома.

Несмотря на то, что «вражеские силы» вырывают Вагиза из боевых рядов, споры не прекращаются. Каждый норовит себя показать, усомниться в любом аргументе, – в этом вся соль дискуссии.

В спор вступает ещё один мелодичный голос. Однако отец тоже твёрд, как гранит. Он принимает всерьёз записи только одного человека и только с ним он согласен скрестить шпаги:

– Абельгаз-эзи, не сердись, но я прав. Вот посмотри-ка сюда... В пятьдесят первом году вот что я занёс, в пятьдесят восьмом всё повторилось. В шестьдесят втором вначале было сухо, потом пошли дожди. Урожай собрали. У моего сына сын родился.

Выделяющийся среди всех своим низким ростом и хрупким телосложением Абельгаз прямо-таки выходит из себя:

– Ты своими цифрами мне на нервы не действуй! Ты ещё и младше меня, кажется?

– Давай не сваливай с больной головы на здоровую, не путай мои мысли, я правду говорю.

Истина рождается в споре, который становится всё более ожесточённым, однако отношения выясняются, не переходя на личности. В любом случае «самая умная мысль, как говорится, всегда приходит опосля», но поезд уже ушёл, близок локоть, да не укусишь. Каждый потом ругает себя на чём свет стоит, говоря: «Эх, надо было так сказать... или вот так!..» Наблюдать за их спорами – само по себе целое представление. Таким образом, наперекор своей серой, необустроенной жизни сельские мудрецы находили утешение в этом своеобразном духовном соотязании.

Я, конечно, далёк от мысли, что только в моей Кичкальне жили мечтательные люди, стремившиеся подняться над повседневной реальностью. Если женщины обычно изливают свою душу в песне, в стихах, в байтах, то мужчины, видимо, – на бумаге.

К слову сказать, Равиль Муратов в своей книге «Дорогу осилит идущий» очень активно использует дневниковые записи – воспоминания своего отца. «Сейчас, перелистывая его дневники, я поражаюсь и восхищаюсь его силой воли и мужеством. Он был исключительно трудолюбивым человеком. Его рабочий день, как правило, начинался в четыре или пять утра и не заканчивался раньше одиннадцати вечера». Представление о том, как проходил день, что волновало, что вдохновляло отца, автор воспроизводит именно по его дневниковым записям. «Воспоминания, – пишет он, – были для него духовной пищей. В них он более искренен, более справедлив и, я бы сказал, в них он проживает жизнь, более соответствующую его духовным потребностям...»

Точно так же мог бы оценить и я записи своего отца, изобилующие орфографическими ошибками, без соблюдения каких-либо знаков препинания, сделанные только для себя, для понимания и облегчения собственной жизни. В прозаические записи о будничных встречах и беседах со своими друзьями-односельчанами вдруг вклиниваются совершенно поэтические строки о необыкновенной красоте только что нарождающегося тоненького, серповидного полу-месяца или о полноликой круглой луне, будто совсем потеряв стыд, выставившей себя на всеобщее обозрение.

Хотя важные политические проблемы в дневник не заносятся, всё же в октябре 1964 года отцом сделана следующая запись: «От Хрущёва избавились. Свалился. Может, теперь разрешат держать скот».

Этот правитель с плафонообразной головой нанёс немалый ущерб всей стране, в частности татарскому народу. Многие деревни, по-младенчески привольно раскинувшиеся на лоне природы, с крепким хозяйством и высокими нравственными устоями, бывшие опорой нации, попали под клеймо «бесперспективных» и были уничтожены. Эта недалёковидная политика привела почти к полному прекращению развития крестьянского хозяйства. Молодёжь толпами стала уезжать из деревень на городские стройки, в этих деревнях закрылись начальные и семилетние школы. А в десятилетках больших деревень обучение велось только по-русски. До сих пор мы расхлёбываем кашу, заваренную в те годы. Так что отцовская радость вполне понятна. В эти же дни в дневнике отца сделана одна странная запись: «Стоит ли отстраивать конюшню, если лошадь уже сдохла?» Что он хотел сказать этим ёмким предложением? Не остаются ли до сих пор конюшни без лошадей? В памяти осталось ещё одно выражение из дневника: «Можно ли наказывать ребёнка за то, что он просит есть?»

Взрослые мужчины, занимавшиеся «писательством», казались нам тратящими время на пустяки. Но, оказывается, не всякую жажду можно утолить просто водой. Человеку, в отличие от других живых существ, необходимо утолить духовную жажду, найти опору для умственной деятельности.

И всё же деревенские мужики думают в основном о детях, о земле, стараются обойти большую политику стороной. Именно этим и отличаются их дневники. Только представители интеллигенции время от времени делают смелые выпады в адрес московских властей в местной печати на своём родном языке, о существовании которого те, к кому они адресуются, даже не подозревают. Так что собака лает, караван идёт.

Однажды в Переделкино под Москвой, где я отдыхал в Доме творчества, на платформе, ожидая электричку, я услышал разговор двух солидных мужчин, говоривших хозяйским тоном и с видом полной осведомлённости.

– Нет, я не согласен, – говорил тот, что повыше, в зеленоватой стёганой куртке.

– Чем тебе не нравится Лебедь? – спрашивал второй, в коричневом полушубке.

Как я понял, речь шла об Александре Ивановиче Лебеде, положившем конец первому чеченскому кровопролитию и в настоящее время вступившем в борьбу за президентское кресло. Высокий оказался очень категоричным, строгим.

– Нет, я против того, чтобы выбрали Лебеда. Это слишком жёсткий генерал. У сторонников Куликова головы полетят.

– Полетят так полетят, все они одним миром мазаны... Ворон ворону глаз не выколет.

Тут, пытая и фыркая, подошла электричка. Всю дорогу я думал о подслушанном мной диалоге и восхищался «смелостью» собеседников. Ведь ещё совсем недавно мы не имели возможности так открыто, громко высказывать свои мысли о высокопоставленных чиновниках.

Человек – очень странное, необъяснимое существо. Он быстро привыкает к переменам, к потерям. Да и что же ему остаётся, «от судьбы не уйдёшь», – говорим мы. Раз умеем оценивать историю, прошлое, пережитое, значит, добрые дела ушедших, их мечты и надежды продолжают жить в нас.

Значит, и наш отец продолжает жить в нас, в его восьмерых детях. Видимо, в основе его размышлений о жизни, изложенных в дневнике, лежит эта самая идея преемственности поколений, продолжения рода человеческого.

Мама и её окружение

Наша семья, состоящая ровно из десяти человек – мамы, папы и восьмерых детей, ни по численности, ни по качеству, ничем не отличается от других семей села. Есть ячейки с большим количеством детей, но и не дотянувших до нашей тоже достаточно.

И всё же, как ни один человек на земле не может быть точной копией другого, так и каждая семья имеет свой колорит, свой образ жизни, свои особенности, не бросающиеся в глаза посторонним, доступные только внутреннему духовному зрению.

За обеденным столом или хотя бы за вечерним чаем мы стараемся собраться вместе: все семейные и общественные проблемы решаются именно здесь. Это давно установившаяся традиция. Во главе стола – отец, высокий статный, как крепкая сосна, выросшая в просторной песчаной долине, он любит сам разливать чай из самовара. В нашем доме чай, этот ставший уже традиционным напиток, пьют крепким, как бычья кровь. Правда, отец немного хитрит, нам, детям, наливает заварки поменьше, побледнее. Мама носит еду, крутятся между широким, обитым из толстых досок столом и огромной печью с такой скоростью, что, кажется, её ноги почти не касаются пола, прямо как танцор Нуриев. Я не помню, чтобы она когда-нибудь спокойно посидела с нами, не спеша поела. В её режиме дня долгое времяпровождение за столом не предусмотрено. Видимо, иначе вести дом, содержать семью просто невозможно. Любая привычка вырастает из объективной потребности.

За столом царят миролюбие, справедливость и равенство, и никому даже в голову не приходит, что где-то есть жестокость и зло.

В семье слово отца – закон, мамино – комментарий, толкование этого закона. Основное оружие мамы – интуиция, умение предвидеть события, предотвратить «кризис». Хотя отец – человек живой, остроумный, с юмором, но считает несолидным для мужчины, поддавшись чувствам, выходить из себя. Мама – опора для него. Рядом с ней он чувствует себя уверенно. Каждое слово отца, любое его решение мама поддерживает и одобряет с выражением безоговорочной покорности в серо-голубых глазах и с загадочной улыбкой на лице. Когда отец ругает нас в резкой форме, выражая недовольство нашим поведением, и назначает слишком строгое наказание, мама, если считает необходимым, немного смягчает его выражения, его резкость и сам приговор, но в конечном счёте полностью поддерживает мнение отца, и это правильно. Это не уступка, это просто творческий подход к проблеме.

Большинство современных женщин, неверно, односторонне истолковывая понятия «свобода», «независимость» только как равные права с мужчиной, забывают о своих чисто женских обязанностях. Встав на путь скандалов и шумных разборок, совершенно не считаясь с мнением и желаниями своей второй половины, вынуждает мужа встать на тот же пагубный путь.

Ещё в первой четверти XX века наш знаменитый писатель Гаяз Исхаки оставил татарским женщинам своё завещание – наставление в своей повести «Он ещё не был женатым». Не останавливаясь на художественных и многих других достоинствах этого замечательного произведения, обратим внимание лишь на философскую направленность мысли маститого писателя в период, когда смешанные браки были не столь частыми, но поддерживались официальной политикой.

Главный герой повести Шамси, изгнанный из медресе за поддержку своих прогрессивно мыслящих товарищей, приезжает в Петербург и устраивается на работу помощником приказчика. Для повышения своего культурного уровня он начинает посещать театры и концерты, и незаметно для себя попадает в любовные сети красивой и опытной женщины Анны Васильевны. Анна – женщина умная, обаятельная, знающая толк в мужчинах (она уже побывала замужем). Она не только не вступает в споры с Шамси, не перечит ему ни в чём, а, напротив, заранее поняв, почувствовав, просчитав его намерение, старается угодить ему во всём. Более

того, она, делая вид, что поддерживает его мечту жениться на умной, образованной девушке-татарке, сопровождает наивного Шамси на вечеринках, где собираются девушки-мусульманки. Однако трудно найти девушку, которая понравилась бы им обоим и подходила бы по всем статьям: то недостаточно красива, то несоответствующее поведение, то образование не того уровня. А тем временем Анна, преследующая вполне определённые цели, дарит Шамси дочку, через год – вторую, «нечаянно» крестит детей в церкви. Ни слова против не говорит Анна, даже когда Шамси уезжает в родную деревню с намерением жениться, однако не забывает как раз ко дню помолвки прислать любовное послание с фотографией деточек. Шамси, поставив в исключительно тяжёлое положение молодую девушку и её родителей, покинув свадебный стол, уезжает к своей любовнице. Таким образом, опытная женщина, мягко стелясь, жёстко захватывает молодого татарина в свои сети.

Гаяз Исхаки, обращаясь к татарским женщинам, как бы советует этой поучительной историей: «Если не хотите лишиться своих Шамси, то будьте, как Анна, нежными и ласковыми, сумеете незаметно заставить мужчину «плясать под свою дудочку».

Думаю, бессмертная душа отца не будет в обиде, если скажу, что в нашей семье дела обстояли именно так, как учил Гаяз Исхаки, то есть, в переводе на современный язык, так: отец – хозяин, авторитет, мама – крыша. Немногие понимали, кто в доме истинный глава. Сам я более или менее постиг этот секрет, только когда приобрёл некоторый опыт семейной жизни, вырастил двоих сыновей, стал доктором наук, потому что нет на свете более сложной и запутанной науки, чем взаимоотношения мужа и жены. Генетика, теория относительности, кибернетика – все они намного проще.

Отец – вспыльчивый, быстро заводится, шумит, он ещё и артист в некоторой степени, любит внешние эффекты. Мама – гаситель всяких вспышек.

Нередко, когда вымоченные в воде ивовые прутья уже готовы были опуститься на наши спины, мама своими пальчиками касалась плеча своего суженого, и отец мигом отходил, как разбушевавшаяся по весне речка входит в берега, успокаивался.

Мама рекламу не любит, зазнайство и чванство не в её характере. И всё же она всегда помнит о своём благородном происхождении, о том, что она из зажиточного роду-племени (читай: из кулаков). Это светлое прошлое послужило ей духовной опорой и в тяжёлые послевоенные годы с постоянной нехваткой чего-нибудь из самого необходимого.

Одна из двух краснокирпичных палат в центре нашего села построена её родственниками. Отец её Шафигулла был искусный плотник и умело обучал своему мастерству других членов семейства, и они всю округу обеспечивали санями, колёсами для телег, дубовыми бочками и другой утварью. И в настоящее время наши родственники по маминой линии известны в округе как «золотые руки». Дети и внуки старика Шафигуллы всегда были самыми знатными плотниками в деревне, а когда наступило время технического прогресса, именно они стали передовыми комбайнёрами.

Советы, ориентированные на голытьбу типа Шариковых, естественно, деловых, работающих людей не поощряли. На деревню Кичкальню, состоящую из двухсот дворов, пришла разрядка раскулачить пять хозяйств. Просьба к властям сократить это число, поскольку в деревне не было столько богатых семейств, осталась без внимания.

Несколько хозяев, включая и Шафигуллу, с добротными домами, крытыми железом, имеющих в хозяйстве несколько лошадей, включив в разряд кулаков, разграбив и растранив все их богатства, отправили на «исправительные» работы. Только перед самой войной Шафигулла-бабай вернулся в родную деревню только для того, чтобы здесь умереть.

Фруктовый сад нашего деда, где пышно цвели и щедро плодоносили яблони, вишни, груши, смородина, даже в заброшенном состоянии продолжал жить до начала 50-х годов. Всплывают в памяти строки Равиля Файзуллина из стихотворения «Штрих к портрету отца»:

Теперь...
Как на лице твоём следы от оспы,
Лишь ямки и канавки
На укатанных склонах гор.

Наша бабушка Камиля, овдовев, осталась с двумя маленькими детьми на руках. Как только дочери исполнилось восемнадцать, она выдала её замуж. В одно сумрачное дождливое утро мама молодой невесткой вошла в семью Галиуллиных, которые, хотя и не умели топор в руках держать, зато были мастерами писать, чертить, складно и остроумно говорить, одним словом, это был род писарей, потомки «писаря Галиуллы». Перед войной она одаривает этот род двумя мальчиками. Это были я и мой младший брат Фуат, который умер, прожив всего два года. Отец был очень доволен своей кроткой бессловесной женой и, как герой повести Гаяза Исхаки Шамси, даже не заметил, как выпустил из рук значительную часть реальной власти. Его вполне устраивало положение авторитета типа английской королевы, за мелочи он не цеплялся.

Связи со школой, то есть «департамент просвещения», проблемы нашей учёбы были полностью доверены маме. Во всяком случае и меня, и соседских детей в первом классе буквам обучала мама, хотя отец к этому времени уже вернулся с фронта и считал себя более грамотным и образованным, чем мама.

Мама, хотя молча и терпеливо обслуживала огромную семью Галиуллиных, но своей внутренней независимости не теряла. Излишнюю разговорчивость своих новых родственников, их небрежное отношение к повседневным делам по хозяйству она не одобряла, но виду не подавала. Предпочитала любое дело, засучив рукава, сделать сама, чем спорить, «качать права», целый день, крутясь как юла, она преуспевала в любой работе: хоть на уборке свёклы, хоть на картофельном поле, угнаться за ней было трудно. Она успевала и прополоть, и промотыжить, и прорыхлить почву.

Только отец, со своей кипучей «пассионарностью», бьющей через край, как тесто, в которое положили дрожжей, не давал ей возможности слишком увлекаться сельскохозяйственными делами: одного за другим наделяя её младенцами. Пуповины обрезаются с перерывом в один год; не задумываясь о том, как их растить, поить-кормить, одевать... «Каждый ребёнок рождается со своей долей счастья», – говорит народная поговорка, так, видно, думал и наш отец.

И он оказался совершенно прав. Из десятирех, выношенных мамой детей, не выжили двое. Остальные – четыре мальчика, четыре девочки – все живы и здоровы по сей день, слава Аллаху.

У меня навсегда осталось такое впечатление, что родители жили очень дружно. Мы, конечно, не видели, чтобы они при нас обнимались, целовались, но вечерами, когда дверь уже защёлкивалась на щеколду, и родители, уйдя к себе за цветастую занавеску, ложились на свою железную кровать, ещё долго слышались их приглушённые голоса, воркующие, как пара голубков. Слов не разобрать, только доносится мирная речь, журчащая, как тихая речка. О чём можно говорить все ночи напролёт? Наверно, они говорили о нас, о детях. Ведь и радость, и горечь родителей – это дети. Атмосфера взаимопонимания и взаимоуважения, царившая между ними, явилась для нас опорой и образцом для наших собственных семейных отношений. Когда они шли по улице вместе, мама рядом с высоким, статным отцом выглядела совсем миниатюрной. Иногда мама шла на несколько шагов позади своего «господина», тогда за отцовской спиной её совсем не было видно. Мы недоумевали, почему она так делает, поддразнивали её.

– Почему ты идёшь сзади, иди рядом или даже выйди вперёд. Ты же дочь богача, а отец – он что, он же всего лишь писарьский отпрыск, беднота.

Но наша цель оставалась не достигнутой.

– За его спиной мне спокойно, ни ветер, ни дождь меня не достают.

Мы к ней особо не привязываемся. Она хоть и не любит особо языкастых, но сама при необходимости может кого угодно отбрить, осадить метким словом или шуткой.

Романтические вздохи при луне, любовные страдания и безумства проходят довольно быстро, что же остаётся от любви? Видимо, вот эти бесконечные разговоры в ночные часы, желание слушать советы друг друга, вникать в волнующие обоих проблемы, быть друг другу надеждой и опорой.

Впрочем, кажется, я слишком отвлекся. Сегодня на повестке дня за чайным столом будет обсуждаться конкретно моя проблема.

Уже 25 июня. Волнуюсь. Именно сегодня отец должен дать окончательный ответ на мою неоднократно напоминаемую просьбу. Тянуть больше некуда. Речь пойдёт о том, поеду ли я в Казань поступать учиться... Я уже и так потерял целый год своего драгоценного времени, работая после окончания школы на одном из Уральских заводов. Как назло, как раз перед моим приездом в нашем доме случился пожар, и почти всё сгорело. Всё лето, отставив все свои интеллектуальные дела типа чтения книг, конспектирования классиков литературы, я пилил, строгал, конопатил...

Оказалось, что у отца уже давно созрел на мою просьбу вполне определённый отрицательный ответ.

– Ты уж, Талгат, подожди ещё годик. Дел по горло. Избу надо достраивать, сарай восстановить. Потерпи немного.

Меня будто ударили обухом по голове. Совершенно оглушённый, ошалевший, онемевший, я чувствовал, как надуваются кровеносные сосуды на шее, вот-вот лопнут. Я отложил в сторону ложку, вынутую изо рта. За столом воцарилось напряжённое молчание.

– И без учёбы жить можно. Вон сын тракториста Вагиза как хорошо работает на своём комбайне: и хлеба у него навалом, и скотину на мясо держит, сколько душе угодно. В поте лица потрудятся весной-осенью, потом всю зиму отдыхают, слушая завывание вьюги, вой волков и крики петухов в своём уютном тёплом доме с чистым воздухом. В гости ходят, до утра песни распевают.

Длинная речь отца с активной жестикуляцией выдаёт его некоторую неуверенность в своих доводах. Он прекрасно понимает, что из меня ни тракториста, ни комбайнёра, ни мастера по оконным рамам не получится, я же на него похож, внук «писаря».

«Всё-таки попробовать бы поехать, может, ещё и не поступлю», – хочется мне сказать, поугуговаривать, но перечить отцу не хватает духу.

Тем временем мама, крутившаяся возле печи, наконец садится за стол. Её отношение к словам отца никак не отражено на её лице, будто речь идёт о проблемах далёкой Уганды или Конго, а совсем не её дорогого сыночка.

– Дети, сейчас будет готова картошка с мясом, сметану оставьте отцу.

Я не верю своим ушам... Вот тебе на! Какая может быть картошка, сметана, когда речь идёт о судьбе человека, о его будущем? У меня голова трещит, губы дрожат, а мама как ни в чём не бывало нарезает сыр и круглый ноздреватый хлеб. В её внешнем облике всё та же беспечность, равнодушие и наплевательское отношение к судьбе родного сына. Даже к пасынкам так не относятся!

Ну вот, рухнули надежды и на маму. Счастливые люди могут сидеть себе спокойно, сложив руки, а переживания заставляют шевелиться, что-то делать. Хотя от тебя ничего не зависит, но всё же трудно усидеть на одном месте, как рыбак, следящий за поплавком. «Может, вечером отец подвыпивший придёт, подбрее будет, тогда ещё раз поговорю, может, найду подход», – утешаю я себя и не замечаю, как мама снова встаёт и направляется на кухню к печке. По пути, коснувшись рукой отцовского плеча, она скрывается за пёстрой занавеской.

Мама двигается бесшумно, как невидимый глазу домовый, даже половицы под ней не скрипят.

Из оцепенения меня выводит скрип отцовского протеза. Он, поднявшись из-за стола, тоже уходит за занавеску.

Пока за занавеской идёт «курултай», за столом поднимается шум-гам, каждый норовит что-нибудь ухватить. Больше всего «достается» сметане; ложки так и мелькают между железной миской и красными губами – это уж стараются девчонки. Живой, подвижный, как ртуть, Авхат тоже норовит не упустить возможности воспользоваться отсутствием «авторитета» и «крыши». Его цель – ухватить из фиолетовой стеклянной сахарницы как можно больше наколотых щипчиками кусочков сахара. Сметана – кошачья еда – его не волнует. В нашей семье именно Афгат – страстный любитель сладкого: сахара, конфет и из-за этой своей пагубной страсти не раз оказывавшийся в исключительно трудных ситуациях.

Сколько раз он попадался на умыкании из маминых тайников всякой вкуснятины и подолгу сидел за это в погребке в кромешной тьме, но побороть в себе эту роковую тягу к сладостям так и не смог. Забегая вперёд, скажу, что, даже став не только взрослым, но и достигнув значительных успехов и заняв видное положение в медицинском мире, он остался верным своему детскому вкусу. До сих пор деликатесным винам, коньяку и прочим мужским радостям он предпочитает ириски и карамельки и может дискутировать об этом с любым гурманом.

А сейчас за столом, напрочь позабыв о вчера только «испробованных» на своей спине ивовых прутиках, он поспешно набивает карманы сахаром. А вчерашние события происходили примерно так. «Следствие» началось с маминого официального заявления.

– Набиулла, что-то сахару в кладовке становится всё меньше и меньше, не знаю, что и думать, – заявляет мама так, чтобы слышали все.

Мы-то знаем, на ком шапка горит, но не пойман – не вор. Должна же быть в мире справедливость. На губах у отца, принявшего эту информацию и положившего её в свою память, начинает играть знакомая нам опасная улыбка. Брови поднимаются, придавая лицу выражение крайнего недоумения. Молчит. Вопрос «кто стащил сахар?» – был бы совершенно неуместен. Дураков нема. Никто на себя не возьмёт.

Позже, украдкой от всех, отец поручает востроглазой и прямолинейной Сульме (ныне бывшей библиотечкарше) вести тайное наблюдение. Только она сможет застукать ловкого и хитрого Афгата. Другие девчонки, Сагдия и Лилия, на это серьёзное дело не годятся, у них терпения не хватит, да и Афгат отомстить может. Младшая Сария ещё совсем мала, с таким важным поручением ей не справиться.

Сульма по-пионерски добросовестно выполнила порученное ей дело. «А что, – размышляла она, – все хотят сладкого, почему это только Афгат должен лакомиться?» И вот однажды, как только она увидела, как Афгат прошмыгнул в кладовку со стороны огорода, отодвинув оторванную дощечку, тут же побежала с радостной вестью к отцу, как раз пришедшему домой на обед.

А возле родника Афгата дожидаются друзья-мальчишки, потому что нет ничего вкуснее сахара, смоченного в студёной ключевой воде. Но дело не сладилось. На сей раз сладёны остались без сахара. На выходе из тайника маленького воришку встретил отец с букетом вымоченных в воде ивовых прутьев. Для человека, получившего воспитание в татарской среде, ива ближе и понятнее, чем, допустим, пальма или кипарис. В то же время язык ивовых прутьев совершенно прост и понятен: чыж-пыж, чыж-пыж. Никакой толмач не нужен. Воспитательную работу отец выполняет с усердием, от души, спина Авхата покрывается кровавыми полосами. Из глаз Афгата катятся чистые, как кристалл, прозрачные шарики, но в таких случаях кричать, плакать вслух не принято. Хочешь красиво жить – не попадайся!

По правде сказать, отец, кажется, наказал его сразу за два проступка. Несколько дней назад Авхат помогал отцу в торговле и, не выдержав одурманивающего запаха духов, припрятал маленький флакончик в карман, не для себя, конечно, а для девчонки из младшего класса. От такого самопожертвования поэты пришли бы в восторг, написали бы оды, гимны, Хай Вахит

создал бы пьесу «Первая любовь». А отец, понимаете ли, отсталый человек, не хочет понять нежных чувств сына, его решимость страдать за любовь. Порядком разгорячившегося отца остановила мама.

– Ну хватит, Набиулла, он больше не будет.

Отец, будто только этого и ждал, тут же бросил прутья на землю. Мама сорвала в огороде листья лопуха, положила их на окровавленную спину сына, опустила рубашку, заправив её в штаны.

– Иди в дом, полежи на животе.

«Угощать» нас ивовыми прутьями для отца – вынужденная мера. Он пытается внушить нам, что греховно, а что хорошо, как он сам это понимает. Всем законам нравственности, передаваемым из поколения в поколение, от отца к сыну, он обучает нас, опираясь на народную педагогику. Значит, и этот приём в ней предусмотрен и одобрен. Основная цель породивших нас на свет людей – внушить нам главную заповедь: не воровать, без спросу ничего не брать. Не потому, что сахару жалко (хотя и с этим напряжёнка), просто мы должны уметь держать себя в руках, управлять своими инстинктами, не терять совесть, поддавшись минутной слабости. Вот это пытается отец внедрить в наше сознание (правда, иногда с помощью ивовых прутьев).

В общем-то не такое уж это жестокое наказание. В уличных драках и больше доставалось. Самая неприятная сторона наказания – моральная – зрители. Так что, естественно, Афгата, у которого ещё не зажили следы вчерашней экзекуции, мои проблемы мало интересовали. Но всё же, увидев, как на его глазах моя мечта об учёбе разбилась, как спелая тыква, брошенная на камни, он, придав своему лицу ученика пятого класса чрезвычайно деловое выражение, простодушно спросил:

– Что же ты теперь будешь делать?

Мне не хотелось обсуждать свои наболевшие проблемы со всякой мелюзгой. Душа разрывалась от обиды и отчаяния: «Столько подарков им привёз с Урала, всё лето гнул спину на строительстве дома, и вот тебе благодарность».

– Отец сам всё решит. Что суждено, то и будет, – отмахнулся я.

Однако интерес братишки не был праздным. Он хитрый. Ведь, если я останусь, ему легче. Вся мелкая работа: ухаживать за скотом, колоть дрова, готовить сено – всё это было бы на моих плечах. Наверно, он про себя одобрял решение отца, думая, если колесо истории вчера проехало по нему, то сегодня почему бы кого-то другого не подмять под себя.

Тем временем, когда на столе уже почти всё было подобрано, высокого уровня совещание за печкой завершилось. Хоть я и не ясновидящий, но чувствую, «разборка» касалась меня. Отец, широким движением отбросив занавеску, скрипнув пару раз деревянным протезом, вышел и уселся на доставшийся нам по наследству ещё от прадеда единственный обшарпанный стул со спинкой.

Не спешит. Любит вначале всё расставить по местам. Отхлёбывает остывший чай. Сам, как в воду опущенный, озабоченный, печальный:

– Ладно, малай, собирайся в дорогу, поезжай учиться, всех дел не переделаешь, и после смерти, говорят, на три дня дела остаются. Крыша у дома есть, дождь не мочит.

А мне уж и уезжать не хочется. Дома хорошо, спокойно, во рту вкус домашней сметаны.

– Времени мало осталось. Может, на следующий год поехать, программу хорошенько повторить?

– Осенью тебя всё равно в армию заберут. Ещё два года потеряешь. Быстро соберись и – в путь. Не заставляй повторять дважды. Деньги, какие есть, мать даст.

В нашем доме именно так разрешались все особо сложные проблемы. Мама старалась, чтобы её влияние на отца было незаметным, чтобы никто не догадывался об этом, чтобы не задеть отцовское самолюбие. Без лишних слов, не повышая голоса, она претворяла в жизнь своё мнение, свою политику.

За последние годы, перевалившая за восемьдесят, мама сильно постарела, потускнела, её серо-голубые глаза, когда-то освещавшие своими лучами весь дом и наши души, померкли. Хотя её любимый сын Авхат – известный врач, доктор медицинских наук, профессор, она ни за что не соглашается идти к протезисту, вставить выпавшие зубы. «Оставшихся зубов на мой век хватит, мясо я не ем, кусаться не собираюсь», – отшучивается она. Жизненные неурядицы мама преодолевала терпеливостью, сдержанностью.

Клеветы и оговоров не боялась, ни от кого не пряталась, жила открыто. Не было в ней ни зависти, ни жадности, ни ревности. За её безропотность и согласие с выпавшей на её долю судьбой природа-мать дала ей долгую жизнь и счастливую старость. Мама пережила отца на шесть лет. Так же спокойно, как и жила, ушла в иной, неведомый Мир.

Тётушки-гувернантки

Первый учитель... До боли родной и возвышенный образ. Именно этот святой человек открывает нам двери в большой мир, в красоту окружающей среды, учит нас читать, писать, считать, говорить правильным литературным языком. Сколько бы тёплых слов, поэтических строк, проникновенных песен ни было посвящено людям этой профессии, всё кажется мало, потому что для человека, получившего воспитание в медресе или обычной школе, первый учитель всегда является самым родным и близким человеком на земле после матери. Вот и Чингиз Айтматов получил всемирное признание именно благодаря своей повести «Первый учитель».

Однако сложившийся в литературе образ первого учителя весьма шаблонный. Как правило, независимо от национальности и места проживания, это исключительно справедливый, умный, образованный человек, всегда готовый помочь каждому своим ценным советом. Хотя реальное представление об этой личности, конечно же, невозможно втиснуть в готовую колодку. А если, например, твой первый учитель (или учительница) не спустился с небес, не прибыл из-за Альпийских гор, а вместе с тобой собирал картошку на колхозном поле, пас гусей, ел кашу из одной миски. Что тогда? Как его изобразить? Поднять на романтическую высоту? Идеализировать? Или ничего не приукрашивая, рассказать всё, как было на самом деле? Последнее мне показалось более достойным.

В первом классе несколько месяцев нас обучала одна бабушка – Илхамия-апа (видимо, в первый послевоенный год с учителями была напряжёнка, и её попросили помочь). В связи с пошатнувшимся здоровьем она покинула нас довольно быстро, но успела запомниться на всю жизнь благодаря своей длинной деревянной линейке. Это высоченная худоцавая женщина со смуглыми впалыми щеками, со жгуче-чёрными глазами под узким лбом, напоминающая собой обугленную берёзовую головёшку, была необыкновенно злая. Вся злость её заключалась в метровой линейке, которая, как ястреб, кружила над головами испуганных ребятишек, напрочь лишая их способности соображать. Правда, опускалась эта линейка редко, но метко, на самое больное место – на тоненькие пальчики рук.

Мы не могли нарадоваться, когда наконец-то избавились от неё. «Деревянную линейку» сменила самая младшая из сестёр моего отца – Раиса-апа. Она только что успешно окончила среднюю школу в деревне Колбай-Мораса, что в двенадцати километрах от Кичкальни, и для своего времени считалась достаточно образованным человеком. Для нашей округи Колбай-Мораса, наряду с деревнями Алпар, Узи, Камка, Базарные Матаки, издавна была центром просвещения и славилась своей школой, которая дала татарскому театральному искусству своего Станиславского – первого татарского профессионального режиссёра Габдуллу Кариева. Даже в тяжёлые военные годы Колбай-Мораса сумела сохранить среднюю школу. Эта была единственная в наших краях чисто татарская школа, дающая среднее образование.

Колбай-Мораса, разместившаяся в живописной, удобной для жизни местности (плодородная почва, чистая речка, множество ягодных полянок), недалеко от знаменитого древнего

Биляра, имеет очень давнюю историю. Есть основания полагать, что появилась она в период расцвета Булгаро-Билярского государства. Имена и названия, начинающиеся со слова «кол», характерны для тех времён. Вспомним хотя бы Кул Гали, создателя поэмы «Кысса-и Йусуф». А тут к слову «кол» (раб) добавилось ещё и «бай» (богач, владелец). Позднее для большей определённости прибавили и название речки, протекающей возле деревни. Получилось Колбай-Мораса, как например, Ростов-на-Дону. Видимо, эта деревня была владением билярского хана или его приближённого, местом летнего отдыха. Сведения о славе и богатстве Билярска сохранились в древних песнях-риваятах, а ещё под землёй, доступные только археологам. Другие племена топчут теперь священные земли Билярского ханства. Деревня Колбай-Мораса не только сохранила свои корни, основу древней культуры, она же воспитала и выпустила в жизнь мою первую учительницу.

Весть о том, что вместо старой учительницы у нас будет моя Раиса-апа, я воспринял с радостью: свой человек, родня, небось, не обидит, двойку не влепит. Видимо, такие понятия, как «блат», «кумовство», «панибратские отношения» человек впитывает в себя с молоком матери.

Раиса-апа слыла первой красавицей во всей округе. Даже далеко не изысканная пища военного лихолетья (картошка да каша) не испортила её стройную фигуру с осиной талией. Большие бездонные глаза, полные влажные губы, нежно-розовая кожа, пухлые пальчики, волнами ниспадавшие до плеч тёмно-каштановые волосы – всё в ней было прекрасно, всё совершенно. К тому же она умело подчёркивала свою красоту ладной и со вкусом подобранной одеждой (конечно, исходя из возможностей послевоенного времени). Для женщины умение одеваться иногда даже важнее природной красоты. Односельчанкам, измождённым и рано состарившимся от тяжёлого крестьянского труда, Раиса-апа, должно быть, казалась богиней любви и красоты.

К сожалению, мои надежды на беззаботную жизнь при новой учительнице не оправдались. Раиса-апа не имела ни педагогического опыта, ни опыта воспитания хотя бы собственного ребёнка. В первые дни она вообще не могла оторваться от учебника. Начнёт писать на доске, нервничает, мел падает из рук, а мы, укрощённые было предыдущей учительницей с помощью её линейки, сразу почувствовали, что вожжи ослабли, и тут же закусили удила: забыв, что мы на уроке, начали переговариваться вслух, ругаться и даже драться. Оказывается, нужно время, жизненный опыт, чтобы понять, что человечность, доброта – это не обязательно проявление слабости характера.

Я волнуюсь и болею за свою тётю, мне горько и обидно за неё. «Эх вы, дармоеды, – клянусь я про себя своих одноклассников, – какие вы глупые, тупые, не понимаете, что перед вами самая красивая девушка села и даже района, она же вам добра желает».

Каким-то внутренним чутьём я понимаю, что в этой критической ситуации я должен стать опорой и поддержкой для молодой учительницы, но как это сделать, не знаю. Вся моя поддержка состоит в том, что сижу, как пай-мальчик, затаив дыхание, тише воды, ниже травы. Только почему-то никто не считает возможным подражать мне.

Но оказалось, что Раиса-апа от природы одарена педагогическим талантом и чутьём. Она нашла-таки способ утихомирить разбушевавшихся учеников: сначала пометалась между партами с призывом: «Ребята, не шумите, успокойтесь!», и, не получив от такого призыва ожидаемого эффекта, она подошла ко мне и острым носком своей чёрной туфельки сильно пнула в подколенную косточку. От боли у меня зазвенело в ушах, и хотя я не смог удержать брызнувшие из глаз слёзы, вслух не заплакал, стерпел. И как ни странно, этот педагогический приём возымел действие. Все притихли, наконец-то осознав, что в классе есть учитель. Ещё бы! Ведь у каждого есть такая косточка и туфелька у учительницы не взята напрокат, а собственная, то есть всегда наготове. В тот момент я очень обиделся на тётю за то, что на глазах у всего класса она запинала меня, как «чужого ребёнка». Однако обида не успела проникнуть слишком глу-

боко в мою душу. Раиса-апа сразу же растопила её, подойдя ко мне после уроков и с виноватым видом погладив по головке, сказала: «Не обижайся, малыш, так уж получилось». Родителям я ничего не сказал, и это тётё тоже понравилось.

Моя первая учительница ещё долго не могла постичь основ педагогики и не раз прибегала к так называемым «нетрадиционным» методам воспитания. Я всегда старался найти оправдание её поступкам. «Ну подумаешь, – рассуждал я, – рёбра целы, зубы на месте, крови нет, – зато наша учительница – моя родная тётя, она наставляет всех нас на правильный путь и так красиво умеет излагать свои мысли».

В следующем году Раиса-апа поступила на заочное отделение педагогического института, и это её совершенно преобразило. Она страстно полюбила татарскую литературу, благодаря ей в нашем доме появились стихи Кандаляя, Такташа, проза Фатиха Амирхана, Шарифа Камала, Ибрагима Гази и другие замечательные книги. Врезались в память долгие зимние вечера. Раиса-апа при свете керосиновой лампы читает нам повесть «Хаят» Фатиха Амирхана. За окном бушует метель, воют волки, скулят собаки, но мы почти ничего не слышим. Нас полностью захватывает необыкновенная судьба татарской девушки. Думаю, что именно в такие вечера во мне зародился будущий литератор, писатель. А Раиса-апа, продолжая учиться в институте, совершенствовала своё педагогическое мастерство, выросла вместе со своими учениками, и наступило время, когда ей надо было решать свою судьбу, вить собственное гнёздышко.

С женихами проблем нет. Они вьются вокруг неё, как пчелиный рой вокруг цветка. Например, Сахиб-абый, учитель из соседней деревни Новое Альметьево, даже не считает нужным скрывать свой явный интерес к моей тётё. То и дело под разными предлогами он появляется в нашей деревне, заглядывает в школу, спрашивается о здоровье моего отца.

Но Раиса-апа отвергла его, посчитав, что у него интерес к алкоголю выше определённой нормы, хотя, возможно, причина лежала глубже. Позже я учился у Сахиба-абый. Он вёл у нас физику. Довольно сложный и трудный для меня предмет он умел объяснять как-то легко и доступно, связывая физические явления с повседневной жизнью. Ко мне не придирался, но и побряжек не давал. В общем, в этой щекотливой ситуации вёл себя как мужчина.

Ещё один претендент на руку и сердце моей тёти – Ильгиз – живёт в нашей деревне, через несколько домов от нас. Эта учительская семья поселилась здесь совсем недавно. У них есть ещё два сына с весьма экзотическими именами: Револь и Ревинер... Сельчане, особенно старшее поколение, прямо-таки языки сломали, пытаясь выговорить эти имена. Понятно, что только татарская интеллигенция могла наречь своих чад такими подчёркнуто идеологическими именами. Их старший сын Ильгиз весьма приятный молодой человек: широкоплечий, весёлый, добрый молодец, заочно учится в каком-то институте. Всё время крутится возле нашего отца: «Набиулла-абый, не надо ли чем помочь?» Стараются угодить ему во всём. Если бы меня спросили: «Кого бы ты хотел видеть мужем своей тёти?», я бы не задумываясь ответил: «Конечно, Ильгиза-абый!» Только никто меня не спросил. Но Раиса-апа Ильгизу сразу дала от ворот поворот. «Выйти замуж за этого телёнка и всю жизнь вместе с ним выхаживать телят? Ну уж нет!» – объявила она.

Первая красавица не спешит, она ждёт своего единственного, предназначенного ей судьбой. А пока завершает учёбу в институте и получает диплом о высшем образовании. По-моему, в Кичкальне она первая окончила высшее учебное заведение.

Годы идут. Большинство из претендентов на её руку уже нашли себе других невест и обзавелись семьями. Взаимоотношения между мужчиной и женщиной напоминают обоюдоострый нож, они строятся из любви и ненависти, и одно качество переходит в другое очень легко.

Суженый Раисы-апа оказался из военных. В 50-е годы люди в погонах были весьма модны. Впрочем, в России люди в мундирах или человек с ружьём всегда были в почёте, потому

что эта страна никогда не жила без войн. Как минимум через каждые десять лет она воевала, если не с внешним врагом, то с собственным народом, посмевающим потребовать равенства, свободы и независимости. Режим (будь то царь или коммунисты), опирающийся в основном на военную силу, хорошо оплачивал своих защитников. В молодом возрасте с солидной суммой отправлял их на пенсию. В любом городе, кроме Москвы, обеспечивал их жильём.

Огромные конкурсы в военные училища тоже объяснимы. В стране, где все границы на замке, только у военных была возможность жить и работать за рубежом. Уже одни только такие названия, как ГДР, Венгрия, Чехословакия, Болгария, всем казались воротами в рай. Выйти замуж за военного, особенно служащего за рубежом, было пределом мечтаний любой девушки. Слухи об изобилии продуктов, о модной и красивой одежде, о мутоновых шубах казанского производства, которые там можно купить за бесценок, будоражили воображение, запудривали мозги. Девушкам во сне являлся принц в офицерской форме.

Из своей эпохи не выпрыгнешь. Раиса-апа оказалась тоже дитём своего времени. Отвергнув местных женихов, она отдала предпочтение молодому офицеру, танкисту Хакиму Гирфанову, служившему в Германии.

Как-то, уже после свадьбы, застав её в комнате одну, я осмелился спросить:

– Ты его, ну, своего мужа, любишь?

Ответ не был однозначным:

– С кем-то надо строить жизнь. Он мне нравится. Не могу сказать, что я сгораю от любви, но никому его не отдам.

Спohватившись, что слишком разоткровенничалась, она тут же отмахнулась от меня:

– Не действуй мне на нервы своими дурацкими вопросами!

В ГДР её диплом не пригодился. Раиса-апа родила двоих дочерей и занималась ими. Хотя изредка она и приезжала в деревню в гости, но в конце концов от родных корней совсем оторвалась. Её сурового нрава мужу была суждена короткая жизнь. Дослужившись до звания подполковника, он навсегда покинул свою красавицу-жену. Правда, успел перевезти семью в Санкт-Петербург, где Раиса-апа в добром здравии вместе с дочерьми проживает до сих пор, работает в детском садике. Другие мои тётки, сёстры отца, хотя и не имеют высшего образования, но и они истинные филологи от природы, сочинители и остроумные рассказчики.

Несомненно, особо яркая звезда среди них – Зайнаб-апа, самая старшая сестра отца. (Они с Гульсум-апа близнецы, и у них обеих тоже есть дети-близнецы.) Про таких людей, как Зайнаб-апа, у которых «речь, словно реченька журчит», татары говорят: «с языка мёд капает». И это ещё слабо сказано относительно мастерства Зайнаб-апа. Сам шайтан, слушая её, разинул бы рот от восхищения и захлебнулся бы собственной слюной от зависти.

Однако Зайнаб-апа – не фантазёрка в привычном смысле этого слова. Она – артистка и выдумщица от Бога.

Обычно, устремив на собеседника невинный взгляд своих серо-зелёных глаз, Зайнаб-апа неторопливо, со вкусом выговаривая каждое слово, будто перебирая чётки, начинает плести свою историю. Сначала она кратко оценивает состояние большой политики, касается мировых проблем, затем непременно привлечёт внимание к своим любимым чадам, то и дело повторяя «мой Фуатик» и, наконец, опираясь на пословицу «Правда камень рушит, выдумка мозги сушит», с удовольствием переходит к новостям родного села. Уж на этой-то благодатной почве она даёт волю своей фантазии, пышным цветом расцветает её мастерство рассказчика. На смуглом лице сияют лучи вдохновения, и при этом ни тени улыбки или намёка на шутливость. Грань между плодом её воображения и реальностью тоньше волоса. Сохраняя плавный тон повествования собственного сочинения, она переходит из дома в дом, каждый раз дополняя свой рассказ новыми остротами и пикантными деталями. Таким образом, обойдя всё село, она уже и сама начинает верить в свою выдумку. Позже, где-нибудь в гостях, Зайнаб-апа отправляет своё «детище» по второму кругу, но уже со ссылкой на Гульсум-апа, Халиса-апа, и так

далее, дескать, она слышала это от них. Видимо, именно так возникали жемчужины народного творчества – пословицы, поговорки, сказки, анекдоты.

Зайнаб-апа – мать десятерых детей. Мы все её очень любили, восхищались ею и за глаза называли Сусловым, то есть идеологом нашего рода (Сулов – человек, в период коммунистического режима занимавший пост секретаря КПСС по идеологическим вопросам). Если бы в своё время ей сумели дать не высшее, а хотя бы среднее образование, из неё непременно получился бы отличный журналист, писатель, политик или общественный деятель.

А вот современные молодые люди не умеют ценить свою учёбу даже в таком храме науки, как Казанский университет. Случайно сохранился в памяти один разговор с профессором Казанского университета – Дилярой Гарифовной Тумашевой.

– Голова как котёл, – жалуется она. – В пяти группах принимала экзамен по тюркологии.

– Я вас понимаю, факультет сильно вырос. Пока есть возможность, хочется как можно больше подготовить специалистов по нашему языку и литературе. А то сегодня политика такая, а завтра – кто знает... – спешу я успокоить уважаемого профессора.

– Дело не только в количестве студентов, дело в их ответах. Очень тяжело слышать одни и те же закостенелые штампы. Прямо зло берёт.

– Да уж, языкознание – наука точная, почти как математика, поэтому повторы, наверно, неизбежны, – пытаюсь я смягчить её гнев.

А она всё своё:

– Просто убивают как две капли воды похожие друг на друга пустые фразы во всех ответах, – с искренней болью жалуется она.

– Ну уж, не совсем, наверно, так. Есть, наверно, и хорошие ответы. Хлеба без мякиша не бывает.

– Ну вот, сами посудите. Целый день с утра до вечера я вынуждена слушать, что все учёные, исследующие родной язык, родились в бедных крестьянских семьях. Родители пытались дать своему способному ребёнку хорошее образование, но до революции это было невозможно. В медресе обучение велось на очень низком уровне, устаревшими, реакционными методами. Но учёный не ограничился схоластическими знаниями, он занимался самообразованием, потому что очень любил родной язык. В 1917 году в деревню пришла свобода, открылась новая просторная школа. Со всех концов страны в неё съехались прогрессивно мыслящие преподаватели, которые подняли уровень учебного процесса на небывалую высоту. Так что для его становления были созданы все условия, поэтому вскоре он стал великим татарским учёным.

У Диляры Гарифовны учились многие учёные, журналисты, писатели, в том числе и я. Не перебивая, выслушиваю её взволнованный монолог и говорю:

– Так ведь в принципе они правы. В учебниках так написано.

– Но это же примитив! Кроме учебников, ничего не читают. Да они и про современных учёных, про Закиева, Саттарова, Хакова, Ганиева, то же самое рассказывают: до революции, после революции... Сегодняшние студенты вообще ничего не читают...

К сожалению, это истинная правда. У молодых не лежит душа к книгам. Ни классика, ни текущая литература их не интересует. То ли время такое, то ли легко доставшееся счастье не ценится.

Кстати, моя тётя Зайнаб-апа – не единственная в роду Галиуллиных со способностями к разговорному жанру. Моя родная сестра, луноликая, голубоглазая Сагдия, кроме того что она мастерица готовить всякие вкусные блюда, любит иногда публично выступить.

– Ты давай оттачивай свой язык, – обычно говорим мы ей, – ведь со временем ты должна заменить Зайнаб-апа как идеолога рода.

– Ну, мне до неё далеко, – скромничает Сагдия, а сама довольна. Такая оценка для неё – бальзам на душу.

Правда, времени у Сагдии маловато для того, чтобы практиковаться в публичных выступлениях, да и где взять такую добродушную, доверчивую публику, как в Кичкальне, которая с благодарностью ловит каждое слово, ждёт его, как из печки пирога. В Челнах, где Сагдия живёт и работает медсестрой, такую аудиторию, как у Зайнаб-апа, не сыскать.

Все сёстры отца, мои тёти – «гувернантки», – очень дороги мне, я их всех обожаю. Но всё же среди них наиболее близкая мне по духу Рагбар-апа. «Рагбар» – в переводе с арабского означает «ученик, студент». Но это не прозвище. Это имя собственное, которое вполне соответствует простому, искреннему характеру моей тёти.

Стройная, круглолицая Рагбар-апа смолоду отличалась особой аккуратностью, бережным отношением к своим вещам. Каждое её движение уместно, будто заранее обдуманно. Например, многие наши знаменитости частенько мучаются, не зная куда деть руки во время выступления. С Рагбар-апа никогда такого не случалось. Её руки всегда заняты каким-нибудь делом. Не растерялась бы она и на сцене.

В нашем, в основном филологическом, семействе она первая оказалась специалистом по физике и математике. После успешного окончания учительского института (такие существовали в послевоенные годы в Чистополе, Елабуге и Бугульме и способствовали снятию напряжённости с учительскими кадрами) Рагбар-апа была направлена в Аксубаевский район, в школу деревни Карасу. Оказалось, что именно там её поджидала судьба.

Накануне отъезда она долго прощалась со всеми, будто отправлялась в дальнейшее путешествие. Меня обняла и расплакалась. Видимо, чуяло её сердце, что распрощавшись с одним Талгатом, она попадёт в объятия другого Талгата. У женщин ведь сильно развиты интуиция, предчувствие. Парни деревни Карасу не позволили симпатичной образованной девушке долго гулять на свободе. Среди многочисленных «ухажёров» самым настойчивым и, я бы сказал, самым обаятельным оказался парень по имени Талгат.

Не успела молодая учительница, будто навеки распрощавшись со всеми, уехать, как уже через пару месяцев под нашими окнами, с рёвом подъехав, остановился мотоцикл. Все, кто был в доме, прилипли к окнам. Высокий, худощавый юноша привёз какого-то аксакала, старика с короткой белой бородкой. Я, ученик первого или второго класса, видел этих людей впервые и даже не удивился тому, что у бабая одна штанина задёрнута выше другой. Решил, что это сделано специально, чтобы мотоциклетная цепь не зацепила брючину. Но это был, оказывается, особый знак, бабай оказался сватом. Гости вошли в дом, поздоровались, помолились, справились о делах, и «аксакал» повернул разговор в нужное ему русло.

– В деревне Карасу, Набиулла, тебя знают, уважают. Сказали, он хороший человек, поди поговори с ним. Может, уважит твою просьбу. Не полотенце же просишь.

Отец любит открытость, разные намёки, полутона не принимает. И хотя о цели «десанта» из Карасу он догадывается, но делает вид, что не понимает.

– Ну, такого добра, как полотенца, салфетки, у нас хватает, если вы только за этим...

А «аксакал» всё своё талдычит:

– Девчонки ведь они, как птенцы. Родительский дом им нужен только пока летать учатся, а как научились, тю-тю... обратно уже не загонишь, своё гнездо выют. Хотя родительский дом для них и дорог, но не свой.

Наконец, поняв всю серьёзность намерения гостей, отец побледнел: каждый год свадьба – это уж слишком.

– Я вас понял, – говорит он, – вы приехали сватать Рагбар, но мы её только что выучили с таким трудом, думали, семье немного поможет. Мне-то от неё ничего не надо. Отец умер, сестрёнок надо на ноги поставить.

Но сват, пропустив мимо ушей отцовские доводы, знай дудит в свою дуду. У него своя цель.

– Набиулла, дорогой. У тебя ведь ещё сестрички есть и сынок вон подрастает, – кивает он в мою сторону и начинает хвалить свой «товар». Оказывается, Талгат Шарафутдинов – единственный сын у матери, отца убили в гражданскую. Талгат – знатный механизатор, хороший хозяин, заботливый, умный, добрый.

Я повнимательнее посмотрел на будущего зятя и понял тётю Рагбар. Мой тёзка Талгат-абый действительно был очень обаятельный, интеллигентного вида юноша: лёгкие движения, пышные волосы, добрые карие глаза светятся внутренней радостью. На губах играет хитроватая улыбка: ему-то что, пусть старшие спорят, сам-то он уже получил согласие девушки. Вот и сейчас греют душу её слова: «Если старший брат благословит, я согласна». Всё же он счёл нужным подстраховать исход переговоров:

– Набиулла-абый, сестрёнкам мы поможем, выучим, ведь мы с Рагбар...

Тут он замкнулся, смутился. Видимо, хотел сказать, что они с Рагбар полюбили друг друга и уже договорились, но человек от сохи не привык произносить пышные фразы. Наедине с Рагбар-апа он, наверно, соловьём заливается, а тут посторонние люди, дети ловят каждое слово.

Выручила его терпеливо молчавшая до сих пор бабушка, мать девушки. Уж она-то хорошо знала, что вовремя выдать дочь замуж – это большое дело и святая обязанность родителей. Девушки – товар скоропортящийся, каждый просроченный день снижает спрос на него.

– Набиулла, улым, – говорит бабушка тихим голосом, – я не хочу вмешиваться в разговор мужчин, но всё же хочу сказать: раз уж они нашли друг друга, полюбили, может, благословить их? Парень сам полусирота, не обидит, наверно, нашу девочку.

Рагбар-апа с моим тёзкой Талгатом-абый жили дружно, создали образцовую семью, где всегда царили совет да любовь. Талгат-абый – горячий, вспыльчивый. Рагбар-апа – спокойная, выдержанная, умеет управлять своим горячим мужем. Так дружно, в одной упряжке, они тянули лямку жизни. Вырастили пятерых детей: трёх сыновей, двух дочерей. И нам помогали, как могли.

Сейчас Рагбар-апа на заслуженном отдыхе. Всё свободное время посвящает внукам, религии, благотворительности. Каждому своё. Своя судьба, своя звезда.

* * *

Весьма короткая в масштабах истории человеческая жизнь делится на несколько периодов. Лет до десяти-двенадцати ты ещё можешь на правах любимого дитяти жить безмятежно, купаясь в любви родителей и родственников. До двадцати лет можешь ощущать себя зрелым юношей, свободной личностью. Потом начинаешь ощущать, что тебе необходимо быть ответственным за кого-то, пора создавать семью, растить детей. Это значит, что лихая молодость уже отгремела, прошла. Потом тридцать, сорок, пятьдесят, шестьдесят – эти десятилетия сменяют друг друга с быстротой инфляции рубля в нашей стране.

Только один Аллах знает, сколько ещё пройдёт времени, прежде чем перед твоими близкими встанет вопрос: что же делать с этим дряхлым старцем? Может, умнее было бы покинуть этот грешный мир ещё до возникновения этой проблемы? Но от тебя мало что зависит.

Память, воспоминания стареют раньше человека, но изложенные на бумаге, они не подвластны времени, возраст для них не имеет значения. Именно поэтому я решил доверить бумаге описание своей родословной и небольшой части своей биографии. Этот раздел своих воспоминаний я хочу завершить словами поэта Роберта Ахметжанова, которые по-русски звучат примерно так:

Босоногий,
Иду по свету,

И, слава Богу,
Путь не завершён.

Бараксин

Школьный выпускной вечер, который бывает раз в жизни. Отдав родителям наши аттестаты зрелости на хранение, мы собрались на праздник в спортивном зале нашей новой школы. В головах туман, в сердцах отчаянье, настроение взбалмошное. Это самый радостный и самый, как сейчас сказали бы, «прикольный» день, первое достижение нашей молодой жизни. Будущее рисуется в самых ярких радужных тонах. Нет и тени сомнения в том, что среди нас будущие генералы, партийные руководители, профессора, писатели и капитаны бороздящих океаны кораблей. Юность не знает в своих мечтах границ и запретов. Но моя радость была омрачена, будто капля дёгтя испортила бочку мёда. Неожиданная неприятность совершенно выбила меня из колеи. Когда мои длинные, как у не знающего усталости скакуна, ноги примчали меня к зданию школы, находящейся в соседней деревне Новое Альметьево, я заметил, что большой палец одной ноги, не считаясь ни с какими культурными и политическими обстоятельствами, нагло вылез наружу, проткнув носок моей голубоватой брезентовой туфли. Это хамство испортило всё настроение, весь вкус, всю ауру праздника и, естественно, этот свой же палец превратился в моего личного врага. Только я начинаю танцевать с девушкой, крутиться, вертеться, он раз – и выскакивает, прямо хоть отрезай его и выкидывай. Отойдя в сторонку, я кое-как втискаю его обратно в туфлю, но стоит мне шевельнуться, он опять тут как тут, как будто просится на воздух.

Парни провожают своих красоток, глядя на матовую луну в небе, клянутся в вечной любви и верности, а у меня – вся моя физическая и духовная сущность занята разборкой с собственным пальцем. Раз на душе неспокойно, то и праздник – не праздник. То, что я вернулся домой раньше других выпускников, было вполне закономерно. Девушки у меня не было. Учителя спешили домой, так что мой уход, по-моему, никто и не заметил.

Тихонечко я забрался на сеновал, обняв свежее сено, поплакал вволю, проклиная несправедливость жизни. Но надо думать о будущем, определяться. И вот в эти грустные для меня дни из города в нашу деревню на отдых приехал мамин младший брат, Хасиб-абый. Я смотрел на Хасиба-абый с восторгом и где-то в глубине души завидовал ему: одетый в добротный тёмно-синий костюм, серого цвета кожаные туфли на крепкой подошве, которую не смог бы проткнуть никакой наглый палец, он ходил, всё время припевая и приплясывая. Совершенно неожиданно Хасиб-абый предложил мне поехать вместе с ним на работу в город Краснотурьинск Свердловской области. Разговор с отцом происходил в моём присутствии. Хасиб-абый – человек деловой, его доводы убедительны, практичны:

– Одежду себе справит, с людьми пообщается, по-русски научится говорить, посмелее станет, а то уж очень он смирный у вас, будет жить у меня.

Дядины слова, как я понял, бальзамом легли на души моих родителей. Отец с лёгкой душой согласился, как говорится, решение подписал, мама поставила печать. Я глянул искоса на испортивший мне праздник большой палец ноги и понял, что стоит рискнуть.

Другая моя одежда не сильно отличалась от тех брезентовых туфель. Из штанов и рубашек я вырос. Братьев старше меня нет, чтобы донашивать за ними одежду большего размера.

Видимо, во мне взыграла кровь моих кочевых предков. Сердце наполнилось радостью от предстоящих перемен, от ожидания встречи с жизнью большого города. Зачем же упускать возможность посмотреть мир, если к тому же тебя приглашают от чистого сердца. Наверно, Аллах пожалел меня и послал Хасиба-абый с идеей поездки в город как награду за мои страдания на выпускном вечере. В этом мире ничто просто так не бывает. Я, конечно, никогда не

забуду доброту Хасиба-абый. Хотя и грустно покидать родительский дом, оставаться в нём уже не имеет смысла. Стремление к чему-то иному, ещё не изведанному, всё равно покоя не даст. От судьбы не уйдёшь. Видимо, мне на роду было написано десять месяцев своей жизни побыть рабочим, электролизником на алюминиевом заводе.

Таким образом, Краснотурьинск, уютно разместившийся в окружении Уральских гор, оказался первым увиденным мной городом с кирпичными домами. Высокие дома из белого кирпича, широкие улицы, гладкий асфальт – всё это вызывало различные переживания, пробуждало радость жизни. Главная улица города заканчивается красивым жёлтым зданием с колоннами. Это заводской Дворец культуры, в котором каждый день проходят какие-нибудь культурные мероприятия, кино, концерты.

Правда, в этом симпатичном городке никто, конечно, не ждал, чтобы некий молодой человек из далёкой татарской деревни осчастливил его своим посещением. У меня не было ни малейших навыков, которые могли бы хоть как-то заинтересовать заводских работодателей. Что я мог им предложить? Я умел по-татарски читать, писать, имел кое-какой опыт сочинения стихов, прозы малого жанра, типа статьи (так, для себя), мог прочесть наизусть стихи Тукая, косить траву, рубить дрова, чистить хлев. Но все эти мои «навыки» на гигантском заводе, обеспечивающем работой и средствами существования более тридцати тысяч человек, оказались невостребованными. К тому же, как на грех, в высокооплачиваемые «горячие цеха» несовершеннолетних не брали, а мне было всего семнадцать. (Надо же, неужели и мне когда-то не было даже восемнадцати!)

Моё заявление о приёме на работу подписали начальник отдела кадров, начальник цеха, представитель профсоюза, но в отделе по технике безопасности, посчитав на пальцах, сколько мне лет, допустить меня к горячей доменной печи отказались. Я совсем сник. И так уже второй месяц сижу на шее у дяди и тётки. Да и обратно в деревню возвращаться невостребованным – позор. Помогло умение Хасиба-абый находить выход из любой ситуации. Он разрешил проблему довольно просто.

Если вы думаете, что он кому-то кланялся в ноги, уговаривал, одаривал подарками, то очень даже ошибаетесь. Он просто достал бумагу с подписью начальника отдела техники безопасности и через копирку перевёл эту подпись на моё заявление. Таким образом, благодаря смекалке и решительности дяди Хасиба, я стал полноправным членом славного рабочего класса.

Мы с дядей оба очень порадовались моему столь удачному трудоустройству и долго обсуждали это, ворковали прямо как голубки на карнизе. Вначале довольно долгое время я ходил в учениках. А планы у меня были вполне определённые: поработаю годик, справлю себе приличную одежду, помогу по возможности родителям и поеду в Казань поступать в университет. На всю жизнь оставаться у подножия Уральских гор я не собирался. Кроме того, я преследовал ещё одну, более мелкую цель: купить себе с первой же полочки кожаные туфли на толстой подошве и, надев их, «отомстить» таким образом, большому пальцу ноги, опозорившему меня тогда на выпускном вечере.

Как бы там ни было, я приложил все усилия, терпение и настойчивость и устроился на работу, требующую большой физической нагрузки, но хорошо оплачиваемую. Если бы эпоха «диктатуры пролетариата» продлилась дольше, я мог бы с гордостью заявить: «А ты попробуй-ка, поработай возле печи, пышущий стоградусной жарой». Но теперь уже рабочие специальности не в почёте.

Город Краснотурьинск точно так же, как наши Набережные Челны, построен ради обслуживания завода-гиганта, с ним связано его культурное и материальное состояние. Сумеешь устроиться на работу возле доменной печи, значит, ты счастливчик, ты – при деньгах. Рабочий день сокращённый, всего шесть часов, холодная минеральная вода в автоматах не иссякает, выдают даже талоны на молоко. На пенсию выходят с пятидесяти лет, на десять лет раньше,

чем другие. На заводе сутки разделены ровно на четыре части. Четыре дня подряд работаешь в одну смену, например, с двенадцати ночи до шести утра, потом сутки отсыпаясь и приступаешь к следующей шестичасовой трудовой вахте.

Тихо, спокойно посидеть удаётся очень редко. Чаще всего пять часов из шести до изнеможения приходится проводить возле горячей домны, утопая в солёном поту. Коллектив под названием «звено», состоящий всего из двух человек, отвечает за шесть печей. Каждая печь размером примерно с деревенскую баньку: длиной шесть метров, шириной три метра, обложена толстым слоем рифлёного железа, в лоне её бушует, буйствует огонь, кипит алюминий. Со стихами о домнах Хасана Туфана, в ту пору запретными, я познакомился позже. Времена изменились, а процесс плавки, оказывается, всё тот же.

Чёрную ночь, как чёрную корову,
зарезал кто-то:
Пламенем из горла вырвалась кровь.
Это домны.
Вулкан бушует в них,
До звёзд кидая свой пожар.

Когда наступает время «кормить» печь, чтобы поддержать процесс плавки, то есть подсыпать в неё алюминиевого порошка, на крыше печи загорается лампочка и включается пронзительно воющая сирена. Значит, пора, дёргая с обеих сторон цепь, поднять железный «занавес» и обычным ломом или специальным буром, как рыбак делает во льду лунку, проткнуть бешено кипящую красную жижу. Жара возле печи невыносимая, к тому же приходится спешить, суетиться, солёный пот щиплет глаза. Мало тебе постоянно воющей под ухом и подстёгивающей тебя сирены, тут, откуда ни возьмись, появляется начальство, начинает торопить, «кормить» тебя умными советами. Наконец, как только в проделанную «лунку» из железного короба насыпается белоснежный алюминиевый порошок, домна, как ребёнок, добившийся, наконец, материнской груди, затихает и успокаивается.

Тут же по железным рельсам на потолке подъезжает кран и длинным, как хобот слона, шлангом высасывает готовую жижу в специальный бак. Лунку для неё делаем мы, электролизники. Небольшого роста, с редкими рыжеватыми волосами крановщик Кузьма – самый нужный человек в этом процессе. То и дело слышатся:

- Кузьма, подходи к десятой ванне!
- Кузьма, вира! Кузьма, майна!
- Кузьма, отходи!

В течение всей смены эти фразы звенят в ушах. Я стараюсь запомнить каждое русское слово. Жидкость, высосанную из домны, разливают по мелким железным коробкам, где они застывают и превращаются в белые алюминиевые кирпичики. В таком виде их отправляют куда-то для производства чего-то. Таким образом, мощь страны обеспечивается всего двумя людьми: мной, деревенским парнем по имени Талгат, который еле-еле удерживает в руках тяжёлый лом, и высоким здоровым мужчиной с волосами, похожими на ковыль. Его зовут Константин. Наше родное государство, конечно же, как всегда, обвело нас вокруг пальца: ни один рабочий высокого разряда с хорошей по социалистическим меркам зарплатой не мог себе позволить купить машину, построить коттедж или хотя бы справить пару лишних костюмчиков на смену. Денег хватало как раз от получки до аванса. Радовало одно: зарплату выдавали в точно назначенное время и даже час.

Возле горячей домны, высасывающей все внутренности и приводящей к преждевременной старости, детей из племени татар много. Они трудолюбивые, послушные, благодарные. Особых знаний от них не требуется, были бы крепкие мускулы, да здоровые лёгкие, способные

подольше противостоять ядовитой алюминиевой пыли. Самую многочисленную группу составляют выходцы из Биляра, Чистополя, Нурлата. На улицах Краснотурьинска гуляют юноши и девушки из татарских деревень Кичкальня, Новое Альметьево, Амзя, общаясь между собой на татарско-мишарском диалекте. Секрет образования «диаспоры» очень прост: этих молодых людей забросила сюда не волна революционно-классовой борьбы, а послевоенное безденежье, бедность, нищета. Как правило, вначале кто-то более ловкий и решительный, не согласный работать в колхозе за бесплатно, или, например, отбивший у кого-то девчонку, уезжает из деревни в какой-нибудь город, долгое время скитаясь по общежитиям, наконец добивается квартиры. Приехав в родную деревню уже городским жителем, он соловьём заливается, рассказывая окружающим о райской жизни в городе, о том, что деньги там гребут лопатой, что квартиры с тёплой водой и блестящим унитазом ждут не дождутся своих хозяев. У слушателей затуманиваются мозги, взъеривает кровь, они полностью окунаются в сладостные мечты о городской жизни. Рассказы «вербовщика» передаются другим слушателям, родным и знакомым.

В конце концов, у слушателей пробуждается доставшаяся от предков тяга к кочевому образу жизни, атаквизм. Женщины, когда речь заходит о возможности покинуть родные места и перебраться в другую местность, проявляют не характерную для них быстроту, они не только не соглашаются, а наоборот, начинают торопить своих мужей, отцов, братьев. Тем более, что бывший односельчанин, желая сколотить себе компанию, забрасывает колеблющихся письмами, которые передаются из дома в дом, перечитываются по многу раз и формируют общественное мнение. Те, у кого родители ещё крепкие и пока в опеке не нуждаются или возле них есть, кому остаться, те, кто сумеет договориться с председателем, те, кто обижен на сельскую власть, уже через несколько дней пускаются в путь.

В городе татары стараются держаться стайкой, жить поблизости друг от друга. Помню, меня очень удивило то, что некоторые выходцы из татарских сёл довольно легко, бегло разговаривали по-русски. Но все они возле домны очень скучали по своим родным, по деревенской природе. Однако возвращаться бессмысленно. Там, на природе, жизнь ещё тяжелее. А их дети здесь совсем обрусели. Из моих знакомых земляков только один человек – Ахтям Гатин, из Нового Альметьева, – довольно быстро сумел уйти от работы возле домны. Сначала он был сменным мастером. Его заметили, перевели на партийную работу в горком. Одновременно с исполнением обязанностей заведующего отделом промышленности, этот хитрый мишарин заочно закончил юридический факультет Казанского университета, и как только появилась возможность, мелькнул свет в конце туннеля, он перебрался в Казань на должность судьи. Правда, долгое время до получения квартиры он жил в гостинице, потом в общежитии, но Казань «не сдал». Долгие годы он работал председателем судебной коллегии бывшего тогда Ленинского района города Казани. Сумел остаться гуманным судьёй и скромным человеком.

«Что может быть лучше того, чтобы жить спокойно, беречь своё здоровье», – любил он говорить. Но в то же время Ахтям-ага своими советами и делами довольно основательно служил своему народу. Одним из первых он начал вести судебные дела на татарском языке. Встречи с ним доставляли огромное удовольствие, будто попадаешь в родные края с характерным мишарским говором. Ахтям-ага, по-моему, сознательно не «портил» свою речь, делая её слишком литературной. Так и продолжал общаться на чистопольском диалекте.

Следующим человеком, который неплохо устроился в Краснотурьинске, хотя и не занимал никакого кресла, был, конечно, вы правильно подумали, Хасибулла Шафигуллин, наш Хасиб-абый. За ним я чувствовал себя как за каменной стеной. В выходные дни он брал меня с собой в город, мы с ним гуляли по улицам, а потом он по-хозяйски, крупными шагами заходил в самый большой магазин города и, подойдя к женщинам, стоявшим у прилавка, обращался к ним громким солидным голосом, будто разговаривал с глухими стариками:

– У вас тёмно-синяя польто есть?

Одна из продавщиц, ожидающих чего-нибудь более интересного, равнодушно сквозь зубы выдавливает: «Нет».

Этот ответ, конечно, не удовлетворяет Хасиба-абый.

– А у вас тёмно-синяя качтум есть?

– А зачем вам именно тёмно-синий костюм? – начинает интересоваться одна из продавщиц.

– Япунский миллионеры такой одевают.

– Вы же не япошка.

– А пачуму нет? – говорит Хасиб-абый и двумя пальцами растягивает глаза, делая их раскосыми.

Тут, разрывая сонную тишину магазина, раздаётся дружный хохот.

– Девочки, найдите этому дядечке всё, что он просит, дайте всё, что ему нужно, – отдаёт распоряжение старшая продавщица.

Зажав под мышкой не выставленные в витрине, но нужные ему и мне вещи, Хасиб-абый ещё более решительным шагом выходит из магазина. В следующий раз он уже придёт в эту компанию, как старый знакомый, с радостной улыбкой на лице, будто посланный специально раздавать подарки этим продавщицам. Хасиб-абый вобрал и творчески развил в себе наиболее характерные для большинства татар качества: непритязательность, умение приспособиться к любым обстоятельствам, умение найти общий язык с окружающими, умение общаться с людьми из разных слоёв общества, умение почитать взрослых и заботиться о младших. Он виртуозно играл на гармонии, а если пускался в пляс, то и пол, и потолок сливались воедино. Устанет от пляски, запекает песню, и в этом занятии среди живущих в городе, но тоскующих по деревне людей, он был не из последних. Преклонение перед татарской музыкой, татарской песней очень сблизило его с упомянутым выше Ахтямом Гатиным. Они часами могли общаться на эту тему. Если бы в мире существовало всего два человека, умеющих доводить любое дело до идеального состояния, то одним из них, ей-богу, конечно же, был бы Хасиб-абый. И руки его, и голова способны на всё. Этот среднего роста, аккуратного телосложения человек умел быть полезным для любого, в любую дверь он мог постучать и войти. «Если бы он имел возможность в своё время получить образование, то кем бы он мог стать?» – думал я иногда. Хасиб-абый рано осиротел, отца раскулачили и выслали. Мать умерла, когда он служил в армии. Так что ему было не до образования. С другой стороны, для человека, умеющего писать-читать, немного разбираться в чертежах, оставаться простым рабочим возможно – это счастье, продлевающее жизнь. Ведь преуспевание не падает на людей, как манна небесная. За тёплое местечко, за красивую жизнь нужно постоянно бороться, быть всегда начеку.

В Красноурьинск Хасиб-абый попал тоже под воздействием «вербовщика». Вернувшись из армии, он женился на красивой девушке со жгуче-чёрными длинными косами по имени Мадина и вместе с ней уехал на Урал. Немногословная, покладистая Мадина ещё раньше Хасиба-абый уехала из родной деревни Кичкальни и жила в Казани. Человека, успевшего привкнуть к городской духоте, в деревне никак не удержишь, хоть привязывай. Хасиб-абый со своей женой Мудиной по характеру полные противоположности. Природа стремится к гармонии, всё выравнивает. Хасиб-абый общительный, подвижный, «петушистый», иногда даже буйный, любит остроумные шутки, анекдоты. Однако поводья его в надёжных руках спокойной, чернобровой, черноглазой обаятельной жены. Стоит ей сказать всего несколько слов, и Хасиб-абый тут же возвращается в свою колею. Характеры приспособляются, рождается любовь и взаимопонимание.

Живя в городе, человек совсем отдаляется от родных мест, и это неважно, татарин он, мари или еврей: городская женщина категорически не согласна иметь большую семью, иметь много детей. Привыкшая к комфорту, к жизни с удобствами, она не хочет себя обременять лишними заботами. Мужчины не против детей, но их слово – не всегда закон.

Хасиб-абый и Мадина-апа вырастили двоих детей: сына и дочь. Их сын трагически погиб в Челнах. Что делать, на всё воля Аллаха.

Хасиб-абый, конечно, не парился возле домны, он был высококвалифицированным слесарем шестого цеха. Бывало, с огромным гаечным ключом в руках он неспеша прохаживается по цеху, пьёт минеральную водичку, молоко. Если увидит, что я, разомлев от жары, уснул, сидя на корточках возле печи, подойдет и поглубже надвинет каску мне на глаза. В этом находит для себя забаву.

В свободное от ремонтных работ время он мастерит из белой алюминиевой стали белые ведра. Оставшиеся отходы незаметно перекидывает через кирпичный забор с колючей проволокой в растущий снаружи кустарник. После смены мы с ним вместе тщательно собираем в кустарнике эти «белые грибы» и везём домой. Так что татарское население города ведер в магазине не покупало. Ведра, сделанные Хасибом-абый, были намного лучше, красивее, вместительнее, звенящие, их хватало на всех.

Хасиба-абый с его кипящей энергией, неутомностью я бы мог сравнить только с травой, пробивающейся сквозь асфальт.

Нежданно-негаданно нашлось для него симпатичное прозвище – Бараксин. Это прозвище, сразу же прилипшее к нему, будто с самого рождения, имеет свою историю.

Дело было так. Я после окончания университета работаю в Институте языка, литературы и истории (ИЯЛИ в простонародье), усердно исполняя в нём обязанности младшего научного сотрудника, изучаю благотворное влияние на поэзию Сибгата Хакима традиций татарских народных песен. Мой младший брат Афгат учится в медицинском институте. В один прекрасный день у нас в общежитии совершенно неожиданно, будто с неба свалился, появился наш Хасиб-абый. Как правило, такой народ, как студенты, аспиранты, очень даже приветствуют, когда навещают их богатые родственники. Может быть, чувствуя это, Хасиб-абый повёл нас в ресторан и от души накормил, напоил. К тому же у него, оказывается, была проблема, в решении которой он надеялся на нашу помощь.

– Абый, ты там, в чужих краях, счастливо живёшь? – спрашивает его будущий медик. Я, уже повидавший его образ жизни, такой наивный вопрос задать не могу.

– Да, я своей жизнью вполне удовлетворён, – отвечает абый.

– Что-то не похоже, – привязывается Афгат, уже слегка принявший за здоровье дяди.

– Придётся тебе поверить, малай, я вот к вам в Казань с очень важным делом приехал, нужна ваша помощь.

Все наострили уши. А мы-то думали, что он соскучился и захотел повидать своих племяншей! Как бы не так! Прошли времена первобытной наивности.

– Знаете, парни, – скорбным тоном продолжил Хасиб-абый, – моя любимая хромка сломалась. Нужно срочно починить.

– Ну так пошли быстрее в мастерскую, пока не закрылась.

– Нет, мастерская не годится. Говорят, в Казани есть специальный мастер Бараксин, только он чинит хорошие гармони с серебряными струнами.

Мы, конечно, ни о каком Бараксине не слыхали и ведать не ведали.

– А адрес знаешь?

– Нет, но его всё равно надо найти.

Целый день на такси мы объездили все мастерские, все фабрики, нашли-таки этого мастера, который починил любимую гармонь. Лицо Хасиба-абый засияло счастливой улыбкой, будто он достал с неба лунную девушку Зухру. Мастер, которого мы искали, был, оказывается, старик по фамилии Вараксин. А нам-то что, мы тут же приклеили Хасибу-абый прозвище Бараксин.

Хасиб-абый уже давно оставил свои «левые» дела. Предчувствуя надвигающиеся в стране беспорядки, ещё в 80-х годах он обменял свою квартиру в Краснотурьинске на Набереж-

ные Челны. В настоящее время почтенный старец, прихожанин одной из почтенных мечетей, помощник хазрата, Хасиб-абый искренне, всей душой служит исламу, почти весь Коран знает наизусть.

Много воды утекло с тех пор, но проведённый на Урале год своей жизни, бывшую там татарскую диаспору вспоминаю с благодарностью, иногда скучаю. Когда мы встречаемся вместе: Хасиб-абый, Ахтям-абый и я, непременно вспоминаем наши молодые годы, Урал, и горячая волна, будто исходящая от доменной печи, согревает мою душу.

Кузнец-терминатор

Старик Ярулла был особой достопримечательностью, легендарной личностью нашей деревни. Для того чтобы его образ навсегда остался не только в памяти, но и в душе, не было необходимости видеть его дважды. Огромный, как мамонт, ширококостый, с торчащими прямоугольными плечами, с белоснежной, как у Святого Ильяса, бородкой клином он, казалось, был высечен из огромного камня, грубовато, топорно, но с любовью.

Говорят, в молодости он мог любую лошадиную поклажу без всякой натуги взвалить на свои плечи, но всё же поднятием тяжестей особо не увлекался. Зато в татарской борьбе «кураш» во всей округе равных ему не было. Деревня Алпар, имеющая весьма древнюю историю, которая берёт начало ещё с болгарских времён, славилась своими крепкими джигитами, непобедимыми батырами. Как только начинались в деревнях сабантуи, алпарские борцы, словно львы на охоту, расходились по окрестным деревням и возвращались к себе с призовыми барашками. В течение двух-трёх недель в алпарских дворах поголовье баранов увеличивалось вдвое. Это сейчас пошла мода одаривать каждого победителя машиной. Народ мыслил мудрее: данную природой дурную силу отмечать дурной скотиной – бараном, не лошадыю, не быком, а именно бараном. Глубокий смысл таится в этой традиции наших предков.

Однажды один из богатырей деревни Алпар явился на Сабантуй в лесную глушь, в деревню Кичкальню. Вышел на майдан, перекинул через голову пару кичкальнинцев и сразу почувствовал себя хозяином майдана. Народ волнуется, шумит... Как же так: какой-то чужак собирается стать победителем и увезти в свою деревню их кичкальнинского круторогого барана, который, будто чуя свою трагическую участь, нервно топчется вокруг столба.

– Нет, нет, этого нельзя допустить! Неужели никто с ним не справится?!

– Эх вы, только перед женщинами и умеете петушиться!

– Где это видано, чтобы алпарский мишарин наподавал нам у нас же дома! Даже перед бараном неудобно!

– Позор! Выходите же быстрее кто-нибудь! – бушует старшее поколение. Некоторые даже на землю от обиды и горечи тюбетейки побросали.

В это время молодой парень Ярулла, одетый в будничную холщовую рубаху, в лаптях собственного плетения, проходил мимо в свою кузницу. Участие в играх он считал пустым времяпрепровождением, но увидев, что гость разными уловками, хитростью и нечестными приёмами «всухую» обыгрывает его земляков, решил вмешаться и восстановить справедливость. Он вплотную приблизился к нему и прошептал на ухо: «Слушай, друг, ты уже набрал достаточно полотенец, значит, приезжал не зря, а теперь вали отсюда!» А тот кипит:

– Нет уж, я буду батыром, главным победителем!

– Ты же нечестно борешься!

– Нет, всё честно!

– Ну хорошо, бери полотенце, – говорит Ярулла, – если что, не обижайся, я предупредил.

И вот борцы обхватили пояса белоснежными полотенцами, прошедшими через руки местных красавиц, упёрлись ногами в землю, как два быка, готовые вступить в бой, и начали

мериться силой. Однако Ярулла уже успел заметить, что гость берёт внезапностью, неожиданностью. Он резко опускается на одно колено, пока соперник приходит в замешательство, теряя равновесие, алпарец кладёт его на лопатки или же внезапно ложится на спину и перекидывает соперника через себя. На сей раз искусный борец тоже опустился на одно колено и привычно потянул Яруллу на себя, но тот, как коренастый дуб, даже не шелохнулся. И в этот момент какая-то дикая сила оторвала гостя от земли, перевернула в воздухе и с грохотом обрушила на землю. Ярулла помог ему подняться, увёл к себе домой, напоил чаем, угостил хорошенько и проводил с почётом. С той поры, говорят, пока Яруллу не забрали в солдаты, ни один чужак не осмеливался претендовать на звание батыра кичкальнинского Сабантуя. Сам же он не особенно любил бороться. Побеждать интересно равных, а таких в Кичкальне тогда не было.

Ярулла-абый был младшим братом моей бабушки, то есть мне приходился дядей. Я застал его уже почтенным старцем, не опускавшимся до таких маленьких шалостей, как поднятие лошадиных повозок и борьба на Сабантуях. Это был всеми уважаемый деревенский хозяин. Даже в жаркие летние дни одетый в стёганые брюки и чёрную тюбетейку, он изо дня в день в одно и то же время шёл к ручью на окраине деревни, где располагалась его кузничная вотчина. По нему, когда он направлялся в кузницу, возвращался, шёл на обед или к вечернему намазу, можно было сверять часы. Своей точностью он, может быть, даже превосходил немецкого философа Канта, который изумлял обывателей тем, что каждый вечер точно в одно и то же время выходил на улицу погулять. Ярулла-бабай был исключительно пунктуальным человеком. Ни секунды он не мог обходиться без дела, в его огромном теле была удивительная лёгкость, подвижность.

Мы, мальчишки, то и дело бегали чинить различную утварь; самовары, вёдра или лопату, грабли. Тихонечко стоим в углу, чинно соблюдая очередь, шепчемся, громко разговаривать не дозволено. Он вроде бы и не смотрит в нашу сторону, однако хорошо помнит, кто за кем пришёл. Если кто-то понаглее без очереди протянет ему свои грабли, он, не говоря ни слова, возьмёт пилу у мальчишки, пришедшего раньше. Сначала он долго, сосредоточенно, как археолог ценную находку, рассмотрит, изучит инструмент, покрутит его туда-сюда, только потом начинает колдовать. Раздувая мехами постоянно горящую печь, он распяляет железяку до цвета заката в летний зной, затем, подхватив её огромными, похожими на крокодилюю пасть щипцами, кладёт на наковальню и кувалдой с детскую головку легко, как игрушечным молоточком, постукивает по ней до тех пор, пока та не примет надлежащую форму. Манера работы у него весьма своеобразная. Вначале своей широкой грудью, покрытой кожаными фартуком, он вдыхает весь воздух, врывающийся в кузницу с лугов и полей, затем в тот момент, когда молот опускается на наковальню, с шумом выдыхает, освобождая все части тела от отработанного кислорода. Воздух из его груди вырывается с гулом, будто изгоняемый изнутри мехами. Этим кузнец похож на работа и даже на терминатора.

Помощники у Яруллы-бабая менялись каждую неделю. Никто не выдерживал его требований. Он на них не сердился, не ругал, выносил свой приговор бесстрастным тоном: «Ты, это, завтра уж не приходи, пусть председатель другого пришлёт», «Ты, брат, завтра в поле выходи, скажешь, это не колхозная работа», «Сынок, ты подрасти чуток, годика через два придёшь». Ремонт колхозных сеялок, веялок, косилок – для него самое первоочередное, святое дело. Он официально состоит на колхозной работе, чем и зарабатывает себе на хлеб. Только после выполнения своих прямых обязанностей он помогает, так сказать, частным лицам, и то строго индивидуально: в первую очередь вдовам погибших на фронте, потом многодетным семьям и собственным родственникам (в деревне, как известно, так или иначе почти все состоят в родстве), а остальные идут в порядке живой очереди, отказа нет никому. Плата у всех одна и та же: «Спасибо тебе, Ярулла-бабай, пусть будут здоровы твои руки-ноги», «Большое спасибо, сосед, дай Бог тебе здоровья».

Кузнец воспринимает это с пониманием. Умение быть благодарным многого стоит. В эти мгновения его губы, не умеющие растягиваться ни для улыбки, ни для плача, слегка шевелятся. Это означает, что благодарность принята, и, не вдаваясь в какие-либо объяснения, он принимается за следующую работу. Увлечение алкоголем и куревом Ярулла-бабай считает нехорошим, несерьёзным делом. Выпивохы его побаиваются, поэтому кузница – это второе, после мечети, святое место в деревне.

Его работа казалась нам в то время чародейством. Действительно, приходит какая-нибудь вдова с граблями, у которых всего два зубца, и через полчаса, благодаря и кланяясь, уходит с новёхонькими граблями. Или какой-нибудь кум или сват приносит вроде бы ни на что уже не годную косу, а уходит с «новой» косой, от радости забыв даже поблагодарить. А уж сколько самоваров, вил, лопат, мотыг получили вторую жизнь под руками кузнеца – и не счесть!

Золотые руки Яруллы-бабая передались ему по наследству от отца и деда. К его способностям к кузнечному и плотницкому делу добавился ещё и горький жизненный опыт. В своё время ему довелось побывать в Европе, познакомиться с бывшей там, как теперь принято говорить, передовой технологией.

Как и мой родной дед Галиуллы, Ярулла-бабай был призван на войну 1914 года и тоже попал в плен.

В отличие от деда Галиуллы, Ярулла не имел совершенно никаких склонностей к языкам. Татарский он знал, по-русски изъяснялся – ну и достаточно. Анекдотичность ситуации состояла в том, что старик Ярулла совершенно не представлял, среди какого народа он провёл два года своей жизни. Когда его спрашивали:

– В какой же стране ты был в плену, Ярулла-абзый?

– А кто его знает, не всё ли равно. Там было не так уж плохо, – отвечал он обычно.

Те, кто пообразованнее, начинали перечислять европейские страны:

– В Германии, в Австрии, в Венгрии?

– А какие ещё там страны есть? – задавал он ответный вопрос.

– Ну их там много, Чехия, Болгария...

Кузнец на всё отрицательно качал головой.

– Может, во Франции?

– Может, там, может, Герман... – равнодушно соглашался кузнец.

– Ну-ка, расскажи, Ярулла-абзый, как всё было, – начинали мы упрашивать, и старик Ярулла, починив очередную железку, ополаскивал руки в большой кадке с водой, вытирал их полотенцем, и, опустившись на деревянный пенёк возле двери, начинал свою уже не раз слышанную нами повесть, в которой, однако, каждый раз появлялись новые детали.

– В плен мы сдались не сами. Нас янералы сдали. Обменяли на их пленных. Винтуфки, дакументы отобрали и целый день гнали пешком. На какой-то станции погрузили в вагоны. Рельсы там узкие, не шире размаха моих рук. Вагоны тоже маленькие. Ехали мы два дня, кормили вкусно: консервы, халва, печенье. На какой-то остановке в наш вагон зашёл человек в шляпе, с чёрными, как смоль, волосами, с рыжими усами. Осмотрел нас всех внимательно, будто из стада выбирал бычка пожирнее. Остановился возле меня. Я с испугу не знаю, встать ли мне или продолжать сидеть на месте. Мягкими белыми, как у женщины, руками он потрогал мой большой палец, потом ткнул меня в грудь, это означало, что меня выбрали. Кроме меня, он выбрал ещё одного русского парня, одного мордвина и повёз нас к себе в грузовой машине, мы – в кузове, он – в кабине.

– Что же ты не выпрыгнул? – спрашивал я его обычно, но мой вопрос повисал в воздухе, как не достойный внимания, и старик Ярулла продолжал:

– Оказалось, что нашего нового хозяина зовут Барон, и по имени и по отчеству. Мы помылись в ванной, получили чистое бельё, только мне ничего не подошло, всё мало. Был разгар лета. Утром нас покормили завтраком, и Барон на своей бричке повёз нас в поле косить

сено. Травы у них такие же, как у нас, только цветы немного другие, адикалуном пахнут. Но лягушек видимо-невидимо, жирные, крупные, как куропатки, они то и дело попадали под косу, а Барон шёл следом, подбирал их и складывал в чёрную кожаную сумку. Оказывается, в тех краях очень любят лягушатицу. Деликатус, говорят.

– Ты пробовал сам-то, Ярулла-абзый?

– Нет, на нас не тратили, только для дорогих гостей держали. Так-то вот. В первый же день их игрушечные косы некоторые поломались, некоторые затупились. Видно, давно не точили их. Барон стоит, не знает, что делать, только головой качает. Общение у нас с ним, как у глухонемых, руками. Я ему объясняю, молоток, мол, давай или что-нибудь тяжёлое. Оказалось, всё у него есть в бричке. За каких-нибудь час-два я всё починил. После этого Барон освободил меня от обязанности резать лягушек, перевёл в мастерскую, вроде нашей кузницы. Вот там, ребята, я провёл почти два года, подбрасывал уголь, раздувал огонь, многие ремёсла освоил. Ну там порядок, я вам скажу. Там я к порядку и приучился. На родину после рывалюции вернулся, Ленин-бабай вернул.

– Ярулла-бабай, какая же всё-таки эта была страна, Германия или Франция?

– А где водятся лягушки с куропаток величиной? Разузнайте-ка. Вот там, значит, я и был.

Чужая душа – потёмки. Мы, конечно, не могли предполагать, что в душе человека, живущего исключительно в реальном мире, с головой ушедшего в повседневные заботы, могла быть тоска по тому времени, по той стране, может быть, он даже бредил ею во сне.

Жена Яруллы-бабай, Мунира-апа, была полной противоположностью своему мужу: неторопливая, тихая, спокойная. Ярулла-бабай, бывало, как самовар, кипит, кричит на свою кроткую жену, а она будто не слышит, не обращая внимания на раздражённость мужа, продолжает не спеша замешивать блины. Ярулла-бабай, хотя и бушевал, как ураган, но на жену руку никогда не поднимал, и вообще был отходчив, быстро успокаивался. Видимо, понимал, что Муниру-апа уже не перевоспитаешь.

В доме Ярулла-бабай – хозяин. В деревне нет более чистого двора и аккуратного хозяйства: ни следов навоза, ни валяющихся деревяшек. Рабочие инструменты: топор, лопата, вилы – всё сложено с любовью, каждая вещь на своём месте. Если попросить у него какой-либо инструмент, отказа не будет, но будут поставлены два неперемных условия: во-первых, не рубить гвозди его остро наточенным топором и, во-вторых, вернуть инструмент в точно назначенный день или даже час. В противном случае последует очень строгое, почти сердитое напоминание. Если и это не подействует, то нарушитель уговора будет впредь навсегда лишён возможности обращаться к кузнецу за помощью. Не может быть и речи о том, чтобы в его двор забрели соседские куры, утки или ещё какая-нибудь тварь: его хозяйство окружено высоченным забором, будто вырастающим прямо из земли, доски плотно подогнаны одна к другой, нет ни малейшей щёлочки, так что проникнуть можно только сверху.

В общении старик Ярулла был прямолинеен: что думал, то и говорил прямо в глаза, не соблюдая никаких условностей, но зато за глаза – никогда. В нём не было и тени лицемерия или двуличия.

По иронии судьбы такому аккуратному, пунктуальному, собранному человеку, почти идеальному мужу, досталась жена с совершенно противоположными качествами.

Чрезвычайно добрая и отзывчивая Мунира-апа чувствовала, понимала, какие мучения доставляла она своему дорогому супругу, но, как ни старалась, никогда не могла ему угодить. Если она месила тесто, то вся с ног до головы была в муке, если пекла блины, то всё вокруг, в том числе и она сама, было забрызгано маслом, если готовила чай, то обязательно роняла на пол и разбивала чашку. Постоянные внушения и воспитательные беседы мужа результатов не давали. Всё равно она забывала вовремя вынести мусорное ведро, в супе непременно обнаруживалась хотя бы одна нечищенная картошка, у протопленной печи забывала закрыть вьюшку...

Теперь всплывают в памяти некоторые разговоры взрослых и сетования Яруллы-бабай на недостатки жены, на её хладнокровие, похожее на равнодушие. Тогда мы многого не понимали. Возможно, он страдал от одиночества и именно поэтому всю свою страсть вкладывал в кузнечное дело.

Однако, наблюдая современные семьи и порой весьма странные взаимоотношения, я всё же прихожу к выводу, что Ярулла-бабай и Мунира-апа, дополняя друг друга, жили в любви и согласии. Природа-мать сама знает, кого с кем соединить: крутого с кротким, плюс с минусом, на берегу хиленького ручейка раздувает пылающий костёр.

Более наивного, простодушного и добрейшей души существа, чем Мунира-апа, нет, наверное, на свете. Такие люди украшают порой весьма жестокое наше общество.

У Яруллы-бабай есть одна любимая тема для обсуждения, это – проблема хозяина. Для него на земле существуют две великие личности: заграничный Барон и свой председатель колхоза. Правда, любитель лягушатчины далеко, зато хозяин колхоза рядом, каждый день нужен. Он для него самый высокий критерий, конечная инстанция.

Правда, есть один человек, стоящий ещё выше, но он уж совсем далеко: это Сталин, один-единственный на всей планете. Старик Ярулла застал и пору хрущёвского самодурства, и даже несколько лет брежневского застоя, но никогда не читавший газет и не слушавший радио «терминатор», видимо, был не в курсе политических событий своего времени и, скорее всего, покинул этот мир, так и не узнав, кто такие Батыев, Табеев, Репеев, правившие его родным Татарстаном. Зато он хорошо знал и почитал собственную родню – этого вполне достаточно.

Бывало, когда в студенческие годы я и мой младший брат Афгат приезжали в деревню на каникулы, на другой же день, по заведённой традиции, наш сосед Ярулла-бабай приглашал нас к себе на блины. Во главе стола пытит медный самовар, около него на самодельном стуле сам Ярулла-бабай – образец чистоплотности, аккуратности и здоровья. Как и наш отец, он лично разливает чай – бережно, будто льёт волшебный эликсир. Почтение к чаю – это уж в крови, от дедов и прадедов. В центре стола – пышущие жаром аппетитные блины, но брать их можно только после того, как перед тобой поставят чашку с чаем. Самых дорогих гостей у нас принимают в самый ранний час. Наш гостеприимный хозяин в семь утра уже должен начать свою работу в кузнице. Как известно, голубая мечта любого студента во время каникул – вволю поспать. И хотя ради блинов мы вынуждены бывали прерывать свой самый сладкий сон, они того стоили. Мунира-апа еле успевала на двух сковородках жарить, намазывать и подносить их к столу. К тому же находиться в этом уютном, красивом, похожем на сказочный теремок доме было чрезвычайно приятно.

Когда, болтая о том о сём, мы опорожняем по три чашки чая, Ярулла-бабай, перестав есть, почёсывает затылок и бросает в нашу сторону многозначительный взгляд. Это означало, что он уже созрел для серьёзного разговора.

И вот из уст кузнеца звучит один и тот же дежурный вопрос:

– Ты, Талгат, кто сейчас? В смысле, кем работаешь?

– Я в Академии наук научный сотрудник.

– А ты, Афгат?

– Я учусь в медицинском, хочу врачом стать.

Старик погружает широкую ладонь в свою белоснежную бородку, глубоко задумывается. И после некоторого раздумья с искренней горечью говорит:

– Эх, братцы, я возлагал большие надежды на вас, думал, кто-то из вас станет большим человеком, председателем колхоза, например, нет, не получилось, не оправдали моих надежд.

Между тем кузнец Ярулла знает себе цену, чувствуется «европейское» воспитание. Сохранился в памяти один эпизод, характеризующий его взаимоотношения с местной властью.

Максум-абый Хамматов был прислан в нашу деревню, как говорится, со стороны на должность председателя колхоза. Впоследствии он так и осел вместе со своей семьёй в наших благодатных краях.

«Водитель» председателя, то бишь кучер, пришёл однажды в кузницу починить рессоры председательского тарантаса. После окончания работы Ярулла-абый говорит:

– Ты, братец, скажи-ка своему председателю, пусть вечером заглянет в кузницу, дело есть.

Молодой человек на это изумлённо поморгал ресницами. Но перечить кузнецу не посмел.

Теперь уж трудно судить, на ком именно лежит вина за происшедшее в дальнейшем. То ли кучер счёл слишком дерзкой просьбу и не передал её. То ли председатель посчитал несолидным для себя идти по вызову в кузницу, в общем, председатель не явился.

На другой день Ярулла на работу не вышел. Поломанную сеялку и грабли без зубцов несут по привычке в кузницу, а там, на двери, огромный, с голову породистого пса замок. Эта весть доходит до председателя, и он посылает своего помощника к Ярулле домой. Но Ярулла ему даже ворота не открывает. Тогда, сев на только что починённый тарантас, председатель приезжает сам. Кузнец, привыкший почитать чины, ведёт председателя в свой образцово-показательный дом. Усаживает в «красный угол».

– Что случилось, Ярулла-абый? Заболел, что ли? – спрашивает председатель.

– Ничего не случилось, иншалла.

– Что же ты на работу не вышел? Горячая пора, посевная, понимаешь, а ты саботаж устраиваешь.

– Если ты намерен вести разговор в таком тоне, можешь закрыть мои ворота с другой стороны. Мне уже шестьдесят два года. Вот ключи, ищи другого кузнеца!

– Ну ладно, ладно, Ярулла-абый, ты ведь сознательный колхозник, – начинает отступать председатель.

– Я-то сознательный, да желудок у меня несознательный, есть просит. Когда я работал у Барона, он меня три раза в день горячей пищей кормил. А тут я уже несколько дней сижу без мяса. Председатель должен знать: кузнечное дело – это не на тарантасе развезжать, любуясь хвостом кобылы.

Последние слова задели самолюбие спесивого председателя.

– Ладно, давай ключи, не пуп земли, незаменимых нет, – отрезал он.

Несколько человек пытались работать вместо старика Яруллы, но починенные ими инструменты ломались уже через час. Возле кузницы в ожидании умелых рук накопилась груда поломанной техники.

В конце концов председатель Максум-абый, зарезав бычка, сам лично принёс Ярулле лучшие куски мяса вместе с ключами от кузницы.

Бывало, тёплыми тихими вечерами, уставший от мальчишеских забав, я любил придти в кузницу посмотреть, как работает Ярулла-бабай. В печи пылает управляемый человеком огонь. А где огонь, там жизнь...

В последние годы старик Ярулла похудел, побледнел, осунулся, и недолго протянул, когда не осталось сил работать. Мунира-апа, привыкшая жить ради мужа, без него не нашла смысла в своём существовании и вскоре тоже покинула этот мир.

Теперь уже нет ни кузнеца, ни кузницы. Сельчане, быстро привыкшие к современной новейшей технике, не чинят, не латают старое. Поворчат на производителей и купят новое. Груда сломанных машин валяется на улице прямо под открытым небом. Так не может долго длиться. Думаю, время возрождения кузниц обязательно наступит... Кузница-то, может, и возродится. А вот такой, как старик Ярулла, добросовестный, честный, преданный своему делу, недюжинной силы кузнец-терминатор, способный в одиночку подковать лошадь, появится ли на селе снова?

Артель Агляма

Один из прекрасных ясных дней зимы. Небо светлое, чистое, как юная дева. Солнце, ещё не совсем пробудившееся для весеннего возрождения, сдержанно нежное. Полозья саней, на которых мы держим путь, весело поскрипывают, будто радуясь каждому соприкосновению со снегом. Во всём теле сладкая истома, приятная лень. В душе – покой и блаженство. Это означает, что я прилично расслабился за время каникул, и вот теперь на колхозной пегой лошади отец провожает меня, здорового детину, допоздшего-таки до выпускного курса Казанского университета, на поезд, до железнодорожной станции Нурлат. Наш путь проходит через бывший центр Тельмановского района с ласковым названием Мамык – Пуховое. Проезжая мимо добротных, недавно выстроенных домов, отец притормозил бег лошади и показал на один из домов:

– Видишь третий дом слева?

Как можно его не увидеть?! Этот дом самый просторный, красивый, нарядный.

– Тот, у которого белый верх и жёлтый низ, что ли?

– Да, он самый. Аглям Садыков с семьёй живёт в нём.

Я никогда не страдал завистливостью, но тут что-то, похожее именно на это, шевельнулось в моей душе.

– Небось, не сам построил, купил.

Отцу, кажется, не понравились прозвучавшие в моём голосе нотки.

– Не всё ли равно, – отрезал он. – Этот человек столько добра сделал для наших сельчан, он их одел, обул, помог поверить в себя. На обратном пути проведу их. Обязательно.

– Да, очень красивый дом, – поспешил я исправить свою оплошность.

Действительно, этот человек остался в памяти народа как великая личность. В истории деревни Кичкальни он сохранился как сошедшая с неба благодать, как тёплый поток, влившийся в холодное весеннее течение. Как, какие повороты судьбы забросили семью Садыковых в наши края, я уже не помню. В один прекрасный день они прибыли со всем своим имуществом и поселились в пустующем благоустроенном доме. Семь лет своей жизни они посвятили нашим сельчанам, обустройству их жизни.

Семь лет в масштабе большой истории – всего лишь миг, глазом не успеешь моргнуть.

Однако благие дела Агляма-абый до сих пор живут в памяти народа. Удивительно, что уже в то время он создал в Кичкальне коммерческую артель, занялся, как бы теперь сказали, частным предпринимательством. На краю деревни он купил землю, огородил её, построил несколько домов под склад и мастерские и вовлёл население в освоение нового ремесла: обработку леса и заготовку мочала. Трепать мочало – это не то, что языком трепать. Вначале нужно выбрать в лесу пригодные для работы толстокорые липы, добиться у чиновников разрешения на их порубку, потом срубить их, распилить, подходящие брёвна вымочить в болоте в течение нескольких дней, отделить наиболее ценное сырьё, собственно мочало, находящееся непосредственно под корой. Затем это мочало отправляется в «центр». Там его сушат, определяют качество. Стволы лип используются для изготовления вёдер, лопат, кадок и так далее, а ветки идут на растопку печей, ничего не пропадает.

Хотя вырубка леса, изготовление мочала – дело очень тяжёлое и сложное, но в данном случае оно оказалось весьма нужным не только для повышения уровня жизни, но и для укрепления морального духа сельчан. Целыми днями слонявшиеся без дела то возле пожарки, то возле магазина фронтовика, подросшее после войны молодое поколение – все занялись серьёзной, кропотливой работой и начали зарабатывать приличные деньги. В кичкальнинских мужиках, от природы склонных к обработке леса, к плотницкому делу, проснулись здоровые гены.

Истосковавшиеся по настоящей работе, они с азартом трудились от зари до зари, соревнуясь друг с другом.

Вскоре уже вся деревня прямо-таки молилась на эту артель. Когда мочало было заготовлено в достаточном количестве, нашлась работа и для женщин, и даже для школьников: плести верёвки, бечёвки, изготавливать холсты, рогожу...

Дело было поставлено так: кто-нибудь один из семьи приходил в артель и выписывал определённое количество мочала. Мочало, связанное в тугие пучки, взвешивалось, его количество записывалось в журнал напротив имени и фамилии получателя. Таким образом, одну работу даёт, а другой без всякого принуждения, исключительно по собственному желанию берётся её выполнить в соответствии с установленной нормой. Из ста килограммов сырья должно получиться двадцать-тридцать килограммов верёвки, холста или рогожи. Так что, каким бы хитрым ты ни был, взятое под расписку сырьё никак невозможно сэкономить для личных нужд. Аглям Садыков собрал вокруг себя единомышленников, «сплотил команду», как сказали бы теперь, которая и стала чем-то вроде администрации или ОТК, отдела технического контроля. Качество контролировалось особенно жёстко, ведь смысл работы – конечный результат. Товар, не отвечающий требованиям, не принимался или оплачивался по более низкой стоимости. Халтура не проходила.

Короче, Аглям Садыков впервые за более чем столетнюю историю деревни Кичкальни обеспечил её живыми деньгами, а не пустыми палочками – трудовнями, как колхоз. Деньги, конечно, такая вещь, что их никогда не бывает вдоволь. Все ли заработанные деньги артель выдавала сельчанам, теперь уже не проверишь. Но факт остаётся фактом: даже мальчишки сумели что-то заработать на плетении верёвок и холстов, начали покупать билеты в кино, а продавщица сельмага не успевала удовлетворить спрос покупателей на конфеты, пряники, тетради, карандаши и тому подобный товар.

Аглям Садыков сохранился в памяти как полноватый, выше среднего роста мужчина с немного выпирающим брюшком. Артельщикам этот его внешний вид был особенно симпатичен: именно так и должен выглядеть директор. Кто же будет считаться с каким-нибудь доходягой с впалыми щёками. Директор должен держаться с достоинством, иметь вес, в том числе и физический. Вон даже мотоцикл под ним, будто выказывая свою покорность, прижимается к земле и при подаче газа, как норовистая лошадь, сразу срывается с места и взлетает, задрав зад.

Хотя он и водил дружбу с сельским начальством, ходил к нему в гости, спиртное не очень жаловал. Человек, находящий утешение в алкоголе, едва ли смог бы создать самокупаемое предприятие. Он ни перед кем не заискивал, но и свою значимость не выпячивал, всегда держался немного на расстоянии, сохраняя невидимую черту, которую не всякий мог преступить: каждый сверчок должен знать свой шесток. Это уже потом, гораздо позже, мы увидели в иностранных фильмах деловые взаимоотношения бизнесменов.

Как истинный хозяин, дни и ночи, без выходных, без отпусков он добывал сырьё, реализовывал готовый товар, расширял строительство, в общем, крутился ради процветания своей артели, её роста, развития, ради того, чтобы деньги в карманах сельчан не иссякли. Однако человек, имеющий талант организатора, частный бизнесмен, занимающийся производством конкретной продукции, никогда ещё в нашей стране не был поднят на пьедестал. Нашлись люди, которых успехи артели совсем не радовали. Доносы, наговоры сделали своё дело. Агляма арестовали, быстренько осудили и отправили в тюрьму. Артель распалась. Кичкальнинцы после приличных денег остались у разбитого корыта. Никто так и не узнал, в чём состояла вина директора: то ли у него недостача какая обнаружилась, то ли взятый кредит не сумел вовремя вернуть, то ли создание артели посчитали незаконным. Кажется, он и сам этого не понял. Правда, в тюрьме Аглям-абзый пробыл недолго. Как говаривал наш сельчанин Акмулла-бабай, золото, оно и в тюрьме золото. В один прекрасный день Аглям Садыков приехал в деревню на мотоцикле с люлькой (деловой человек и там, видно, не растерялся, решили деревенские

мужики), пришёл на руины своей когда-то процветавшей артели и не выдержал: у него, крепкого мужчины средних лет, из глаз брызнули слёзы. С глубоким сожалением глянул он в последний раз на место, где прошла важная часть его сознательной жизни, забрал семью и уехал. Так завершилась кичкальнинская эпопея его жизни.

Не только сам Аглям-абзый, но и его семья оставила неизгладимый след в сердцах жителей нашей деревни. Его жена, очень обаятельная женщина, с открытым интеллигентным лицом, была медицинским работником. Она старалась всех обеспечить необходимыми лекарствами и, кроме того, лечила своим ласковым обхождением и тёплым словом. В первое время грубоватый лесной народ относился настороженно к её манере обращаться к больным со словами «милый, дорогой» – а нет ли тут какого-нибудь подвоха? Почему-то грубость человек воспринимает легче, как бы в порядке вещей, а тёплое, дружественное отношение вызывает подозрение. Суфия-ханум стала приучать кичкальнинцев к тому, что доброжелательность и есть норма. Только времени у неё оказалось маловато, не успела она обучить всех правилам человеческих взаимоотношений.

Сейчас Суфия-ханум живёт в Казани вместе с детьми и внуками, поддерживая отношения со своими сверстницами – с моими тётями, живущими в Санкт-Петербурге.

У Садыковых было две дочери. Старшей из них, Розе, было около тринадцати лет. Деревенские мальчишки, впервые увидев её, прямо-таки лишились дара речи. Она показалась им прекрасной феей, сошедшей с неба. Именно с ней была связана у многих из нас первая тайная влюблённость, чистая и нежная, как родниковая вода.

Немного было радости в нашем послевоенном детстве и отрочестве. Голод и холод не особенно располагали к лирическим любованиям природой. Раза три перекопав колхозное поле в поисках гнилого картофеля, собрав всё до единого колоска, с удовольствием затягиваешься самокруткой из старого мха. Иначе никак. Хочется поскорее повзрослеть. Роза, как внезапно выглянувшее в холодный пасмурный день солнце, пробудила к жизни кичкальнинских подростков. Слепая любовь, не предполагающая ни ответа, ни объяснений, охватила юные сердца. Обычно так искренне, так бескорыстно любят цветы, котят или осенних цыплят. Я и сам помню, как запылали мои щёки, когда я впервые увидел её возле школы, а уж о предательски громко застучавшем сердце и говорить не приходится.

Роза и без нашего идеализированного восприятия для своих лет была уже вполне зрелой обаятельной девушкой. Не следует забывать и о том, что директорская дочка имела возможность одеваться красиво и со вкусом. К тому же для природы и психологии деревенского жителя характерно преувеличенное внимание к достоинствам или недостаткам человека со стороны. Часто не замечая, не понимая, не чувствуя той необыкновенной красоты, которая рядом, мы ищем её на стороне. За примером далеко ходить не надо. Всего несколько лет назад российский народ гонялся за продуктами западного производства, игнорируя свои. Теперь, поняв, что импортные продукты – это сплошь химия, начали скучать по отечественным товарам. А их ещё надо выращивать, возрождать их производство. Может быть, именно это свойство человеческой природы лежало в основе нашей всеобщей влюблённости в Розу. Ведь часто не воспринимаешь как представителя противоположного пола девчонку, сидящую с тобой за одной партой, не замечаешь её обаяния, ругаешься с ней, даже дерёшься. Чаще всего парни выбирают себе жён из соседних деревень, недооценивая своих местных красавиц, гоняясь за журавлём в небе, выпускают синицу из рук. Потом осмотревшись, они замечают, что, оказывается, хорошие жёны были совсем рядом, но уже поздно, локоть не укусишь. Видимо, в природе смешанных браков лежит тот же принцип.

В нашем конкретном случае проблема разрешилась проще. Никому из нас не пришлось слишком долго страдать и сохнуть по Розе. Огонь любви, бурно разгоревшийся было в наших юных сердцах, быстро и деловито погасил сын председателя колхоза Виль, тоже приезжий и тоже из более обеспеченной, чем мы, семьи. Парень он был рослый, видный, да ещё и по-

русски шпарил намного лучше, чем мы все. С теоретической точки зрения, он имел полное право претендовать на дружбу с Розой: оба они дети самых богатых и почитаемых людей, так сказать, ровня, значит, должны быть вместе.

Когда вечером мы собрались возле клуба, Виль отозвал в сторонку своих возможных соперников и, не тратя времени на сколь-нибудь дипломатическое вступление, сразу резанул:

– Парни, запомните: Роза – моя. И не вздумайте возле неё крутиться. С ней самой всё обговорено: я её люблю, она – меня.

Его тон потомственного руководителя не допускал никаких возражений. Только Замир Сагитов, невысокого роста, но крепкий, как обрубленный дуб, видимо, особенно серьёзно влюблённый в Розу, решился перечить председательскому сынку.

– Она со мной соглашалась дружить. Давай тогда хоть жребий кинем.

Виль на это не согласился. Тогда кто-то внёс более интересное предложение.

– Давайте драться. Кто победит, тому и достанется Роза.

Никому и в голову не приходило спросить мнения самой Розы. Жребий разделили на три части: верхний край деревни, нижний край и Чебиловский край. Обычно драки происходят между отдельными группировками, внутри самой группировки никакие споры и разногласия не допускаются. Видимо, похожие на современные подростковые группировки были и в нашем детстве, но их вражда не доходила до кровавых разборок, как сейчас.

Председательский сынок считал ниже своего достоинства самому участвовать в поединке и нанял вместо себя одного из своих подхалимов, напутствуя его: «Ну-ка, покажи-ка ему нашу силу, дай ему коленом в живот». Замир вынужден был драться сам, ему вместо себя подставить некого. Поединок за прекрасную Розу длился долго, почти до рассвета. Кто оказался победителем, теперь уж не помню. К осени спор деревенских парней разрешился сам собою. После окончания седьмого класса Розу отправили учиться в медучилище в Альметьевск.

Потом я её уже не видел. Слышал только, что после училища она уехала работать в Узбекистан, в далёкий город Навои, там и замуж вышла.

Нуретдинов-джизни³

Нуретдинов-джизни – один из тех, кто запомнился мне своей неповторимостью. Этот человек с золотисто-смуглой кожей и желтовато-зелёными, шафрановыми глазами появился в нашей деревне как посланец райкома партии. Высокий, худощавого телосложения, он всегда был одет в ультрамодные для того времени военную гимнастёрку и галифе. Его манера говорить скороговоркой, глотая буквы, то и дело вставляя в свою речь слова «панимаешь, син ни панимаешь, значит, допустим, фторитет, партия велит», создавала впечатление особой, «начальнической» речи. Эти странные обороты, вставляемые точно в нужный момент и в нужном месте, нагоняли страх на сельчан, сковывали их волю.

Мы, мальчишки, уважали Нуретдинова за то, что он не боялся даже самого председателя колхоза, частенько покрикивал на него, а однажды, стукнув по столу кулаком, даже гаркнул во весь голос: «Саботаж!» Значит, где-то есть высшая справедливость, значит, на этом свете есть сила, способная припугнуть самого хозяина колхоза.

Максум Хаматвалеев, бывший председателем в пору, когда товарищ Нуретдинов был у нас уполномоченным, и сменивший его Гарай Гилемшин были мужиками весьма крутого нрава, с крепкой хваткой, так что невозможно было даже представить, чтобы они кому-то подчинялись.

³ Джизни – муж сестры или тёти.

К тому же товарищ Нуретдинов был для нас образцом истинного коммуниста, этакой возвышенной личностью, для которой чужды различные бытовые мелочи. Это был человек долга, верный своему государству и партии. Он пресекал любые попытки разбазаривания народного добра. В наши дни, когда воровство стало нормой, ощущается тоска по такой почти абсурдной честности.

Позже, когда я поближе познакомился с литературой, я стал отождествлять его с героями гражданской войны, с комиссарами в кожаных куртках, готовыми принести себя в жертву ради победы в классовой борьбе, жившими мечтой об этой победе.

Товарищ Нуретдинов удивил меня тем, что слишком много внимания уделял нашей семье, отцу, который после смерти деда Галиуллы остался хозяином в доме. Риска уронить свой «фторитет» в глазах общественности, он каждый вечер заезжал на своей казённой машине за моим отцом к нему на работу, в магазин, подвозил его до дома, всю дорогу оживлённо рассказывая о чём-то. Потом поспешно входил в дом, будто только и ждал приглашения. В общем, крутился возле отца, как верный пёс.

Однако ларчик просто открывался. Оказалось, что посланник партии положил глаз на мою тётю – Разию-апа, молодую, красивую, только что окончившую среднюю школу. Помню, как отец пытался противиться её излишне поспешному замужеству. Да и мне самому не хотелось отдавать свою тётю какому-то чужому человеку. Уже тогда я понимал, что женатый или замужняя – для семьи отрезанный ломоть. Помню, отец сидит на кровати. Товарищ Нуретдинов, устремив на него невозмутимый взгляд своих шафрановых глаз, приступает прямо к делу:

– Набиулла-абый, я к вам с большой просьбой пришёл. Не откажи, пожалуйста.

– Давай, давай, Сабир, ты ведь у нас свой человек.

– Я, Набиулла-абый, пришёл просить у вас руки Разии. Сватов посылать не стал. Нам, коммунистам, это не положено.

Отец, видимо, уже замечал, что между молодыми назревают какие-то отношения, поэтому просьба Нуретдинова для него не оказалась неожиданной.

– Сестрёнка моя, Разия, умная, красивая, деловитая девушка, но она ещё очень молода, успеет ещё. Да и у матери надо же спросить. Она хоть и больна, прикована к постели, но жива. Посмотрим, что она скажет.

В ясном шафрановом взгляде Нуретдинова нет ни тени сомнения или растерянности.

– Да, Разия – хорошая, красивая девушка. Согласен. Так пусть же она войдёт царицей в мой дом, а не прозябает здесь, в глуши, – уверенно аргументирует посланник партии.

Отец, желая хотя бы разделить с кем-нибудь ответственность, уходит за занавеску посоветоваться с бабушкой и возвращается с её ответом: «Если Разия согласна, я не возражаю». Наш будущий зять, джизни, прошедший хорошую райкомовскую школу, твёрдо стоящий на ногах, оказался не из тех, кто отступает.

– Девушка, Набиулла-абый, как свежий огурец, продукт скоропортящийся, – продолжает он убеждать многозначительным тоном, – его надо вовремя к столу подать, а иначе только для консервирования годится.

– Так знаешь, Сабир, ей ведь дальше учиться надо, – начинает сдаваться отец, – она ещё только что школу закончила. Семья у нас большая, нам бы вот помогла.

В доказательство своих слов отец кивает в сторону детей, сидящих тут же на всех стульях, на саке и на полу. Однако посланец райкома не сдаётся:

– Вот и я говорю, Набиулла-абый, одним ртом меньше будет.

Отец делает попытку привести ещё какой-нибудь довод, но райкомовский работник резко прерывает его:

– Ну всё, Набиулла-абый, по рукам.

– Так ведь мы ещё у самой Разии не спросили. Она ведь не ягнёнок, чтобы навесить на неё ошейник и отправить.

Но будущий джизни отступать не собирается. Он не боится единоличной ответственности. Ведёт переговоры от имени двоих:

– Но разве я бы пришёл к вам, не договорившись с ней. Она согласна, только, говорит, старшего эзи боюсь.

Оказавшись свидетелем этих переговоров, так сказать, на высшем уровне, я сделал для себя два вывода. Во-первых, оказывается, этого длинного человека с жёлтым кожаным портфелем зовут Сабир. Такое красивое имя, непонятно, почему же он его прячет. Всегда представляется: «Уполномоченный Нуретдинов». Во время выступлений на собраниях тоже говорит примерно так: «Я, как уполномоченный райкома Нуретдинов, панимаете ли, недоволен ходом весенних посевных работ, доложу об этом на бюро» и так далее. Наверно, мало кому было известно его настоящее имя, все так и называли его: «Нуретдинов-энем», «Нуретдинов-абый», «Нуретдинов-ипташ, товарищ». Всем удобно. И официально, и просто. Отец каким-то образом узнал его имя. По-свойски, ласково обратился: «Сабир». Во-вторых, даже мой отец, перенёсший ленинградскую блокаду, прошедший огни и воды, ни перед чем не отступавший, никого не боявшийся, не мог противоречить Нуретдинову-абый. Не слишком же он долго колебался, волновался. Взял и отдал свою сестрёнку почти что случайному, чужому человеку. А этот коммунист Нуретдинов решил проблему быстро, без проволочек. Уже через несколько дней он сидел в красном углу нашего дома, ел блины для жениха и мылся в бане вместе с Разиёй-апа. А нам он стал зятем – Нуретдинов-джизни.

Позже я понял свою тётю. Многие её парни-ровесники погибли на войне. В чужой семье всю жизнь не проживёшь, у старшего брата, моего отца, свои дети подрастают, а ей, проявлявшей способности к творческой работе, хочется стать журналистом, жить уж если не в городе, так хотя бы в районном центре, работать в газете, а газета, как известно, орган райкома партии. Видимо, в будущем муже она видела опору для своего роста, да и шаловливые огоньки в её глазах говорили о том, что она не равнодушна к посланнику райкома партии.

Думаю, нетрудно было уговорить многочисленную родню Разиё-апа и её больную мать. Каждый из них считал, что человек, занимающий ответственный пост, если даже ничем не поможет семье, то хотя бы не навредит. Кто знает, может, ещё и хорошим человеком окажется.

Джизни звёзд с неба не хватал. Долгие годы работал инструктором райкома партии и только из-за своей старательности, из-за того, что был истинным «службистом», дошёл до ранга заведующего отделом пропаганды.

Хотя он сам по себе был добродушным, сговорчивым человеком, помогал по мере возможности своим новым родным, национальные проблемы, судьба татарского народа, будущее татар его особо не волновали. Он жил лишь мечтой о коммунизме, который приближался к нам с каждым днём, неся счастливую благополучную жизнь. Нуретдинов-джизни своим воспитанием и поведением отличался от членов нашей семьи и вообще от кичкальничков. Родных у него вроде бы не было. Воспитывался он в интернате, а там быстрее истребляют в душах национальное самосознание. Его полувоенная форма одежды, кожаный портфель, всегда битком набитый бумагами, говорили о его принадлежности к совсем иной, особой касте, называемой партией. Поэтому он и детей своих не мог наречь старотатарскими именами типа Нигматулла, Хуснутдин или Шамсегаян, да и жена его стала называться Розой вместо слишком деревенского имени Разия. Джизни был как бы высеченным в полном смысле этого слова из коммунистической стали, сыном своего времени, интернационалистом.

Когда Тельмановский район с центром в деревне Мамык был ликвидирован во времена хрущёвского самодурства, Нуретдинова-джизни и Разиё-апа, уже успевшую проявить себя смелым журналистом с острым пером, перевели в Нурлат, где и прожили они всю жизнь как всеми уважаемая авторитетная семья.

В период коммунистического режима существовало мнение, что человек, прошедший райкомовскую школу, достоин украсить любого уровня служебное кресло. Это не было отече-

ской заботой о кадрах. Просто политика состояла в том, чтобы назначением на высокие посты именно «партийцев» укреплять авторитет партии и не выпускать из рук наиболее выгодные места. Человек из партаппарата, где бы и в какой бы должности ни работал, всегда смотрит в рот своей парторганизации, стараясь как можно точнее исполнить любое её решение. Всегда первым приходит на партсобрание и старается сесть в первом ряду: пусть все видят, как он предан партии.

Нуретдинову-джизни досталось довольно тёплое местечко. Он был назначен директором маслозавода. Мы, все его ближние и дальние родственники, восприняли эту весть с восторгом. Теоретически это означало, что отныне для Разии-апа, её детей и, конечно же, родственников, не существует вопроса, чем смазывать снятые с шипящей сковородки блины. Конечно же, смело будем макать гусиное перо в масло, выпускаемое заводом, директор которого наш джизни. Иной мысли не могло бы и возникнуть ни в чьей голове при взгляде на красивую, ухоженную жену директора, Разию-апа: её нежно-розовая кожа, будто щедро смазанная свежими густыми сливками, чистое сияющее лицо с круглыми пышными щёчками, влажные губы цвета спелой вишни – всё это были свидетельства сытой, благополучной жизни.

Однако истинную правду знала только она сама, потому что масло, творог, мясо она покупала на рынке, как и все. Продавщицы её узнавали.

– Так это же Нуретдинова, жена директора маслозавода.

– Она что, масло, что ли, у тебя купила?

– Ну да.

– Притворяется, пыль в глаза пускает.

– Ой, у неё муж такой, говорят, принципиальный, домой с завода ничего не приносит.

Жена всё на базаре покупает. Вот так вот, за свои деньги.

Дожив до пенсионного возраста, Нуретдинов-джизни, оставив завод, перешёл на освобождённую профсоюзную работу. Позднее выяснилось, что на складе маслозавода после него остались четыре фляги якобы списанного высокосортного, весьма полезного для желудка спирта. Нет, он не забыл о них, при передаче хозяйства он сказал, что он это сэкономил, не трогал.

Мы, мужская часть его родни, узнав об этих флягах, были чрезвычайно возмущены, оскорблены, обижены. Правда, добро это, конечно, не пропало. Говорят, другой ответственный коммунист Замир Бильданов, сменивший нашего джизни, проблему опустошения этих фляг решил довольно легко, по-мужски. Будучи человеком смекалистым и обстоятельным, как любой сельский житель, он использовал драгоценную жидкость весьма рационально: исключительно для встреч с нужными и полезными людьми, и, как истинный несгибаемый коммунист, ни разу не поддавался слабости, то есть разным сантиментам типа дружеских или приятельских чувств.

А мы впоследствии поняли, что зря обижались на джизни, просто он старался уберечь своих дорогих родственников от лишней порции алкоголя, заботился о нашем здоровье. Возможно, благодаря этой заботе, в том числе и я, дожили вот, слава Аллаху, до старости...

Среди коммунистов старшего поколения не принято было проявлять особую заботу о своей семье, о бытовых проблемах. Всё должно было быть, как у всех.

Семья Нуретдинова-джизни жила в живописном уголке Нурлата, в доме, окружённом прекрасным садом. Этот огромный сад расцветал каждую весну благодаря труду всего одного человека – Разии-апа. Деревенский дом недолговечен, крыша начинает течь, лестничные ступеньки гниют, провисают... За всё время своего директорства Нуретдинов-джизни ни разу свой дом как следует не ремонтировал: что люди скажут!

Однако партийцы, хотя и жили высокими идеалами, призывали с высоких трибун быть выше мелких семейно-бытовых проблем, заботу о собственном здоровье не считали менее важной, чем государственные дела.

Нуретдинов-джизни не был исключением из общих правил. Женившись на молодой, на пятнадцать лет моложе себя, красивой и трудолюбивой Разие-апа, все заботы по дому, по хозяйству, по воспитанию троих детей, он полностью возложил на плечи своей любимой жены. Сам – на государственной службе: рано утром уходит, вечером приходит. Каждый год хотя бы раз ездит в санаторий, поправляет здоровье. При желании и для жены можно было бы достать путёвку, но кто-то должен заботиться о детях, об их учёбе. В общем-то джизни был человеком скромным, жил без помпы, ел мало, пил, даже за чужой счёт, в меру. И в старости он оставался стройным и изящным. Заботу о своём здоровье он считал делом государственной важности, искренне надеясь, что в светлом будущем, идеей которого он жил, его здоровье будет востребовано.

Нуретдинов-джизни жил для себя, как хотел и как считал нужным. Не дожив до наших дней, когда казнокрадство и произвол стали нормой, он тихо покинул этот мир.

Почему-то душа тоскует по таким людям. Вот бы нам сейчас хоть с десятков таких, искренне верных своим идеалам, не особенно стремящихся к богатству, довольствующихся в одежде брюками-галифе, – не для того, чтобы изменить мир, а просто, чтобы был прецедент хотя бы!

Бизнес по-татарски

Под утро Габдельгазизу приснился удивительный сон, который совершенно перевернул всю его серую бессмысленную жизнь. Сухощавый старик с белоснежной бородой, в длинной белой рубашке, обдав Габдельгазиза своим горячим дыханием, запинаясь и путаясь, прошептал ему на ухо:

– Сынок, дорогой, я хочу открыть тебе тайну, которую храню в душе уже несколько сотен лет. Эту священную тайну впервые я открыл нашему батыру Аттиле, во-второй раз – Александру Македонскому. Как они поднялись! Весь мир потрясли! А вот их дети и внуки не смогли продолжить их дело, потому что тайну не сумели сохранить. Без моей тайны татарский народ не сумеет выжить...

У Габдельгазиза запершило в горле, сердце затрепетало, как птица в клетке, дыхание перехватило. Собрав последние капли мужества, он выдавил из себя:

– Бабай, кто же ты будешь?

– Я пресвятой Ильяс, в предрассветный час я прихожу к своим заблудшим детям, чтобы указать им путь. Как же ты меня не узнал? Обижаешь.

Не придавая значения обиде старика, Габдельгазиз дрожащим голосом осмелился спросить:

– В чём же твой секрет, дедуля?

– В земляной груше, не знаю, как его там, по-новому, по-научному. Ты должен её вырастить и накормить свой народ. Это твоя святая обязанность. Рассветает. Скоро петухи пропоют. Мне пора. Коснись моей бороды, это придаст тебе силы.

Габдельгазиз, пытаясь унять дрожь в пальцах, потянулся к бороде старика, но тут совсем другой голос прервал его прекрасный сон:

– Да отстань ты, пьянчужка несчастный!

Это жена сбросила со своего плеча его руку. Но привычная грубость жены никак не омрачила его радостного настроения. Всё его тело и душа были наполнены новой идеей, вдохновением. Он знал, каким образом ему удастся вернуть своему народу место в ряду великих наций мира. Ключ к этому в его надёжных руках.

Всё ещё находясь под влиянием своего удивительного сна, Габдельгазиз, весело насвистывая, умылся, выпил несколько чашек чая и уселся за книги по сельскому хозяйству, перелистал энциклопедию. Вполне удовлетворённый полученной информацией, он подошёл к зер-

калу и начал одеваться с особой тщательностью, будто собираясь на ответственную встречу или на свидание с любимой женщиной.

Его жене, содержащей на свою маленькую зарплату троих детей и уже давно нигде не работающего мужа, не понравилось, что Габдельгазиз слишком долго вертится перед зеркалом.

– Последний костюм, что ли, идёшь пропивать, – раздражённо проворчала она.

Эта несерьёзная реплика не бросила тень на его сияющее от счастья лицо. Он измерил несчастную женщину презрительным взглядом:

– Не зря про вас говорили в старину: волос длинный, ум короткий. А теперь уже и волос короткий, отгаскать не за что. Разве ты не заметила во мне коренных изменений, что я фактически заново родился?

Но женщина, даже не взглянув мужу в лицо, схватила его за рукав коричневого в полосочку костюма:

– Издеваешься?! Это твоя благодарность за то, что кормлю, пою тебя уже столько времени, бесстыжий! Мне эти твои перерождения вот где сидят, – прокричала она и, бросившись на кухню, схватила чугунную сковородку с деревянной ручкой и ринулась на мужа.

Габдельгазиз, здоровенный плечистый мужчина, спокойно мог бы справиться со своей невысокого роста худенькой женой, но посчитал кощунством начинать благое дело дракой с беззащитной женщиной, однако, на всякий случай всё же приняв боксёрскую позу (кто её знает, бережёного бог бережёт), попытался усмирить её гнев:

– Ладно тебе, жена, не горячись! У меня ведь очень большие планы, скоро ты будешь в ряду самых богатых женщин города, будешь вкусно есть, сладко пить, ходить в золотых и серебряных украшениях. Старшую дочь отправим в Америку учиться, хватит ей возле нашего вонючего Булака гулять.

Последние слова мужа, пронзив сознание женщины, дошли до её руки со сковородкой, и она непроизвольно мягко опустила её, не причинив Габдельгазизу никакого вреда. А вдруг он не врёт... Выглядит очень серьёзным. Даже самой обозлённой женщине хочется верить в лучшее, надеяться на что-то.

А Габдельгазиз, тем временем, шаркнув каблуками чёрных ботинок, высоко подняв голову, гордо удалился. Ему для выполнения завета седобородого старца оставалось только раздобыть денег, найти богатого человека, который так же, как и он, проникся бы идеей спасения своего народа. Сам Габдельгазиз уже лет пять, наверно, никаких денег в глаза не видел, но знал, что у его двоюродного брата Сайфи, занимавшего когда-то ответственный пост и за это время сколотившего приличное состояние, частично от выгодной продажи двух садовых участков, машины и гаража, кругленькая сумма лежит совершенно без движения, и вполне могла бы пригодиться в качестве начального капитала. К тому же у Сайфи ещё оставалась ино-марка, которая тоже была бы весьма полезна для ускорения процесса реализации судьбоносной идеи. Однако прижимистость Сайфи ему также была известна. Всё новое принимается с трудом. Национальное самосознание находится в зачаточном состоянии, к высоким идеалам нет никакой устремлённости. Так что холодное сердце совершенно приземлённого человека едва ли удастся растопить призывами жить национальными интересами. «Я татар и так люблю», – может сказать он и, перевернувшись на другой бок, уснуть в обнимку со своим денежным мешком. Габдельгазиз делит своих соплеменников на две категории: одни – бедные, другие, которые посостоятельней, – скупые. Сайфи в основном относится ко второй категории. Однако в каждом человеке можно найти слабинку, которая не даст ему устоять перед дьявольским искушением.

К счастью, Сайфи оказался дома. Он был в курсе того, что Габдельгазиз уже неделю не просыхает. Полагая, что родственничек по обыкновению пришёл просить денег взаймы, Сайфи не торопился встретить его с распростёртыми объятиями. Габдельгазиза это не сму-

тило. «Ничего, когда начнёт деньги лопатой грести, настроение изменится. Скажет: „Габдельгазиз-абый, извини, я тебя недооценивал,», – думал он.

Не тратя времени на расспросы о жизни, о здоровье, о погоде, он сразу же позвал Сайфи прогуляться на улицу.

– Дело есть, – проговорил он значительным тоном, с надеждой и мольбой глядя брату в глаза. Сайфи понял его по-своему.

– Сегодня у меня ураза. Дьявольскую воду не потребляю.

– Да нет, не принижай ты меня. – Искренне оскорбившись, Габдельгазиз резко махнул рукой.

Тонкая, как ивовая ветка, молодая жена Сайфи, на которой он женился уже в довольно зрелом возрасте, по полной программе насладившись холостяцкой жизнью, ещё «не доросла» до того, чтобы перечить мужу. И тем более хвататься за чугунную сковороду. Она ограничилась лишь укоризненным взглядом в сторону любимого.

Стоял один из приятных зимних дней. В воздухе крутились мягкие, как лебяжий пух, белые снежинки, которые тут же исчезали, упав на лицо, губы, глаза. Мужчины стали прохаживаться туда-сюда по скверу с недавно высаженными молодыми деревьями. Габдельгазиз начал издалека.

– Сайфи, брат, ты же знаешь, мы – дети многочисленного, сильного, но не оценённого по достоинству народа, который до сих пор не смог подняться на должную высоту. Ни один из нас так и не сумел добраться до вершины пирамиды, где распределяется жирный государственный пирог. Какие-то ничтожные юнцы живут в охраняемых коттеджах, разъезжают на мерседесах, джипах, отдыхают за рубежом с красивыми девицами, а наша жизнь проходит бездарно. Сколько ни старайся, как ни крутись, всё зря. Вот и ты без поддержки не сумел долго усидеть на лакомой должности. Твоё кресло понадобилось для кого-то другого, кто поближе к начальству. Мы-то чем хуже, хочу я спросить?

Эти слова попали прямо в точку, разбередили душу Сайфи, который относил себя к непонятым, не оценённым по достоинству людям.

– Ты прав, брат, – проговорил Сайфи грустным, обиженным голосом, – эти завистники, дармоеды не дают нам проявить себя, видно, надеяться уже не на что.

Вообще-то Сайфи по натуре был человек мечтательный, с доверчивой душой, склонный к гуманитарным наукам, к искусству. Только по настоянию своих практичных родственников, которые, впрочем, преследовали свои личные интересы, надеясь, что он поможет им под старость лет в решении продовольственных проблем, Сайфи окончил сельскохозяйственный институт.

Вначале дела шли весьма успешно. Сайфи был председателем процветающего колхоза, затем заместителем главы районной администрации. Поскольку «своей руки» в высших эшелонах власти у него не было, то неожиданно с этой должности его столкнули. Пути продвижения по службе были перекрыты.

– Бизнесом надо бы заняться, – произнёс Сайфи, поддавшись мечтательному пафосу Габдельгазиза, – найти бы какое-нибудь новое, не избитое направление.

Эти слова Сайфи бальзамом легли на душу Габдельгазиза, сердце его забило, как у только что вернувшегося со скачек коня. Пора было начинать ковать железо, пока горячо.

– Дорогой мой, я уже нашёл его, это самое новое направление, – объявил Габдельгазиз, стараясь придать голосу глубокий смысл.

– Ну да! Говори же быстрее! – Сайфи от радости даже в ладоши захлопал, как ребёнок. В этот момент он представлял собой самую наивность и доверчивость.

– У меня есть крутая, ещё никому не пришедшая в голову идея. Это будет чисто татарский бизнес, он возродит нашу нацию, наше государство, – произнёс Габдельгазиз, на сей раз придав

голосу как можно больше торжественности, но всё же не открывая до конца свою душу и секрет бизнеса. Продолжая ковать железо, он считал необходимым раскалить печь ещё сильнее.

– Говорят же, кто ищет, тот всегда найдёт. Это будет настолько выигрышное предпринимательство, что сразу же себя окупит, и мы выйдем на мировой рынок, – вдохновенно продолжал Габдельгазиз.

Сайфи, полностью охваченный его пафосом, всё же нашёл в себе силы прервать его:

– Ну же, не тяни, излагай свою идею!

Но Габдельгазиз не спешил. Ещё не время было доставать из-под семи замков тайну седобородого старца.

– Вначале я хотел один начать дело, но это было бы эгоизмом. Ты знаешь, я не такой. К родным, к друзьям я всегда с открытой душой. Я за процветание моей нации, моего племени!

От таких обтекаемых, слишком общих слов нервы у Сайфи напряглись до предела, казалось, вот-вот лопнут.

– Габдельгазиз-абый, ладно тебе, не тяни. Я уж сколько времени маюсь от безделья, не знаю, куда себя деть.

– Я ведь не для себя, для народа стараюсь, – начал было снова крутить Габдельгазиз, но Сайфи резко прервал его:

– Ладно, возьми меня в долю. Сколько у меня есть денег, всё вложу.

В следующую же минуту Сайфи пожалел о своей поспешности, но отступить было поздно. Слово не воробей, вылетит – не поймаешь.

– Конечно, и это понадобится, – как можно равнодушнее продолжил Габдельгазиз, – но деньги – не главное. Только свистни – богатые и жадные мафиозники сразу облепят своими деньгами. В наши дни важнее идея. Вон наши единоверцы, все передрались уже, но к новой идее так и не пришли, – так Габдельгазиз продолжал напускать туману, но его новоиспечённый кредитор снова резко прервал его:

– Да хватит тебе, что делать-то будем? В чём твоя идея?

– В земляной груше, – выпалил, наконец, Габдельгазиз. – Это такая репа, «топинамбур» называется, растёт в земле, как морковь или картофель. Слышал про такой продукт?

Хотя Сайфи впервые слышал о такой диковинной культуре, но виду не подал.

– Да, пробовал, вроде, когда-то. Ну и что? При чём тут эта самая груша, топихамор?

– В мире нет ничего невозможного для человека. Вон на Луну забрались, Марс обследовали. Вот на нём эту культуру выращивать. Если б ты знал, сколько полезных витаминов в ней! Это панацея от сердечно-сосудистых заболеваний, от давления, от различных воспалительных процессов и многих других болезней. Это будет чисто татарский бизнес, какой другим и не снился. По весне засеём гектаров восемьдесят земли. Землю можно купить в соседнем районе. На следующий год посевную площадь доведём до ста гектаров. Там же построим совершенно нового типа город XXI века, Новые Карамалы, например, или Новый Шарбан. Всех обеспечим работой. Только тихо, кабы кто-нибудь не украл нашу новую идею.

Габдельгазиз, как бдительный хранитель государственной тайны, приложил палец к губам.

По правде сказать, Сайфи был несколько разочарован. В душе он представлял себе бизнес иного рода: что-то вроде обработки контрабандных золотоносных пород из Якутии, или хотя бы продажа импортных лекарств, полученных в виде гуманитарной помощи, или торговля какой-нибудь травкой из Таджикистана. Конечно, предложение Габдельгазиза оригинальное, и, наверно, полезное для здоровья нации, но требует больших трудовых затрат. Как правило, такой бизнес не позволяет быстро разбогатеть. Как говорят русские, от работы не будешь богат, а будешь только горбат. Но всё же азарт старшего брата уже успел затуманить ему мозги.

– Думаю, понадобится приличный начальный капитал, может, в каком-нибудь банке кредит взять?

Но Габдельгазиз на это и ухом не повёл. Он весь был в своих фантазиях и от души наслаждался ролью, которую сам для себя придумал. Все великие комбинаторы мира: Остап Бендер, Салам-Торхан, Хлестаков, Мюнхгаузен были просто младенцы по сравнению с ним.

– Много думать вредно, надо быть решительней. «Смелость города берёт», – говаривал мой отец. С первого урожая мельницу построим. В городе откроем две заправки.

Габдельгазиз, постепенно понижая и понижая голос, потом перейдя на шёпот, добавил:

– Первый урожай земляной груши отнесём в ансамбль песни и пляски Татарстана.

– Не понял. У тебя там что, красotka на примете есть, что ли?

– Да нет. Пусть ещё лучше пляшут, выше Махмуда Эсенбаева прыгают. И президента нашего угостим, говорят, у него тоже давление скачет.

– Чтобы начать дело, приличные деньги понадобятся, – ещё раз повторил утомлённый Сайфи.

– Не мелочись, брат. Сложим в мою коричневую папку то, что есть, и будем очень экономно расходовать. Твои расходы быстро оправдаются, у меня уже есть заявка из Армении. Армяне знают толк в полезных продуктах. Вот с Израилем собираюсь наладить контакт.

С того памятного дня двоих друзей в белых, как январский снег, рубашках, в ярких галстуках, с толстыми папками под мышкой можно было видеть в различных министерствах, ответственных организациях, у глав администраций. Везде они излагали свою идею:

– Топинамбур... Нам бы кредит получить.

– Топинамбур... Продукт XXI века, будущее татарского народа. Только отсталые руководители не понимают этого...

Возглавлять список «отсталых» руководителей никому не хотелось, снисходительно улыбаясь, все подписывали бумаги, шлёпали печати, но денег никто не давал. Молодая жена Сайфи, не боясь показаться отсталой, пыталась противостоять затее мужа.

– Да не связывайся ты с этим Габдельгазизом. Нет работы, нет заботы. Лет на пять-шесть спокойной жизни денег нам хватит. А этот абзый в жизни ничего стоящего не сделал. Вы уж сколько раз пытались создать ему условия. Кроме пьянства и растративания денег, он ничего не умеет.

Но поезд уже ушёл, и никакая в мире сила не могла бы остановить этот разогнавшийся паровоз. И вот, проклятие! Расходов выходило во много раз больше, чем рассчитывали. Вначале старались тратить деньги как можно экономнее, будто через сито просеивали, но постепенно Сайфи окончательно поверил в прекрасное будущее топинамбура, своё и вообще всей татарской нации и раскрутился, что называется, на всю катушку.

Время шло. Уже растаял зимний снег, по Волге прошёл ледоход, зажурчали ручейки, на южных склонах кое-где из-под снега выглянули подснежники. В один из таких прекрасных дней в кабинете руководителя администрации некоего района появились два приятеля в белоснежных рубашках и пёстрых галстуках. Руководитель, крупный мужчина с приятной шевелюрой, был крутого нрава, но оказался чутким к национальному вопросу татаринном.

– Ребята, у меня времени в обрез. Что вы хотели?

– Мы хотели бы арендовать у вас тридцать гектаров земли.

Это было как раз то время, когда колхозы распались, землю раздавали направо-налево, кому попало.

– Нет проблем, – сказал руководитель, – пишите заявление. Что вы собираетесь делать с этой землёй? Дома строить? Тогда надо ближе к деревне.

Габдельгазиз прошёлся по мягкому ковру, чтоб унять волнение:

– Мы засеём её земляной грушей – топинамбуром.

– Это что-то вроде репы, что ли? – поинтересовался руководитель с любопытством взглянув на арендаторов.

– Фоат Мансурович, это совершенно новое направление, чисто татарский бизнес. Чрезвычайно полезные свойства этого продукта должны помочь нашему народу возродиться, обрести независимость, – начал привычно убеждать Габдельгазиз.

– Да, интересно, – только и успел вставить Фоат Мансурович. Но Габдельгазиз сел на любимого конька и продолжил расписывать необыкновенные успехи, которые их ждут в будущем:

– Как вы думаете, почему наш народ до сих пор в неопределённом состоянии? Вон наши единоверцы – чеченцы, югославские мусульмане, косовские албанцы, курды – все протестуют, борются. А татары всё пляшут под чужую дудку. А ведь среди наших предков были такие великие люди, как батыры Алып, Чура, Гали, такие гениальные организаторы, как Аттила, Кубрат-хан. Огненные кони Золотой Орды долетели до самых Альп.

Габдельгазиз всё больше распалялся и вводил в свою речь всё новые и новые выразительные средства.

– Почему вы думаете, что после падения Казани татары никак не могут возродиться как нация? Да потому что им не хватает витамина, который бы придал им силы. Картофельная баланда размягчила их мозги. Только земляная груша – топинамбур может вернуть их к жизни. Вон какая мощь в них была, пока они не пристрастились к картошке. По-моему, раньше наши предки вместо картофеля употребляли земляную грушу, поэтому в них была такая сила и мощь...

Габдельгазиз, уже сам поверив в свои фантазии, ещё раз напомнил о славном прошлом своего народа и выразил твёрдую уверенность в том, что татары могут и должны быть в одном ряду с французами, немцами или хотя бы с чехами, финнами и шведами.

– Для обновления крови и восстановления утраченной пассионарности каждый татарин в год должен съесть как минимум ведро земляной груши. Это ещё мы ведём речь лишь о двух миллионах татар, живущих в Татарстане! Живущим за пределами Татарстана помощь придёт позже!

Габдельгазиз не на шутку распалился и настолько вошёл в роль, что посчитал вполне логичным то, что у взволнованного Сайфи из глаз брызнули слёзы.

– Пожалуй, в будущем мы накормим своим волшебным продуктом и татар от смешанных браков, – торжественно завершил свою пламенную речь Габдельгазиз.

Руководитель администрации слушал всё это выступление, глядя в окно, и трудно было понять, о чём он, собственно, думает.

– Название какое-то странное, – проговорил он, наконец, воспользовавшись паузой. – Топинамбур. Это, вроде, какая-то новая культура, наши предки вряд ли о ней знали. Я-то всегда думал, что силу и мощь они получали от конины и кумыса. Надо же, оказывается, мы совсем не знаем своей истории, – сказал он, то ли шутя, то ли всерьёз.

– Ну так земляная груша с кониной как раз гармонирует. Топинамбур – слово-то, по-моему, татарского происхождения: «Тяпи» – нога, значит, такая сила приливает к ногам, что заставляет всё время двигаться вперёд.

Здесь руководитель администрации от души громко расхохотался.

– Ну ладно, ребята, дерзайте, дам вам землю самую лучшую, плодородную, мягкую, как грудь кормящей женщины. Говорят, умелые руки почву в золото превращают. Только смотрите, чтобы всё это не оказалось пустой болтовнёй.

С этого дня на душе у Сайфи стало совсем спокойно. Он решил, что все свои сбережения он вложит в это святое дело. Теперь ему было стыдно за свои прежние сомнения и прижимистость.

Габдельгазиз узнал, что в Москве есть организации, оказывающие финансовую поддержку новым начинаниям, в особенности производителям экологически чистых продуктов. Он решил посетить эти организации лично. Тут уж без подарков не обойтись. Известно, что

москвичам очень нравятся татарстанские норковые шапки, чистопольские часы, зеленодольские стеклянные изделия, чак-чак, мёд. Ну ещё, конечно, шубы казанского мехкомбината. Но шубы, пожалуй, понадобятся попозже, когда будут установлены более тёплые взаимоотношения.

Сайфи, походив по магазинам, все эти подарки приобрёл, на своей машине довёз Габдельгазиза до вокзала и посадил на фирменный поезд «Татарстан». Габдельгазиз решительно отверг предложение ехать в плацкартном вагоне подешевле.

– Сам-то я, дорогой Сайфи, обошёлся бы, мог бы и в тамбуре добраться. Купе – для меня аудитория, возможность познакомиться поближе, пообщаться. Нам ведь дорог каждый человек, поддерживающий идею топинамбура.

Таким образом, Сайфи оставалось только устыдиться своей скупости и нелепости своего предложения.

В Москве Габдельгазиз около недели жил в шикарной гостинице, в номере высшего класса. Москва навяла на него романтические воспоминания молодости. Красная площадь, Мавзолей Ленина, всё было до боли знакомо и близко ему, как человеку, в своё время несколько лет прожившему в Москве в качестве студента. Насчёт топинамбура он попытался торкнуться в несколько организаций, в которых его идея, к сожалению, не нашла должного понимания. «Не морочьте, пожалуйста, голову, вам что, делать нечего?» – отмахивались от него чиновники. Возможно, норковые шапки и чак-чак на меду, таявший во рту, могли бы в корне изменить отношение к его идее, но эти дары ушли совсем в другом направлении. Оказалось, что в Министерстве иностранных дел, через которое заботливый папаша собирался отправить дочь учиться в Америку, татарстанские гостинцы тоже пользовались большим успехом. Так что здесь он нашёл полное понимание, и это уже была победа.

При возвращении в Казань Сайфи встретил его на вокзале, сам донёс до машины багаж, ему не терпелось услышать о результатах командировки, но Габдельгазиз молчал, по лицу ничего нельзя было угадать, на ней была маска, как у квартирного грабителя.

Помолчав некоторое время, Сайфи всё же не выдержал, спросил:

– Ну как там, успехи есть?

– Поездка была весьма полезной, – не спеша, с достоинством начал излагать Габдельгазиз. – В селекционном центре я близко познакомился с одним старым евреем. Он обещал помочь с посадочным материалом. В перспективности топинамбура я окончательно утвердился, увидев, что один мужик из Орла этому еврею привёз в подарок мутоновую шубу. Из Костромы привезли большие деревянные часы. Так что конкуренция – будь здоров. Но мы – первые.

– И что, все собираются топинамбур сеять? Вот тебе на, а нам как же быть?

– Знаешь, давай-ка заглянем в ресторан, там за обедом я тебе всё подробно расскажу.

– В общем, поездка оказалось весьма полезной, – ещё раз повторил Габдельгазиз, уже сидя в уютном зале за щедро уставленным обеденным столом. – В Пушкинском фонде я познакомился с Аделией Чикбизовой, татаркой наполовину. Она сказала, чтоб я из Министерства культуры Татарстана письмо привёз, тогда она сможет помочь валютой.

– Разве не из Министерства сельского хозяйства? – удивился Сайфи.

– Да откуда угодно можно. В общем, я на полпути остановился. На той неделе опять ехать надо к тому еврею. Заодно и письмо Аделии Чикбизовой отвезу.

Два приятеля, белые рубашки которых уже стали слегка серыми от асфальтной пыли, а папки под мышками раздулись ещё больше от разных бумаг, продолжили своё хождение по различным организациям. Между тем Габдельгазиз ещё два раза прокатился в Москву за счёт Сайфи, с ещё более дорогими подарками и, наконец, на третий раз добился того, чтобы отправить дочь на полгода в Америку учиться.

Каждый раз Сайфи встречал Габдельгазиза из Москвы на своей машине, кормил его в ресторане и только после этого осмеливался заговорить про дела.

– Ну как там, в Москве? Скоро сеять будем. Землю я уже вспахал.

– Землю-то вспашем, – мрачнее отвечал Габдельгазиз, – да только вот та полурусская татарка на полгода в Германию укатила. А старый еврей оказался мошенником, обещал-обещал, а как до дела дошло, говорит, что нынче с семенами не получится.

– Что же делать-то будем? Ведь сколько денег ухлопали.

– Пока картошку посадим. Сам знаешь, татары без картошки не могут. На следующий год всё равно выьем семена топинамбура. Возьми-ка мне ещё грамм сто пятьдесят.

Впоследствии оказалось, что эта встреча у них была последней. Сайфи больше Габдельгазиза не видел. Говорили, что всю неделю он беспробудно пил, а потом, как в воду канул, никто его не видел. Телефон не отвечает, дверь не открывают.

Через две недели к Сайфи домой пожаловал пожилой мужчина в очках, с круглой бородкой, он оказался банковским служащим.

– Здравствуйте, с чем пожаловали? – спросил его Сайфи.

– Как с чем? Пора долги возвращать.

– Какие ещё долги? – удивился Сайфи и на всякий случай глазами указал жене, вышедшей с ребёнком на руках, на кухонную дверь.

– Вашей фирме был выдан кредит в пятьдесят тысяч рублей с условием погашения в течение трёх месяцев. Вот подпись и ваша печать.

– Это же не моя подпись, а Габдельгазиза Саубанова.

– Правильно. Но руководитель фирмы вы. Печать ваша. А Саубанова мы найти не можем. Пожалуйста, будьте добры, погасите задолженность. Не стоит доводить дело до суда.

На другой день повторилась та же история. В дверь постучали. На пороге появилась знакомая Сайфи по старым временам завскладом Асмабикя – Ася. Вся круглая, одинаковая что в длину, что в ширину, переваливаясь с боку на бок, как утка, она ввалилась в комнату и заворковала своим гулким гортанным голосом:

– Какая у вас прекрасная квартира! Будьте счастливы в ней. Сколько у вас детей, двое? Прекрасно! Сайфи, я не хотела тебя пока беспокоить, да вот дочь во второй раз замуж выходит. В первый раз свадьбу ей сделали скромную, ни то ни сё. Разошлись. Теперь хотим всё сделать на широкую ногу, в дорогом ресторане, с шумом, с размахом.

Сайфи знал, что эта завскладом в своё время разбогатела, делая деньги из воздуха, но, видимо, на задуманное ею грандиозное мероприятие всё равно не хватает и она пришла просить деньги взаймы. Осторожно, чтобы не обидеть гостью, Сайфи начал рассказывать ей о своём пошатнувшемся материальном положении.

– Слушай, друг, ты что, думаешь, я к тебе в долг просить пришла, что ли? Упаси бог! Обижает, я ещё не дошла до такого. Ты мне свой долг верни!

Сайфи решил, что она шутит или ошибается, и не придавал её словам серьёзного значения.

– Да ты что, Асмабикя, дорогая, я ведь тебя уже года два, наверно, в глаза не видел, о каком долге ты речь ведёшь? Шутишь, что ли? Чёрный юмор?

– От твоего имени Габдельгазиз два месяца назад занял у меня десять тысяч. Сказал, Сайфи сам занесёт. Жду – нет. Пришлось самой прийти.

– Кто занимал, у того и проси, – сказал Сайфи, еле сдерживая гнев.

– Ну так вы же, как Шера с Машерей, везде вместе ходили. Вот его расписка о том, что он занимает для тебя, всё законно. Мне всё равно, кто отдаст. Только где я буду искать твоего другана-афериста. Давай гони десять тысяч, не то проценты начнут расти.

Сайфи рассвирепел.

– Иди отсюда! Злость на блоху на шубе не срывают.

Но гостья и ухом не повела на не слишком вежливое обращение хозяина.

– Эх ты, а ещё слывёшь умным человеком. Слыхал ты когда-нибудь, чтоб кто-то разбогател на репке? Надо было хоть подумать, посоветоваться. Нельзя гоняться за недосыгаемым. Ладно, на той неделе зайду, деньги приготовь. Давай до суда не будем доводить.

Не успел Сайфи кое-как выпроводить пристающую женщину, как в дверь снова постучали. На сей раз Сайфи не стал распахивать дверь, а посмотрел в глазок. За дверью стояли трое крутых парней в коротких кожаных куртках. Сайфи схватился за голову и с криком «Топинамбур!» рухнул на диван. Почему-то внезапно до него дошло, что слово «топинамбур» вовсе не татарского происхождения, не от корня «тяпи» – нога, как излагал Габдельгазиз, а от корня «топи», чтобы не высывался, а там уж своими ногами пойдёт, куда поведут.

Гаяз Ибрайкин

Пристально вглядываясь в свою память, вижу лопухое улыбающееся лицо с крупными редкими зубами. Это Гаяз, сын известного лесника Ибрая, Гаяз Ибраев. Вот он здоровается со мной за руку:

– Не забыл меня, дружок, спасибо, я ведь тебе, хотя и дальний, но родственник, я ведь зять знаменитого кузнеца Яруллы, муж Гайши. Вот так-то вот. Всё было в моей жизни: пил, буянил, и тюремную дверь довелось открывать. Ты, шурин, говорят, писателем заделался. Ну ладно, ничего не поделаешь, лесник из тебя не получился бы, в лесу ты тут же заблудишься, машины чинить не умеешь, к плотницкому делу тоже не приспособлен. Так что пиши давай, пиши. И про меня там где-нибудь вставь, пусть внуки порадуются.

Я пытаюсь побыстрее распрощаться, пока этот старик ещё больше не опозорил меня. В памяти всплывает эпизод, участником которого был Гаяз-ага.

Колёсный трактор, проходя по мельничному мосту, пошатнулся и свалился в глубокое болото. Передняя часть кабины полностью провалилась, тракторист успел выпрыгнуть, а груда железа быстро поглотилась жижей, даже крыши не видно. Торчит только часть трактора, зацепившаяся за крепкий берег. Тракторист бегаёт вдоль берега взад-вперёд, не зная, что предпринять.

Между тем к месту происшествия набежало полно любопытных, женщин, мальчишек. Среди мужчин проглядывается и Гаяз. Он то и дело прикуривает, экономя спички, одну папиросу от другой, громко излагая собственное мнение о происходящем.

– Судьба этого трактора решена. Он там и останется. Это факт.

Тем временем кто-то пригнал другой трактор с более крупными колёсами. Пострадавший тракторист, утопая в грязи, прицепил к спасателю свой трактор железной цепью. Парни, пытающиеся спасти трактор, начинают его тянуть, но трактор «тыр-пыр» и ни с места, только грязь из-под колёс разлетается. Как назло, начинает моросить нудный осенний дождь, лишая всякой надежды на спасение.

Наконец, сотрясая всю землю вокруг, с грохотом приползает гусеничный трактор. Бедолага водитель снова соединяет свой трактор со спасательным ещё более толстой железной цепью, и начинается новый этап «спасательных» работ. Трактор-спасатель, собрав всю свою мощь, начинает приплясывать на месте, тянуть груз. Все наблюдают за происходящим в полной тишине, затаив дыхание. Провалившийся трактор, будто давая понять, что ничего не имеет против своего спасения, начинает немного шевелиться. «Спасатель» делает ещё один мощный рывок... и тут толстая железная цепь с треском обрывается.

Гаяз торжествует:

– Дык, я же вам уж сколько твержу: трактор останется там. Судьба его решена.

Но «спасатели», уже чуть было не достигшие цели, сдаваться не собираются. Делают новый буксир уже из тройной цепи, и большой трактор, пытаясь, кряхтя и издавая невероятные звуки, вновь начинает тянуть груз. Наконец, из жижи показывается крыша, затем кабина, затем

он весь сам начинает медленно ползти по берегу. И вот плотно облепленный грязью «страдалец» стоит на твёрдой сухой земле. Всё. Инцидент исчерпан. Дальнейшее интереса не представляет. Народ начинает расходиться.

«Да, Гаяз оказался в неудобном положении», – подумали, наверно, вы, и конечно, ошиблись. Повергнуть его невозможно. Он как кот. Как его не кидай, всё равно приземлится на лапы. Так что он и тут выкрутился:

– Хы, я же вам сразу сказал. Советы не дураки, чтобы такой прекрасный, работающий трактор в болоте утопить. У Советской власти такая могучая сила, что угодно вытянет. Она и фашистам бока пообломала, – произнёс он своё заключительное слово и, в очередной раз прикурив от своего же чинарика, с победоносным видом удалился вслед за толпой.

Перешагнувший за шестой десяток Гаяз-ага уже начал сдавать, ныть, плохо видеть. Во всяком случае, он сам о себе говорил именно это.

– Да, брат, только дожил до хорошей жизни и ослеп. Ничего не вижу.

Как-то иду я по самой широкой улице нашей деревни. Слышу, с другой стороны меня кто-то кличет. Это Гаяз-ага, приложив ладонь козырьком ко лбу:

– Эй, как дела, сын Исламии-апа, почему старших не приветствуешь? Совсем загордился.

Раздосадованный его критикой, перехожу к нему на другую сторону улицы, протягиваю руку. Он подаёт руку не сразу, медлит, дескать обиделся, но потом крепко жмёт мою руку своей широкой ладонью, давая почувствовать былую необузданную силу. И вдруг озадачивает:

– Ты чей будешь-то?

– Так, я сын Исламии, живу в Казани, вот приехал своих проведать. Ты же меня, узнав, позвал, Гаяз-абый, – говорю я.

– Это я так, приблизительно, только сердцем почувствовал, что ты сын Исламии-апа и Набиуллы-эзи. Так это так и есть, что ли?

Не то он шутит, не то смеётся надо мной, понять трудно. Не зря сказано кем-то из великих: «Вся жизнь – театр, а люди в нём актёры».

– Уши не слышат, глаза не видят, совсем старый я стал, – начинает он сетовать, – только горло пока в порядке. Посмотри-ка, дружок, вон там возле магазина машина стоит, а из неё выходит человек в чёрном костюме, в белой рубашке. Не Нагимы ли это сын?

– Не знаю, Гаяз-абый, отсюда трудно узнать.

– Да, да, конечно. Я-то не то чтобы узнать, я-то с этого расстояния вообще ничего не вижу.

Я спешу распрощаться, пока этот странный абый не выдумал ещё что-нибудь, и перехожу на другую сторону улицы.

1998

Дети своего времени (Документальная повесть)

От судьбы не уйдёшь...

Многие из нас полагают, что мы хозяева своей судьбы, однако в жизни часто бывает наоборот, судьба играет с человеком, и события начинают разворачиваться совсем не так, как планировал ты. Пять лет беззаботной студенческой жизни промчались быстро – и вот в руках диплом об окончании историко-филологического факультета Казанского государственного университета, на груди – значок, а реальная жизнь, с её заботами о семье, жилье, работе и о зарплате, оказывается, ещё только начинается. Кроме того, к моменту окончания университета я уже успел жениться. Будучи студентом последнего, пятого, курса, на одной из вечеринок я встретил симпатичную девушку по имени Галия, которая заканчивала медицинский институт, и, совсем забыв слова Такташа, что любовь, она старая штука, влюбился и даже женился. В моей родной деревне сыграли свадьбу и, неделки две пожив там в своё удовольствие, снова вернулись к своим нерешённым проблемам. Моя жена как молодой специалист получила направление на работу в один из районов Башкирии. Теперь нужно было заниматься переводом её в Казань. Сам я был направлен в Бугульму, в интернат воспитателем, а мне хотелось остаться в Казани, в радиокомитете, где я начал работать ещё будучи студентом последнего курса. Но самой острой была, конечно, проблема жилья. В поисках подходящего крова мы обошли весь город. Короче, пока ты студент, оказывается, о тебе заботится государство, оно даёт тебе место в общежитии, платит стипендию, а теперь вот – куча проблем, как снежная лавина, готова обрушиться на твою голову. И никому до тебя нет дела. Дважды в жизни я оказывался в такой ситуации. Но пока надо было как-то выпутаться из первой. И вот в один из таких дней, когда я находился в состоянии крайнего отчаянья, не зная, как быть, что делать, меня вызвал к себе Мирфатых-абый Закиев, заведующий кафедрой татарского языка КГУ, и предложил мне должность ассистента на его кафедре. До сих пор не могу понять, почему это счастье выпало именно мне. То ли надо было сохранить образовавшуюся вакансию, а под рукой никого более подходящего не оказалось, то ли ему на глаза попала и произвела нужное впечатление моя дипломная работа по стилистике татарского языка, выполненная под руководством Вахита Хакова, но как бы там ни было, я оказался равноправным членом кафедры среди преподавателей, у которых я только что учился.

Однако господин Шамов, бывший в то время проректором КГУ по учебной работе, отказался ставить свою подпись и под прошением о предоставлении мне комнаты в общежитии, и под письмом в Министерство образования с просьбой перевести меня из Бугульминского интерната на кафедру татарского языка. Мирфатых Закиевич решил эту проблему лично сам непосредственно с министром образования Мирзой Махмутовым, который тоже когда-то работал в университете. А кафедра с готовностью взвалила на меня дисциплины из самых разных областей татарского языка, от которых отказывались опытные преподаватели, и почти все практические занятия. Но меня больше тянуло к литературе, да и насчёт квартиры в университете перспективы фактически не было никакой, поэтому, проработав на кафедре год, я перешёл в Институт языка, литературы и истории младшим научным сотрудником сектора фольклора, которым руководил Хамит Ярми. Хамит-абый по своей природе был демократом. Он разрешил мне самому выбрать и научное направление, и тему будущей кандидатской диссертации. Как человек, увлекающийся поэзией, я сразу же определился и приступил к исследованию связей между татарской поэзией и произведениями устного народного творчества. Сдал кандидатские экзамены, а опубликованная в журнале «Советская литература» (ныне «Огни Казани») моя

первая научная статья вселила в меня надежду на моё будущее как литературного критика. И так, я работаю, учусь, однако в проблеме жилья не видно никакого просвета. Это меня очень расстраивает, хочется, чтобы семья жила по-человечески. Вот тут-то мне и помог Елабужский педагогический институт. Я и сам не заметил, как я в нём оказался. Думал, немножко поработаю и быстренько вернусь обратно в Казань. Но это моё намерение осуществилось только через двадцать лет. Фактически в этом городке, уютно расположенном на берегу Камского устья, прошла вторая часть моей молодости. Об этом и пойдёт речь впереди.

* * *

Долго я вынашивал идею написать о елабужском периоде моей жизни, о Елабужском педагогическом институте, о происходивших там крупных и казавшихся издали незначительными событиями, рассказать о людях, живших, работавших или просто бывавших в этих краях, о республиканских руководителях того времени. Однако как только я сел за стол и взял в руки перо, сразу, как сказано у Тукая, масло в лампаде таяло, настроение падало. Действительно, с чего начать эти мои воспоминания, что из моего прошлого, увиденного, пережитого, какие его ступени могут заинтересовать читателя, какие водовороты событий могут оказаться созвучными духу сегодняшнего сложного времени и помочь понять себя и окружающих? Это только таким маститым писателям, как Амирхан Еники или Мустай Карим, дозволено писать о чём угодно, о своих дедах-прадедах, родичах, друзьях, знакомых. Они ведь живые классики, о чём бы они ни писали, всё интересно, всё печатается, всё читается.

Ещё одно удерживало от создания будущей книги – сложность текущего момента. Трудно понять, куда подует ветер, – в какую сторону он понесёт наш корабль жизни. Все что-то пишут, жалуются, доказывают, кричат, разоблачают бывших руководителей, при этом не забывают себя вознести как можно выше. Можно подумать, что они не поклонялись вождям того общественного строя, который они разрушают сейчас, не пели им дифирамбы, не были винтиками той системы. Разве это возможно, быть выше своего времени, перепрыгнуть самого себя? Конечно, нет, но каждый склонен считать, что ошибались другие, а он всегда знал правду, при этом он, конечно, не учитывает, как другие судят о нём самом. Короче, даже сегодня, в период гласности, когда ветры перемен становятся всё более пронизывающими, нелегко понять, где правда, а где ложь. События, факты, которые я собираюсь изложить здесь, не являются далёким прошлым, но тем не менее в наше до крайности напряжённое время все оценки, рассуждения и восприятие существующего положения вещей могут быть взяты под сомнение. Я собираюсь описать всё пережитое не просто для того, чтобы излить душу. Это было бы с моей стороны большим грехом – использовать в этих целях и без того скудные страницы печати. Основная цель моих воспоминаний – заставить служить идеям демократии ошибки прошлого, его успехи и неудачи, его радости и горести, чтобы люди могли их учитывать в своих новых начинаниях.

Здесь речь пойдёт о людях, внешне совершенно не похожих друг на друга по возрасту, по социальному положению, по мировоззрению, по нравственному и духовному уровню. Я не претендую на создание портретов политических или экономических деятелей. Плюрализм, главное достижение современной политики, открыл нам путь к возможности по-разному мыслить, субъективно оценивать ситуацию и высказывать своё личное мнение. Вот этой возможностью я и решил воспользоваться.

Некоторые имена героев, некоторые события изменены, но в узнаваемой самими участниками событий, их родными и знакомыми степени. Демократия допускает и это. Кроме того, я отказался от приёма механического следования за фактами и происходившими событиями, а попытался подвергнуть их обобщению.

В Елабужской стороне

В 60-е годы в сторону Елабуги, Челнов, шлёпая по воде огромными деревянными колёсами, ходили ещё старые пароходы. Путь, который современные «метеоры» покрывают за несколько часов, они растягивали аж до двух суток, подолгу останавливаясь почти на каждом повороте. Однако путешествие на этом виде транспорта вызывало в душе какое-то тихое удовлетворение. Беспреданно гудя на каждой остановке, они всё равно, в конце концов, медленно, но верно доставляли тебя до нужного пункта.

Прежде чем узреть елабужскую пристань, ты ещё успеваешь рассмотреть различные ямы и возвышения, расчерченные дорожками и тропинками берега, жёлтые глинистые земли, остатки древних строений, свидетелей многовековой истории живущих здесь народов. В верховьях Камы появляются густые леса. Хвойные леса на берегах сменяют березняки, осино-вые рощи, попадаются на глаза также липа, рябина, черёмуха, орешник. И вот за следующим поворотом появляется Елабуга, считающаяся одним из красивейших исторических городов на берегу Чулман-Камы. Она предстаёт сразу во всей красе, как молодуха, желающая всем понравиться. Слева приезжающих встречает памятник наших болгарских предков – башня «Шайтан каласы» («Чёртово городище»). Чуть ближе видна железная лестница, ведущая от берега к городской черте. Справа – как продолжение большой реки – раскинулась полноводная Тойма и многочисленные озера. Над ними сияют разностильные грибовидные купола церквей. Город расположился в долине по берегам двух рек, но тем не менее место это не болотистое, не топкое. Надо же, как правильно выбрали место для города наши далёкие предки, хотя и не имели, не говоря докторов наук, но даже самого обычного диплома. Не то что наши современные «умные головы»: не так давно взяли и построили новый город в чистом поле, на месте, которое годится только для ветряной мельницы. Да ещё посмели назвать его «Джалиль», как издевательство над поэтом-героем. Да и «Новая Елабуга» построена таким же образом.

Погрузив на пароход всё своё нехитрое имущество, взяв жену Галию и трёхлетнего сынишку Ильшата, я отправился в это путешествие, конечно, не ради того, чтобы любоваться красотами древнего города. Я ехал в Елабугу, в Елабужский педагогический институт преподавателем на кафедру русской и зарубежной литературы. Почему именно пароходом? Причина здесь одна: ни на каком ином виде транспорта сюда добраться невозможно. Автобусы не ходят, через Вятку моста нет, самолёты не летают, а ближайшая станция железной дороги от Елабуги находится в ста километрах, в удмуртском городе Можге. Чем делать такие сложные круги, легче посидеть недельку в ожидании парохода, как посоветовали мне знающие люди.

Исключительно приятно, оказывается, приезжать туда, где тебя встречают. Остаться на пристани как никому ненужный, брошенный пёс, думаю, не принесло бы особой пользы в решении предстоящих многочисленных проблем. А нас на двух машинах встретил преподаватель математики Тавриз Мубараков. Кроме грузовой машины, он раздобыл как-то ещё и «Победу». Несмотря на то что эта «Победа» с большим трудом преодолела подъём от пристани и, всю дорогу фыркая, чихая и рассыпая искры, еле-еле доставила нас до места, она оставила в моей памяти неизгладимое впечатление как одна из совершеннейших современных машин. Водитель «Победы» также имел весьма примечательную внешность, он был высоченного роста, современные баскетболисты-негры в сравнении с ним изрядно проигрывают. У этого кряшенского парня и прозвище было соответствующее: полтора Ивана. В машине за рулём он выглядел весьма странно: плечи упирались в потолок кузова, а голова находилась над рулём. Иначе, чтобы он мог выпрямить голову, на крыше кузова пришлось бы проделать отверстие. Эта самая «Победа» привезла нас в первую в жизни собственную квартиру. Если бы вдруг неожиданно, непонятно за что, окажись я в раю, и то бы я не испытал такого безмерного счастья, какое пережил в тот момент. Жизнь в Казани в течение четырёх лет в чужом углу, возле керогаза,

боясь лишний раз попасть на глаза хозяйке, оказывается, нас настолько утомила, что в первое время мы даже не обратили внимания, что в нашей новой квартире нет воды, все так называемые удобства во дворе, по причине нахождения на первом этаже было сыро, прохладно. Ничего этого мы не замечали, ибо были безмерно счастливы.

То, что в самом начале своего жизненного пути мне пришлось долгое время ютиться у чужих людей, думаю, позже оказалось полезным для благополучия тех, кто работал в Елабужском пединституте. Тогда, всё испытав на себе, я понял, что у представителя интеллигенции, обычно имеющего небольшую зарплату, социально униженного, не защищённого в правовом отношении, с постоянным чувством неуверенности в завтрашнем дне должен быть хотя бы «собственный угол». Впоследствии, став ректором Елабужского пединститута, половину своего времени я тратил на выбивание квартир для преподавателей и сотрудников института. В основном именно для этой цели я налаживал и поддерживал дружеские, приятельские отношения с нефтяниками, строителями, с руководителями ткацкой фабрики, с арматурщиками, позднее с представителями КамАЗа.

Первый человек, с которым я познакомился в Елабуге, Тавриз Мубараков, оказался очень своеобразной и сложной личностью, прямо как слоёный пирог. Это был очень эрудированный талантливый преподаватель, хорошо знавший и любивший татарскую литературу, преданный своей нации. Временами он проявлял необыкновенную суровость, безжалостность и даже жестокость. Очень редко бывает так, чтобы в одном человеке уживались столь резко противоположные черты. Он мог со слезами умиления убеждать, что любит тебя от всей души и тут же через пять минут мог начать поносить тебя на чём свет стоит.

С Тавризом я познакомился через моего сокурсника, к сожалению, слишком рано покинувшего этот мир, Рима Каримова, который долгое время работал диктором и главным редактором литературно-художественных передач радиокомитета Татарстана. Это был очень искренний, чистосердечный человек, талантливый актёр с лирической душой, влюблённый в поэзию, вообще во всё красивое, гармоничное. Он же и подтолкнул меня на переезд в Елабугу. После окончания университета Рим Каримов получил направление в Елабужский педагогический институт преподавателем татарского языка и литературы. Через полгода он приехал в Казань совсем другим человеком, каким-то повзрослевшим, возмужавшим. Собрал нас, нескольких своих одноклассников, с которыми обычно ездил в фольклорные экспедиции, и прочитал длинную проповедь о том, что мы сидим тут, уцепившись за Казань руками-ногами, оторвавшись от большого мира, от настоящих людей, а реальная жизнь и настоящие парни типа героев Джека Лондона, живут там, в Елабуге. Прохаживаясь из угла в угол в маленькой комнатке полуподвального помещения, он упрекал нас в том, что мы погрязли в мещанском болоте. Мы слушали его молча, немного растерянные и удивлённые. О том, чтобы кто-нибудь раскрыл рот и что-то вякнул, не могло быть речи. Слушая его монолог, кажется, даже перестали дышать, чувствуя себя в чём-то виноватыми. Окончательно войдя в роль пламенного революционера-агитатора, Рим назвал имена преподавателей, которых он принял для себя как светлый идеал, как надёжную опору, как маяк. Это были Тавриз Мубараков и Гаяз Салахияев. Они, оказывается, живут в одной комнате и очень дружат. У первого из них Рим перенял две привычки. Первая – обращаться к человеку исключительно по фамилии, вторая – резко обрывать человека такими словами, как: «мелочишься, не мелочишься, ты темнота, ты мне не нравишься...» Когда обе привычки совмещались, как «лёд и пламя», получались убийственно-философские выражения: «Галиуллин, ты мне не нравишься», «Юсупов, ты мелочишься», «Калимуллин, ты темнота» и так далее.

Свою новую манеру обращаться к человеку по фамилии он даже «научно» обосновал: «Имя – это кличка, как у собаки, кошки или домашнего попугая. Человек отличается от животных фамилией, поэтому мы в Елабуге перешли между собой на обращение по фамилиям».

Рим Каримов и в своей любви, и в ненависти был максималистом. Он, как дальтоник, различал только два цвета; различные полутона и оттенки им не признавались. Думаю, было вполне естественно, что в каждом, кто слушал его пламенные речи, возникало желание «живьём» увидеть таких идеальных людей, которые не мелочатся, считая деньги, не напоминают без конца о невозвращённом денежном долге, которые выше всяких недостатков и бытовых мелочей. В один из своих приездов зимой он так вдохновенно расхвалил Мубаракова, что даже сам искренне, прямо как религиозный человек, уверовал в его святость, достойную поклонения. Только один из нас, Мухаммат Магдеев, хорошо знавший Тавриза, попытался опустить Рима с небес на землю, выразив своё несогласие с вознесением Тавриза до разряда пророков, но это ему не удалось. Рим, конечно же, не готов был принять никаких дополнений, а тем более исправлений, не соответствующих модели созданного им мира. Ещё бы, ведь кто-то пытается разрушить его воображаемый сказочный, хрустальный замок!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.